

# Дьердь Шпира

## ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ

**К истории политической деятельности  
И.Сечени, Л.Баттяни, Л.Кошута и Ш.Петефи**

Перевод с венгерского *О.В.Громова*

Вступит/ статья и редакция д.ист.н. *Т.М.Исламова*

М.: Прогресс. 1986

**Вступительная статья**

**К советскому читателю (от автора)**

**Трагический путь Иштвана Сеченьи**

**Лайош Баттяни**

**Клинок Шандора Петефи**

**Лайош Кошут и потомки**

Веб-публикация: **Belle Garde**

и редакторы библиотеки **Vive Liberta**

и **Век Просвещения**, 2010.

Текст подготовлен в виде скана (pdf), по главам

Тематические ссылки:

*Р.Авербух.*

Революция и национально-освободительная война  
в Венгрии в 1848-49 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94667612.htm>

(ссылки на скачивание текста книги, иллюстрации,  
дополнения)

«Весна народов»: европейские революции 1848 года

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

Вниманию советского читателя предлагается книга, рассказывающая о четырех выдающихся деятелях венгерской истории XIX века — Иштване Сеченьи, Лайоше Баттяни, Шандоре Петефи и Лайоше Кошуте. В Венгрии имена этих людей известны каждому и в комментариях не нуждаются, ибо они оставили глубочайший след в национальной истории, хотя вклад каждого из них в дело прогресса своей родины далеко не одинаков.

Советским людям хорошо знакомы имена лишь двух из них — вождя революции 1848—1849 годов Лайоша Кошута и пламенного поэта и революционера Шандора Петефи. Произведения последнего в нашей стране издавались много раз; на русском языке опубликованы также книги, посвященные его жизни и деятельности. О Кошуте же у нас издано намного меньше работ. Между тем советскому человеку, оказавшемуся в сегодняшней Венгрии, не избежать встречи с памятью о нем. Именем Кошута в тяжелый 1941 год была названа радиостанция венгерских коммунистов, доносившая до венгерского народа слово правды о войне с фашизмом, о судьбах Венгрии и поддерживавшая у тысяч трудящихся надежду на лучшее будущее.

В наши дни, в обстановке острой идеологической борьбы, когда идеологи антикоммунизма пытаются фальсифицировать, в частности, и историю революции в Венгрии в 1848—1849 годах, и деятельность ее участников, огромное значение приобретает объективно научное, в соответствии с исторической действительностью, освещение этой эпохи. Поэтому очевидно, сколь актуально издание этой книги.

Она написана одним из лучших знатоков истории Венгрии XIX века, известным венгерским историком Дьердем Шпирой. Его перу принадлежат многочисленные исторические исследования, в том числе большая монография, посвященная истории революции и освободительной борьбы венгерского народа в 1848 — 1849 годах. Как профессионального историка Д.Шпиру отличают глубокое знание исследуемого предмета, широкая эрудиция, отличное знание источников и литературы.

Настоящая книга включает в себя четыре очерка, написанных в разное время. Специально для этого издания, выпущенного в свет в Венгрии в 1983 году, был написан очерк о Лайоше Баттяни, остальные три написаны и опубликованы в различных изданиях в 60—70-х годах. Очерки эти автономны, хотя внутренне связаны между собой. И не только потому, что жизненные пути и политическая деятельность Сеченьи,

Баттjани, Петефи и Кошута не раз перекрещивались и сталкивались. Всех их объединяло патриотическое служение делу прогресса и национальной свободы в один из решающих, поворотных периодов истории своей нации, а также страстное стремление вывести Венгрию из средневековой отсталости, разрушить оковы феодализма, обрекавшие страну на экономическое и духовное прозябание, сделать ее сильной и процветающей с тем, чтобы, говоря словами Сеченьи, "нацию образовали множество просвещенных человеческих голов". Их объединяло также участие — и не просто участие, а руководящее участие! — в революции и в освободительной борьбе венгерского народа в 1848—1849 годах, когда героическая борьба венгров за свободу, независимость и социальный прогресс приобрела всеевропейское значение и приковала к себе внимание сторонников и противников свободы и прогресса во всем мире. Руководимая Кошутом революционная Венгрия в 1849 году стала самым значительным бастионом европейских революций в условиях начавшегося тогда спада революционной волны на всем континенте. С успехом дела вольнолюбивых мадьяр К. Маркс и Ф. Энгельс связывали начало нового подъема борьбы европейских народов против абсолютизма и феодальной контрреволюции. Весной и летом 1849 года, в разгар освободительной борьбы венгерского народа против австрийского абсолютизма, Ф. Энгельс на страницах "Новой Рейнской газеты" из номера в номер подробнейшим образом описывал ход военных действий на полях сражений в Венгрии и Трансильвании, радуясь успехам революционных венгерских армий и огорчаясь их неудачам.

Сущность этой освободительной борьбы, выдвинувшей венгерскую нацию в число самых передовых в Европе и превратившей Венгрию в важнейший оплот европейских революций 1848—1849 годов, блестяще выразил Ф. Энгельс: "Массовое восстание, национальное производство оружия, выпуск ассигнаций, быстрая расправа со всяким, кто препятствует революционному движению, непрерывная революция, — словом, все основные черты славного 1793 года находим мы снова в Венгрии, вооруженной, организованной и воодушевленной Кошутом"<sup>1</sup>.

Активное участие в революционных событиях, которые Ф. Энгельс сравнивал с кульминационным периодом Великой французской революции — якобинской диктатурой, принял не только Кошут, но и Петефи, Баттjани и Сеченьи. Об этом рассказывает Д. Шпира в своей книге. Одновременно с подавлением революции оборвалась жизнь двух из них. Петефи пал на поле битвы 31 июля 1849 года в одном из последних сражений венгерской армии. Лайош Баттjани — первый премьер-министр

независимой Венгрии — был казнен в Пеште 6 октября 1849 года по приговору австрийского военно-полевого трибунала. Не намного пережил их и Сеченьи. Он покончил с собой 8 апреля 1860 года в одном из предместий Вены — Деблинге, будучи пациентом-узником психиатрической лечебницы, доведенный до отчаяния австрийскими властями и, судя по всему, глубоко осознав свою трагическую ошибку — веру в великодушное отношение Габсбургов к своей растерзанной победителями родине. Естественной смертью умер лишь один из четырех героев книги — Лайош Кошут. Глубоким стариком он скончался в изгнании в городе Турине 20 марта 1894 года. Многолетнюю политическую деятельность Кошута в эмиграции автор не рассматривает в посвященном ему очерке. Вообще Д. Шпира в этой книге касается (именно касается) основных проблем венгерской истории в 1848—1849 годах и предшествующей им эпохи, а не анализирует их. Он не ставил своей целью осветить в ней историю Венгрии 20—40-х годов XIX века или биографии указанных лиц. Перед нами размышления о судьбах четырех выдающихся деятелей венгерской истории, а заодно и о судьбах самой нации в описываемый период маститого историка, нашего современника, анализирующего события прошлого на основании новых документальных данных, с учетом исторического опыта и своего народа, и всего человечества. Разумеется, не все суждения автора бесспорны, поскольку речь идет о сложных и многоплановых явлениях, не всегда поддающихся однозначному определению.

Вряд ли, в частности, правомерны попытки Д. Шпиры ставить под сомнение революционность Кошута (с. 124, 138). Был ли вождь революции революционером? Ответ на этот вопрос нельзя дать, не учитывая важнейших объективных, а не только субъективных, факторов. Разумеется, Кошут не был революционером от рождения и до поры до времени всячески стремился избежать революции, добиваясь буржуазного преобразования общества и национальной независимости без кровопролития и вооруженного конфликта. Но объективно вся его деятельность в 30—40-е годы подготавливала революционный взрыв. В конечном счете революционером его сделала сама революция, которой он служил сознательно, со всей страстью своей пылкой и романтической души. Однако его революционность не была столь радикальной, как революционность Петефи. Она определялась не только противоречивыми интересами того класса, к которому Кошут принадлежал, но и присущими этому классу колебаниями и нерешительностью. Величие Кошута в том, что он сумел возвыситься над своим классом, и именно поэтому он стал вождем всей нации. Ведя за собой дворянство, он, однако, был вынужден постоянно останавливаться и оглядываться

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 176.

назад, ибо не хотел оказаться в роли полководца без армии.

Коренные вопросы венгерской буржуазной революции и предшествовавшей ей эпохи реформ вызывали в прошлом ожесточенные дискуссии и споры в венгерской дворянской и буржуазной историографии. Некоторые из них остаются предметом дискуссии и в современной венгерской марксистской историографии, еще во второй половине 40-х и в 50-х годах внесшей огромный вклад в марксистское освещение истории и буржуазной революции 1848–1849 годов и роли ее деятелей. Однако в последние годы некоторые оценки и положения были пересмотрены и уточнены. Естественно, это вызвало новые дискуссии. Последняя научная полемика среди венгерских историков возникла несколько лет назад в связи с оценкой деятельности главнокомандующего революционной венгерской армии в 1849 году генерала Артура Гергея. Она отразилась и в данной книге и сказалась на рассуждениях автора, считавшего своим профессиональным долгом высказать свою точку зрения по тому или иному вопросу, обсуждаемому в ходе этой полемики.

В конечном счете суть всех споров сводится к вопросу о соотношении революции и реформы, бескомпромиссной классовой борьбы и исторического компромисса. Начало этому спору положила знаменитая публичная дискуссия между Сеченьи и Кошутом, происходившая в 40-х годах XIX века, еще до революции, и выдвигнувшая две основные концепции исторического пути Венгрии. Сеченьи считал, что буржуазные преобразования следовало осуществить на основе соглашения с Габсбургами с сохранением уз, связывающих Венгрию с династией и Австрией. Кошут, напротив, выступал за самостоятельное национальное развитие с перспективой возрождения независимой Венгрии. Решительным сторонником революционного разрыва с империей Габсбургов и восстановления национальной государственности был Петефи. Промежуточную позицию в этих вопросах занимал Баттани.

Чтобы стала яснее историческая и классовая в конечном счете обусловленность столь различных по своей сути концепций, диаметрально противоположных по методам достижения общей цели, выраженной в лозунге другого выдающегося деятеля той эпохи, поэта, мыслителя и политика Ференца Келчеи— "отечество и прогресс", — необходимо, хотя бы вкратце, рассмотреть, что же представляла собой Венгрия в первой половине прошлого века, и дать читателю тот минимум исторических сведений об этой стране, без знания которых трудно понять внутреннюю взаимосвязь событий и явлений, описываемых Д. Шпирой в своей книге.

Историческая Венгрия, то есть Венгерское королевство,

тысячелетие которого с большой помпой было отпраздновано в 1896 году, окончательно вошло в состав лоскутной империи Габсбургов в конце XVII века после изгнания турок-османов, в течение полутора столетий занимавших значительную ее часть. Австрийское господство утвердилось в стране в начале XVIII века, когда потерпело поражение восстание 1703–1711 годов под руководством князя Ференца Ракоци II. Это восстание завершилось компромиссом — официально подписанным Габсбургами мирным договором, в котором династия обязалась уважать сословную венгерскую конституцию, права и привилегии владений австрийского дома. И действительно, Габсбургам, правившим в Венгрии только в качестве коронованных королей венгерских, носителей короны св. Иштвана, так и не удалось превратить эту страну в обычную австрийскую провинцию, хотя подобные попытки венский двор неоднократно предпринимал в XVIII веке и в начале XIX века. Виной тому был присущий вольнолюбивому мадярству дух сопротивления чужеземному гнету, вековые традиции антиавстрийских войн и восстаний.

Австрийское давление на Венгрию стало особенно ощутимым в первые десятилетия XIX века и тем более невыносимым в связи с тем, что в стране начался переход от феодализма к капитализму. Это было время, когда не только над империей Габсбургов, но и над всем континентом витал злобный дух Меттерниха, злого гения Австрии ("паука-крестовика", по выражению Ф. Энгельса), раскинувшего сети шпионажа, тайных интриг и всеобщего осведомительства по всей Европе. Опираясь на союз с реакционнейшими монархиями Европы, Австрия преследовала и вооруженным путем подавляла освободительные устремления народов на всем континенте, от Пиренеев до Балкан, всюду выступая за сохранение феодально-абсолютистских порядков. С особой изощренностью политическая система, названная по имени ее создателя меттерниховской, внедрялась в самой Австрии, ставшей, по словам Энгельса, "страной, которая до марта 1848 г. была почти так же недоступна взорам иностранцев, как Китай до последней войны с Англией"<sup>1</sup>.

Император-король Франц II, правивший подвластными ему многочисленными народами в течение почти четырех десятилетий, с 1792 по 1835 год, и его верный слуга канцлер князь Меттерних, пережившие бурные потрясения эпохи Великой французской революции и наполеоновских войн, а также республиканское движение венгерских и австрийских якобинцев, на всю жизнь сохранили непреодолимый страх перед революцией, и это определяло каждый их шаг в политике,

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 30.

как во внешней, так и особенно во внутренней. Широко распространенные в ту пору во всей Европе, но, разумеется, не в пределах империи понятия "свобода", "народ", "нация", "конституция" — последнее канцлер неизменно называл "легализованной революцией" — были абсолютно несовместимы с духом режима. Сам император считал, что монархическая власть имеет божественное происхождение и что во "вверенной" ему империи он один несет ответственность "за спокойствие и порядок". В стране свирепствовала всемогущая, доведенная до совершенства цензура. Имперские границы были закрыты не только для политической литературы либерального толка, но и для шедевров классической немецкой литературы — произведений Лессинга, Шиллера и Гейне. Театральным группам запрещалось ставить любую пьесу, в том числе и шекспировского "Гамлета", которая могла бы навести габсбургских подданных на кощунственную мысль о возможности свержения монархии и убийства монарха.

Феодално-абсолютистский режим искусственно тормозил развитие производительных сил даже вопреки интересам собственной казны. Дабы избежать чрезмерного скопления склонного к бунтарству бедного люда, правительство уклонялось от выдачи разрешений на создание фабричных предприятий в имперской столице Вене. По соображениям "общественной безопасности" предпринимателям запрещалось нанимать в большом количестве работников из других провинций. Однако, несмотря на то что феодално-абсолютистская надстройка тормозила общественный прогресс, в 30–40-х годах XIX века уже росли и развивались новые, капиталистические производительные силы, подтачивая и постепенно разрушая основы старой феодалной структуры. В промышленность и транспорт властно вторгся паровой двигатель — символ новой капиталистической эры. В общий экономический оборот втягивались и самые глухие отдаленные аграрные районы. Тем нетерпимее становилась феодално-абсолютистская система, защищавшая интересы казны, крупной землевладельческой аристократии, крупных банкиров и подавлявшая инициативу новых зарождавшихся социальных сил — промышленной и торговой буржуазии, а также зажиточной крестьянской верхушки. Промышленный переворот коснулся прежде всего наиболее передовых, экономически развитых стран и провинций империи — Чешских земель, Нижней Австрии и Вены, а также североитальянских провинций — Ломбардо-Венецианского королевства.

Экономика Венгрии развивалась в условиях менее благоприятных и более сложных, чем в австро-чешских и североитальянских землях империи. Господство феодализма и феодальных сословных учреждений здесь было более прочным,

устойчивым и длительным во времени. И крепостнический гнет, которому подвергалось многомиллионное крестьянство, был более тяжелым, чем в самой Австрии, Чехии и Северной Италии. Экономическая мощь, политическое традиционное влияние и общественный престиж аристократии и дворянства, сохранившиеся почти в нетронутom виде и в начале XIX века не в последнюю очередь благодаря союзу аристократии с австрийским абсолютизмом, являлись основной причиной отсталости страны и главным тормозом в ее преодолении. Гарантом и "охранителем" всеилия аристократии и сохранения феодальных порядков в Венгрии выступали габсбургская династия и Австрийская империя.

Существенной причиной длительного отставания экономики Венгерского королевства была экономическая политика венского двора, в частности его дискриминационная в своей основе таможенно-тарифная политика, последовательно и планомерно сдерживавшая развитие конкурировавших с австро-чешской промышленностью отраслей производства в Венгрии. Иностранные товары, импортируемые Венгрией, облагались высокими ввозными пошлинами; австрийские же либо вовсе ими не облагались, либо же облагались пошлинами ничтожными по стоимости. Австрийский рынок, несомненно, стимулировал рост сельскохозяйственного производства в Венгрии, но ценой ее превращения в аграрно-сырьевой придаток Австрии и в монопольный рынок сбыта ее промышленных товаров.

Несмотря, однако, на все эти преграды, капиталистические отношения постепенно пробивали себе путь и в венгерской экономике, развитие которой заметно ускорилось в 30–40-е годы XIX века. В стране появились крупные, оснащенные машинами предприятия фабрично-заводского типа, были проложены первые десятки километров железнодорожных путей. Выросла численность населения, достигшая в канун революции 14,5 млн. человек (включая Хорватию и Трансильванию). Возникли первые кредитные учреждения — сберегательные кассы и банки. Важным для аграрной страны явлением был рост товарности помещичьего, а отчасти и крестьянского хозяйства. Дальнейшему движению вперед по капиталистическому пути, помимо крепостничества, мешало отсутствие источников дешевого кредита, без которого обуржуазившееся дворянство, начинавшее осознавать преимущества наемного труда свободных крестьян перед даровым, но малопродуктивным трудом подневольных крепостных, не могло перевести свои хозяйства на капиталистические рельсы. Именно поэтому вопрос о ликвидации феодально-крепостнической системы стал в предреволюционные десятилетия основным вопросом общественной и по-

литической жизни страны. Но и этот вопрос не мог быть решен без устранения чужеземного гнета и возрождения независимости. Часть помещиков искала выход в экстенсивных методах хозяйствования, в усилении феодальных форм эксплуатации, и прежде всего барщины, в расширении барской запашки путем захвата и присоединения к ней крестьянских земель.

Все это вело к необычайному усилению социальной напряженности, к волнениям среди крестьян и городской бедноты. Наряду с социальными конфликтами на первый план стал выходить и вопрос национальный. Империя Габсбургов представляла собой конгломерат национальностей, языков и религий. По приблизительным подсчетам, ее населяли 7 917 тыс. немцев, 5 419 тыс. мадьяр, 5 042 тыс. итальянцев, 4 053 тыс. чехов, 2 640 тыс. румын, 2 622 тыс. украинцев, 2 619 тыс. сербов и хорватов, 2 183 тыс. поляков, 1 722 тыс. словенцев, 1 081 тыс. словенцев. И все они, так же как и мадьяры, настойчиво требовали прав и свобод. В период перехода от феодализма к капитализму происходил сложный и многоплановый процесс формирования наций, сопровождавшийся возникновением зачатков буржуазного национализма и буржуазных межнациональных конфликтов. Особое значение имел тот факт, что в обеих половинах империи, австрийской и венгерской, проживало в общей сложности свыше 15 млн. славян. Это обстоятельство придавало славянской проблеме особую остроту, ибо, несмотря на то, что главной тенденцией этнонационального развития славянских народов было образование отдельных и самостоятельных наций, сохранялись и развивались межславянские связи, общеславянские чувства взаимности. Наличие столь большого числа славян, пробуждение их к национальной жизни, а также усиливавшаяся пропаганда всеславянских идей, нередко отождествлявшихся с панславизмом, порождали в правящих кругах страх перед мнимой угрозой панславизма. При этом превратно толковалась позиция правительства царской России, которое и не помышляло не только о каком-либо политическом объединении славянских народов, но и о какой-либо поддержке освободительных движений в Австрии и Венгрии, поскольку распад империи Габсбургов, важного элемента европейского равновесия, никак не входил в планы царизма. Это весьма существенное обстоятельство не учитывали ни Кошут, ни другие представители венгерского национального движения, о чем свидетельствует и данная книга. Так или иначе в рассматриваемую эпоху панславизм становился фактором во внутренней политике и в Венгрии, и в империи в целом. Для господствующих классов Венгрии он служил основанием для отклонения справедливых национальных требований славянских народов. Умело пользовался жупелом панславизма

венский двор, несмотря на то что главную опасность для целостности империи он усматривал в венгерском освободительном движении.

Силу венгерскому движению придавали не только прочные вековые традиции освободительных войн и восстаний, но и высокая степень организованности руководящего венгерского общества — дворянства, опиравшегося на существенные атрибуты государственности — сословную конституцию, комитатскую систему, государственное собрание, формально делившее с королем законодательную и исполнительную власть. В процессе разложения феодализма и постепенного развития капиталистических отношений политические функции национальной буржуазии взяло на себя обуржуазившееся среднепоместное дворянство, под руководством которого освободительное движение против австрийского абсолютизма получило ярко выраженное антифеодальное содержание. Истинным выразителем интересов этого политически наиболее динамичного слоя венгерского общества в 40-е годы стал Лайош Кошут.

30—40-е годы XIX века вошли в венгерскую историю как "эпоха реформ". Ее по праву связывают с именем Иштвана Сеченьи. Его отец Ференц Сеченьи в 1802 году основал первую в Венгрии публичную и ныне существующую Библиотеку Сеченьи. Подаренные им 15 тыс. книг и несколько тысяч рукописей составили основу этого богатейшего хранилища культурных ценностей. Он же создал и Национальный музей. Молодой же Иштван Сеченьи обратил на себя внимание в стране уже в 1825 году, предложив создать Венгерскую Академию наук и пожертвовав для этой цели весь годовой доход со своих огромных поместий. С именем Иштвана Сеченьи связано строительство великолепного цепного моста в Будапеште, налаживание пароходного сообщения по Дунаю, регулирование Дуная и Тисы, создание экономических и финансовых учреждений и ряд других начинаний, непреходящих по своему значению.

Но все же первостепенное значение имело теоретическое обоснование им необходимости проведения в Венгрии капиталистических преобразований. В своих работах, публиковавшихся с начала 30-х годов, он дал обширную программу модернизации феодальной Венгрии на буржуазно-капиталистической основе.

В первой половине XIX века Венгрия выдвинула целую плеяду блестящих поэтов, писателей, ученых, общественных деятелей и мыслителей, каждый из которых внес свою лепту в национальную культуру и в становление самой нации. Однако главная заслуга разработки широкой теоретически и практически обоснованной программы принадлежит Сеченьи. Она

предусматривала замену барщинного труда крепостных наемным трудом свободных крестьян при условии выплаты компенсации помещикам, ликвидацию цехов и поощрение отечественной промышленности, учреждение Национального банка и широкой сети кредитных учреждений. При этом Сеченьи был глубоко убежден, что осуществить буржуазные преобразования в обществе, вывести страну из средневековой отсталости можно и должно при сохранении крупного землевладения и традиционной руководящей роли венгерской аристократии.

Антифеодальные установки этой программы легли в основу платформы оппозиционного движения либерального дворянства. По мере радикализации движения и перехода руководства им к Лайошу Кошуту, выходцу из обедневшей дворянской семьи, чья общественная деятельность стала заметна в середине 30-х годов, борьба за национальную самостоятельность все более сливалась с устремлениями, направленными к установлению буржуазно-капиталистических порядков. Оппозиции удалось полностью поставить на службу своим целям старинные средневековые учреждения: государственное собрание, заседавшее в течение двух десятилетий почти непрерывно и ставшее авторитетным и легальным форумом движения за реформы, и комитатские собрания, сыгравшие большую роль в распространении новых идей по всей стране. "В период с 1830 по 1848 г., — писал Ф. Энгельс, — в одной только Венгрии была более деятельная политическая жизнь, чем во всей Германии, и феодальные формы старой венгерской конституции были лучше использованы в интересах демократии, чем современные формы южногерманских конституций"<sup>1</sup>. Бурная и разносторонняя деятельность буржуазно-либеральной оппозиции, душой и признанным вождем которой в 40-х годах стал Кошут, сыграла огромную роль в идейно-политической подготовке революции 1848 года, хотя ни сам Кошут и ни один из его соратников сознательно не стремились к революционному, насильственному свержению существующего строя. На страницах основанной им в 1841 году газеты "Пештский вестник" Кошут последовательно и неустанно пропагандировал идеи освобождения крепостных и завоевания Венгрии государственной независимости, а также создания ее прочной экономической основы — национальной промышленности. Широкая агитация Кошута и ее успех в самых различных слоях общества не на шутку встревожили не только венский двор и его агентов, но и самого Сеченьи. Последний, будучи принципиальным противником разрыва с Австрией и Габсбургами, опасался, что методы,

применяемые Кошутом в политической борьбе, вовлечение в эту борьбу крестьянских масс неминуемо приведут к революции, которая вызовет в Венгрии анархию, хаос и породит неисчислимые бедствия. На этой почве между двумя вождями нации, конечные цели которых в общем совпадали, началась, как уже говорилось выше, ожесточенная публичная полемика. Их принципиально различные позиции отражали два различных подхода к решению стоявших перед страной задач, ибо Кошут выражал интересы обуржуазившегося дворянства, а Сеченьи — прогрессивной части землевладельческой аристократии. Но к магнатам принадлежал и Баттани, хотя до начала войны с Австрией осенью 1849 года он был в одном лагере с Кошутом, а не с близким ему по классу Сеченьи.

В качестве главы созданной в 1847 году Партии оппозиции, а затем образованного в марте 1848 года первого правительства революционной Венгрии Баттани поддерживал решительные действия Кошута, но в противоположность ему страшился, как и Сеченьи, разрыва с династией и вооруженного конфликта с Австрией. Это и послужило причиной его отставки.

В своей книге Д. Шпира приводит много новых интересных фактов, подробно освещающих позицию этого отважного и честного политического деятеля, пожертвовавшего своей жизнью во имя своих убеждений.

В самый канун революции в лагере антиабсолютистской и антифеодальной оппозиции зародилось революционно-демократическое течение, возглавлявшееся поэтом-революционером Шандором Петефи и сыном крепостного, писателем-публицистом Михаем Танчичем, убежденным защитником интересов трудового народа. Основанный Петефи, "поэтом мировой свободы", как его называют, кружок революционной молодежи "Молодая Венгрия" представлял крайне радикальное крыло лагеря венгерской демократии. Несмотря на наличие существенных противоречий между революционно-демократическим и либеральным течениями, Петефи и его сподвижники, чьи цели и планы выходили за рамки буржуазных преобразований, поддерживали линию Кошута и оппозиции, оказывали на них прямое политическое давление, поднимая плебейские массы Пешта на борьбу за последовательно демократическое решение социального и национального вопросов.

Так было с первого дня революции до осени 1848 года, когда революция переросла в освободительную войну венгерского народа против императорских войск и их союзников, и Петефи со своими сторонниками вынужден был с оружием в руках отстаивать революционные завоевания.

Его огромная заслуга состояла в том, что он вместе со своими единомышленниками 15 марта 1848 года, в первый день венгерской революции, возглавил массы трудящихся

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 181.

столицы и повел их на штурм феодального абсолютизма в то время, как либеральная оппозиция в государственном собрании все еще занималась составлением петиции королю. В этот день студенты, ремесленники и рабочие во главе с Ш. Петефи, захватив типографию, опубликовали его "Национальную песнь", ставшую гимном революции, и ее программу — "12 пунктов", в числе которых были требования свободы слова, печати, создания национального правительства, национальной гвардии, национального банка, вывода из страны австрийских частей и возвращения на родину венгерских полков. Власть в городе перешла в руки Комитета общественной безопасности. Революция в Пеште заставила австрийского императора-короля удовлетворить требования венгерской оппозиции и согласиться на создание первого ответственного правительства Венгрии, которое, как мы уже знаем, возглавил Баттяни.

Возглавляемая Кошутом либеральная оппозиция добилась в 40-х годах значительного успеха, проведя через государственное собрание закон о признании венгерского языка официальным языком страны вместо латыни. Этот прогрессивный акт, однако, не учитывал многонациональный состав Венгерского королевства, в котором мадьяры, будучи самой многочисленной нацией, составляли едва лишь 40% всего населения. Населявшие страну словаки, закарпатские украинцы, румыны, сербы и хорваты, национальное движение которых набирало силу не в последнюю очередь под влиянием успехов мадьяр, не желали мириться с ущемлением своих прав, хотя они и были готовы признать венгерский язык официальным, но при условии обеспечения свободы развития национальных языков и культур. Либеральная венгерская оппозиция не желала считаться с законными и достаточно умеренными тогда еще устремлениями других народов королевства. При этом и наиболее прогрессивные венгерские лидеры наивно полагали, что введение буржуазных свобод и осуществление реформ само по себе должно удовлетворить все народы Венгрии, побудить их признать мадьярскую гегемонию в Венгрии и отказаться от национальной борьбы. В противоположность этому Иштван Сеченьи еще в 1842 году, выступая с речью на заседании Венгерской Академии наук, публично осудил политику мадьяризации, указав на ее нерезультативность, бесперспективность и опасность с точки зрения интересов венгерского государства. Сеченьи предупреждал: "Слабым венгерским кувшином нельзя бить по славянскому и немецкому каменному сосуду", ибо в противном случае и венгерский сосуд "вскоре будет разбит вдребезги". В известной мере его предвидение оказалось пророческим. В критический момент венгерской истории во время освободительной антиавстрийской войны венгерского народа многонацио-

нальная Венгрия стала ареной кровавого братоубийственного межнационального конфликта, и потенциальные союзники венгерской революции оказались в лагере абсолютистской контрреволюции.

Но все же революционная Венгрия сумела бросить вызов одной из великих европейских держав — империи Габсбургов — и поставить ее на грань гибели. Последняя вынуждена была обратиться за помощью к другой великой державе — царской России. Как известно, прогрессивная русская общественность в лице Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена и других революционных демократов с большим вниманием следила за героической борьбой венгерского народа, связывая с его победой и уничтожение австрийского абсолютизма — сигнал к падению царизма в России. Безоговорочным и решительным осуждением царской интервенции она спасла честь русской демократии. Сохранившиеся в наших архивах многочисленные материалы документально подтверждают, сколь непопулярен был этот поход среди солдат и офицеров русской армии, во многих случаях демонстративно проявлявших свое сочувствие к солдатам и офицерам армии гонимых.

В 50–60-х годах А.И. Герцен в "Колоколе" и Н.Г. Чернышевский в "Современнике" в многочисленных статьях поддерживали дело свободы венгерского народа. Дружеские отношения связывали А.И. Герцена с Л. Кошутом и другими руководителями революционной венгерской эмиграции. Л. Кошут высоко ценил А.И. Герцена, называя его "страшным колоколом".

Новая страница в истории взаимоотношений наших народов началась после Великого Октября, когда десятки тысяч "красных мадьяр" во время Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны сражались в рядах Красной Армии за общее дело трудящихся. В 1945 году Советская Армия освободила Венгрию от фашизма и создала прочные предпосылки для ее развития по социалистическому пути.

Отношения между СССР и Венгерской Народной Республикой характеризуются подлинной дружбой и взаимопониманием. Сотрудничество двух стран развивается во всех областях жизни — в политике, экономике, науке, культуре — и служит общему делу упрочения позиций стран социалистического содружества.

Одним из многочисленных свидетельств непрерывно развивающихся культурных связей между народами наших стран и является издание на русском языке книги Д. Шпиры, повествующей о судьбах четырех выдающихся сынов венгерского народа.

Четыре сына Венгрии XIX века, о которых рассказывается в этой книге, пожертвовали жизнью во имя обновления своей родины, во имя преобразования феодальной Венгрии в буржуазную. В вопросе же о том, каким образом можно наиболее успешно вести борьбу за это преобразование, все четверо во многом расходились друг с другом. И причина этого кроется не только и не столько в том, что двое из них родились в аристократических семействах, третий — в деревенской хижине, а четвертый — в доме скромного помещного адвоката, сколько в том, что значительные расхождения во взглядах разделяли не только выходца из плебейской семьи Шандора Петефи и мелкопоместного дворянина Лайоша Кошута, с одной стороны, и отпрысков графских родов Иштвана Сеченьи и Лайоша Баттяни, с другой стороны, и что существенно расходились в воззрениях и двое последних, хотя их общественное положение и сословное происхождение было одинаково.

Так где же искать корни расхождения в их взглядах? Прежде всего, в исключительно сложной обстановке, которая существовала в Венгрии накануне преобразований, а это делало практически невозможным, чтобы кто-то — пусть даже самый гениальный человек — в одиночку нашел бы ключ к разрешению всех жгучих проблем эпохи. Ведь условия Венгрии были таковы, что те, кто направлял процесс преобразования — как мы еще увидим, — могли вырасти только в дворянской среде, то есть среди той группы людей, которая лишь частично была заинтересована в ликвидации феодального строя, а обеспечить массовую борьбу за эти преобразования могло только крестьянство, то есть та категория людей, которая ненавидела, и не без основания, помещичье дворянство. И поскольку Венгрия не была независимой, а входила в состав Габсбургской империи, инициаторы преобразований в Венгрии вступили в противоречие не только с защитниками феодального строя внутри страны, но и со страшившимися любых изменений Габсбургами, которых миллионы крестьян (заблуждаясь, но не случайно) считали своими добрыми покровителями. Положение еще больше осложнилось тем, что сопротивление Габсбургов только сильнее разожгло в сознании венгерского дворянства усиливавшийся еще с конца XVIII века национализм; у венгерских инициаторов преобразований стали возникать все более глубокие противоречия с национальными действиями невенгерских народов, составлявших шесть десятых населения страны, в том числе и с теми, кто в принципе тоже был сторонником преобразований.

Таким образом, вполне понятно, что те, кого занимали эти разветвленные и в то же время тесно переплетавшиеся проблемы, по-разному видели их разрешение, а в результате находили решение только для какой-то одной части проблем. Понятно также и то, что со сменой периодов борьбы за преобразования, на разных этапах более целесообразными и ведущими к цели казались взгляды то одного, то другого идеолога. Равно как понятно и то, что герои, о которых мы рассказываем, поскольку они искали выхода из лабиринта проблем, зачастую идя разными путями (несмотря на совпадение конечных целей), и поскольку борьба была открытой, порою вступали между собой в споры, крайне ожесточенные, перераставшие иногда даже в острую вражду.

Тем непонятнее может быть — по крайней мере на первый взгляд, — что эти споры по завершении борьбы и после того, как пали сами бойцы, не стихли, а и в более позднее время возникали вновь. Да и ныне нет-нет да и вспыхивают в Венгрии. Еще и сегодня многие венгры, когда заходит речь об их великих предках, готовы, что называется, присягнуть на верность кто одному, а кто другому из этих четырех, считая при этом заслуги остальных трех спорными. Тот же, кто, как, в частности, и автор этой книги, попытается непредвзято осветить судьбу всех четырех, не умолчав и об их расхождениях во взглядах, и рассмотреть их, исходя из существа дела, как участников одного и того же начинания, тот зачастую рискует оказаться под перекрестным огнем нападок, исходящих с разных сторон, только за то, что не желает солидаризироваться ни с одним из представителей этих односторонних оценок.

Впрочем, тут нечему удивляться. Ведь те проблемы, с которыми приходилось сталкиваться выдающимся государственным мужам Венгрии XIX века, в процессе буржуазных преобразований были решены лишь частично; частично же их унаследовали, так и нерешенными, последующие поколения. Поэтому было бы поистине удивительным, если бы огонь былых споров совсем угас и не оказывал бы уже никакого воздействия на жителей сегодняшней Венгрии.

В то же время возникает вопрос: а могут ли эти проблемы, эти споры вызывать интерес у невенгерского читателя, которого отделяют от Венгрии XIX века не только время, но и географические расстояния? Я считаю, что да, могут. Хотя венгерский народ — всего лишь один из многих небольших народов, проживающих на территории Центральной и Восточной Европы, его думы и заботы во многих отношениях общие и всегда были общими с думами и заботами остальных народов этого региона. Таким образом, познание специфических венгерских проблем может помочь познанию исторических

проблем всего региона. А та беззаветность и то самопожертвование, с которыми герои этой книги, пренебрегая личными интересами, неустанно служили интересам своего народа, могут привлечь к ним симпатии всех доброжелательных людей мира.

Итак, представляя свою книгу советскому читателю, я надеюсь, что он с пониманием отнесется к описанным на ее страницах человеческим судьбам и, прочитав ее, посчитает, что не напрасно пустился в поучительное путешествие в прошлое, и не пожалеет о тех нескольких часах, которые провел в обществе этих уже далеких от нас венгров.

Теперь же будет уместно сказать несколько слов об основных вехах жизненного пути моих героев.

Граф Иштван Сеченьи родился в 1791 году в знатной семье земельного магната. Его отец — граф Ференц Сеченьи — известен в венгерской истории как основатель Национального музея и крупнейшей венгерской общественной библиотеки. Его мать — графиня Юлианна Фештетич — была сестрой Дьердя Фештетича, основателя первой в Венгрии высшей сельскохозяйственной школы — Георгикона в Кестхейе.

Завершив в 1809 году среднее образование, Иштван Сеченьи вступил на военное поприще и в 1813 году в качестве штабного офицера принимал участие в "битве народов" под Лейпцигом<sup>1</sup>. После окончания наполеоновских войн он продолжал служить в армии вплоть до 1826 года и неоднократно брал отпуск, чтобы совершить несколько ознакомительных поездок по всей Европе и от Турции до Мальты, во время которых посетил целый ряд стран Запада и Востока. В качестве члена верхней палаты он принимал участие в сессиях государственного собрания в период между 1825 и 1844 годами. Его имя приобрело широкую известность еще в 1825 году, когда он выступил с инициативой создания Венгерской Академии наук, предложив для этой цели 60 тыс. форинтов — сумму, равную годовому доходу с его имений. В 1828 году он выпустил книгу "О лошадях", в которой ратовал за развитие коневодства. В 1830 — 1833 годах издал три фундаментальных труда: "Кредит", "Свет" и "Стадия", в которых подробно изложил свою программу, суть которой сводилась к тому, чтобы постепенно преобразовать феодальные отношения в капиталистические путем последовательных реформ и не разрушая связей Венгрии с Габсбургами.

В целях осуществления своей программы он предпринял

<sup>1</sup> В сражении под Лейпцигом (16–19.10.1813) войска России, Пруссии, Австрии и Швеции нанесли сокрушительное поражение армии Наполеона. (Здесь и далее примечания переводчика.)

и ряд практических шагов. В 1827 году организовал пештское казино, а в 1828 — первые пештские скаковые соревнования. В 1830 году принял деятельное участие в создании Венгерского экономического общества, а в 1832 году организовал Будапештское мостостроительное общество, которое должно было построить первый постоянный мост через Дунай между Пештом и Будой. В 1833 году, облеченный правами королевского уполномоченного, он приступил к работам по регулированию нижнего течения Дуная, а через год выступил с инициативой строительства Национального театра в Пеште. В 1838 году он организовал акционерное общество по строительству первой паровой мельницы в Пеште, а в 1840 году с целью стимулировать разведение тутового шелкопряда заложил основы Шопронско-Вашского тутового общества. В 1844 году он — в числе основателей Заводского общества, а в 1845 — участвует в организации акционерного общества по строительству железной дороги Шопрон–Винернейштадт, затем в следующем году — в организации Балатонского пароходного общества и Общества по регулированию бассейна Тисы.

Деятельность Сеченьи с самого начала была с настороженностью и недоверием встречена венскими правительственными кругами, пытавшимися помешать ей. Однако с начала 40-х годов он вступил во все большие противоречия и со своими последователями, разделявшими его взгляды относительно необходимости буржуазной перестройки, но считавшими, что ее подлинное осуществление немыслимо без ликвидации абсолютизма Габсбургов. Желая защитить свою политику, Сеченьи выпустил в 1841 году листовку "Народ Востока", а в своей речи как председателя при открытии общего собрания Венгерской Академии наук в 1842 году резко выступил против терпимого национализма оппозиционеров. В 1848 году Сеченьи занял пост председателя транспортного комитета при наместническом совете, управлявшем на высшем уровне административными делами Венгрии. В качестве председателя этого комитета он разработал Предложения о новой системе венгерского транспорта (опубликованные в начале 1848 года), в которых излагается подробный план развития всех путей сообщения Венгрии. Одновременно, в 1847 году, он выпустил листовку "Выдержки из политической программы", осуждавшую политику оппозиции, затем дал свое согласие на избрание в нижнюю палату государственного собрания, сессия которого открывалась осенью 1847 года, с тем чтобы иметь там возможность непосредственно познакомиться с представителями оппозиции. После победы революции в Париже в феврале 1848 года он сделал все для того, чтобы Венгрия осталась вне европейского революционного потока.

Когда же в марте 1848 года в Вене и Пеште началась революция и оппозиционные политики встали во главе венгерского революционного движения, Сеченьи присоединился к ним и принял пост министра путей сообщения и общественных работ в созданном под председательством Лайоша Баттяни независимом венгерском правительстве. В течение полугода он с честью исполнял свои обязанности, но, когда в сентябре 1848 года понял, что стране грозит вооруженное нападение контрреволюции, силы и мужество покинули его, ибо он считал сопротивление бесполезным.

Тогда его врач, Густав Герген, поместил Сеченьи в расположенную в Деблинге, в пригороде Вены, психиатрическую лечебницу, где ему суждено было жить последние годы. Сеченьи узнал о поражении летом 1849 года венгерской революции. В связи с этим поражением, от которого, как он считал вначале, невозможно оправиться, он предъявил тяжкие обвинения самому себе, как человеку, первым повернувшему свою нацию на путь, приведший к революции. К середине 50-х годов Сеченьи, однако, пришел к выводу, что даже победа контрреволюции не смогла свести на нет силы, способные совершить в стране буржуазные преобразования; сознание этого дает ему силы для работы. В 1856 году он начал писать сатирический памфлет "Самопознание", направленный против неабсолютистского строя, установленного вступившим на трон в конце 1848 года императором Францем Иосифом и его министром внутренних дел бароном Александром Бахом, но, когда в следующем году Бах выпустил анонимную листовку "Ретроспективный взгляд на ранний период развития Венгрии", прославлявшую существующее положение, Сеченьи отложил в сторону "Самопознание" и вместо него стал писать "Взгляд на "Ретроспективный взгляд "анонима". В этом произведении он стремился объяснить международному общественному мнению угнетательский характер господства Габсбургов в Венгрии. "Взгляд" был издан весной 1859 года в Лондоне. Однако имперские власти, несмотря на то что и это издание вышло из печати без указания имени автора, поняли, кем оно было написано. Поэтому год спустя в поисках улик они учинили в доме у Сеченьи обыск, затем стали угрожать ему, что, если он не перестанет заниматься политической деятельностью, они предпримут против него суровые репрессии. Под воздействием этой угрозы в ночь с 7 на 8 апреля 1860 года Сеченьи застрелился.

Граф Лайош Баттяни родился в 1807 году, тоже в семье крупного земельного магната. Однако в духовном отношении он мало что смог унаследовать от родителей; его отец, граф Йозеф Баттяни, еще в 1807 году, незадолго до рождения сы-

на, развелся с женой, Борбалой Шкерлец, а в 1812 году умер; мать же не очень заботилась о воспитании сына.

Лайош Баттяни после получения среднего образования в Клинковстремском пансионе начиная с 1824 года в течение двух лет изучал право в Венском университете, затем поступил в 1826 году на военную службу и служил вплоть до 1831 года. Потом он принял от матери управление своими запущенными имениями и вложил много сил в их модернизацию; в это же время он совершил несколько заграничных путешествий, посетив ряд стран от Англии до Турции. В середине 30-х годов Баттяни включился в общественную жизнь своего комитата<sup>1</sup> Ваш и присоединился к либеральному оппозиционному движению. С 1839 года он в качестве члена верхней палаты регулярно принимал участие в следовавших одна за другой сессиях государственного собрания и с самого начала стал одним из лидеров дворянской оппозиции. В последующие годы он активно участвовал в создании таких общественных организаций оппозиционного толка, как, например, Промышленное общество (1841 год) или Венгерское торговое общество (1844 год); при этом Баттяни согласился возглавить эти общества в качестве их председателя. Он принимает пост председателя и созданного в 1843 году первого страхового учреждения Венгрии, а затем в 1847 году — Пештского общества сахарных заводов.

В 1845 году Баттяни становится во главе центрального комитета оппозиции, а в 1847 году — председателем созданной в том же году Партии оппозиции. В этом качестве он в марте 1848 года, после победы революции, формирует первое венгерское парламентское правительство; однако в сентябре 1848 года, когда началась вооруженная интервенция контрреволюции, Баттяни отказался от поста премьер-министра. Тогда он во второй раз получил полномочия на формирование правительства, но в начале октября отказался и от этого, одновременно отказавшись и от депутатского мандата открывавшегося в июле 1848 года в Пеште первого венгерского государственного собрания, сформированного из народных представителей. После этого Баттяни присоединился к народному ополчению комитата Ваш, созданного для вооруженной борьбы против императорских войск, но в декабре снова получил депутатский мандат и возвратился в Пешт. В январе 1849 года в качестве члена мирной делегации государственного собрания он едет в ставку противника. Однако императорские военачальники арестовали его и предали военно-полевому суду, который 30 августа 1849 года приговорил его к

<sup>1</sup> Старое название губернии (области) в Венгрии.

смертной казни. Приговор был приведен в исполнение 6 октября того же года, в первую годовщину памятного революционного восстания жителей Вены<sup>1</sup>.

Шандор Петефи (настоящая фамилия — Петрович) родился в 1823 году в семье, принадлежавшей к мещанскому сословию. Отец его, Иштван Петрович, вместе с женой, Марией Хруз, жили в различных сельских городах междуречья Дуная и Тисы, арендуя то мясную лавку, то корчму.

Шандор Петефи, не закончив среднюю школу, стал зарабатывать в 1842 году на хлеб сначала как бродячий актер, затем — как переводчик (способный юноша владел к этому времени несколькими иностранными языками). В 1844 году он стал помощником редактора журнала "Пешти диватлап" ("Пештский журнал мод"). В том же году вышла из печати первая книжка его лирических стихов, а также сатирическая поэма "Сельский молот". В 1845 году появился второй сборник его стихов и сказочная повесть в стихах "Витязь Янош"; в 1847 году вышло в свет первое издание и в начале 1848 года — второе издание всех его стихотворений.

В политическом отношении Петефи вначале был сторонником либерального дворянства, однако к 1846 году он сделал заметный сдвиг в сторону радикализма и стал разделять идеи французского утопического социализма, выходившие за рамки буржуазных преобразований. Он ясно понимал, что в Венгрии пока сложились лишь условия для развития капиталистических отношений и поэтому по-прежнему не порывал с оппозицией. Однако Петефи не мог освободиться от убеждения, что методами дворянской оппозиции нельзя добиться даже ликвидации феодального строя и что буржуазные преобразования можно осуществить, только используя революционные средства. Поэтому он организовал из группировавшейся вокруг него радикальной интеллигенции рыхлую группировку (называвшую себя вскоре "Молодой Венгрией"), чтобы через нее оказывать последовательную поддержку либералам, одновременно подвергая их и систематической критике и неустанно вдохновляя на новые шаги вперед. Находясь во главе этой группы, Петефи стал инициатором народной революции, начавшейся в Пеште 15 марта 1848 года.

В первые недели после победы революции Петефи вел активную деятельность в качестве члена комитета общественного спасения Пешта и комитета Пешт и в качестве офицера

<sup>1</sup> Венское восстание (6 октября 1848г.) — второе восстание венцев (после 13 марта 1848г.), в котором приняли в основном участие рабочие и студенты. Революционный народ воспрепятствовал отправке австрийских войск в Венгрию.

пештской Национальной гвардии. В апреле 1848 года он стал соредактором левого литературного журнала "Элеткепек" ("Картины жизни"). В июне 1848 года Петефи выдвинул свою кандидатуру для баллотирования в депутаты государственного собрания, но в его избирательном округе победу одержал его соперник — кандидат от либералов. В течение нескольких месяцев после выборов он работал над поэмой "Апостол", в которой сильнее, чем во всех предыдущих его произведениях, выкристаллизовались в поэтической форме его надежды и разочарования, связанные с думами о прогрессе человечества. В это же время он вступил в сформированную в июле 1848 года левую революционную организацию типа партии, в "Общество равенства", а в сентябре стал членом Постоянного комитета этого общества. После начала освободительной борьбы и образования сменившего правительство Батъяни более левое государственное Комитетом обороны Петефи в октябре 1848 года вступил в армию рядовым, а с января 1848 года сначала в чине капитана, а затем майора служил в качестве адъютанта при выдающемся польском полководце генерале Юзефе Беме, командующем трансильванской группой революционных войск. 31 июля 1849 года Шандор Петефи пал на поле брани в Шегешварской битве.

Лайош Кошут родился в 1802 году на севере Венгрии в обедневшей дворянской семье. Отец его, Ласло Кошут, зарабатывал на хлеб адвокатской практикой (ко времени рождения сына он был юридическим советником в имении знатного графского рода Андраши); мать, Каролина Вебер, происходила из обедневших дворян.

Лайош Кошут получил среднее образование в церковных гимназиях; затем, в 1819 году, стал студентом юридического факультета Шарошпатакского университета и в 1823 году получил диплом адвоката. В течение последующих девяти лет он был адвокатом в центре комитата Землен — городе Шаторальяуйхей; в это же время он, будучи активным сторонником дворянской оппозиции, включился в политическую жизнь комитата. В 1832 — 1836 годах Кошут в качестве поверенного отсутствующих депутатов-магнатов впервые в своей жизни принял участие (разумеется, с совещательным голосом) в работе государственного собрания; тут он редактировал оппозиционные по духу "Известия государственного собрания" (распространявшиеся сначала в рукописном виде, а позднее отпечатанные типографским способом). После закрытия государственного собрания Кошут продолжал эту работу и издавал газету "Известия законодательного органа", в которой своими отчетами о местных политических боях стремился помочь согласованию деятельности оторванных

одна от другой оппозиционных групп, действовавших в разных комитетах. Однако в 1837 году против него возбудили политический процесс и приговорили к трем годам тюремного заключения.

После освобождения из тюрьмы Кошут в 1841 году снова начал издавать газету (на этот раз уже печатную) "Пешти хирлап" ("Пештский вестник")<sup>1</sup>, которая благодаря его усилиям очень скоро стала мощным рупором и организатором либерального дворянского движения. Одновременно с этим он активно участвовал в организационной работе на общественном поприще оппозиции; стал директором начавшего свою деятельность в 1841 году Промышленного общества и в этом качестве — душой промышленных выставок, проходивших начиная со следующего года в Пеште. Когда же в 1844 году у него отобрали газету, он еще более активизировал свою деятельность в этом направлении: стал исполнять директорские функции в организованном несколько месяцев спустя с целью поддержки отечественной промышленности, но вскоре переросшем эти рамки и ставшем политической организацией в масштабе страны "Обществе защиты"; затем, в следующем году, — также и в обществе, организованном для строительства между Вуковаром и Фиуме (ныне Риека) железной дороги. Однако основным полем его деятельности во второй половине 40-х годов становится общественная жизнь центрального комитета страны — Пешта; он принимал весьма активное участие в сессиях комитатского собрания, зачастую обсуждавших вопросы общегосударственной важности и вырабатывавших в большинстве случаев связанные с ними определяющие позиции и для других законодательных органов; благодаря этой своей общественной деятельности Кошут становится одной из самых авторитетных фигур дворянской оппозиции, а если говорить о ее левом крыле — то его несомненным лидером. Закономерно, что в 1847 году именно он разработал основной текст Манифеста оппозиции, сформулировавшего политику Партии оппозиции, а на открывшейся в ноябре сессии нижней палаты последнего сословного государственного собрания он — как депутат от комитета Пешт — выступал в роли основного оратора оппозиционной депутатской группы.

После того как разразилась мартовская революция, Кошут становится "душой" государственного собрания, и законодательные органы под его руководством формировали новые законы, закреплявшие буржуазные преобразования. В правительстве Баттьани Кошут получил пост министра финан-

сов; однако его деятельность намного выходила за пределы, ограниченные данным министерским портфелем, и в соответствии с этим на открывшейся в июле 1848 года сессии палаты депутатов нового государственного собрания, состоявшего из народных представителей, на него опять были возложены обязанности основного рупора правительства. В течение летних месяцев Кошут все больше отходил от либерального большинства правительства и все больше сближался с революционным левым крылом. После вооруженного выступления контрреволюции и краха правительства Баттьани Кошут осенью 1848 года возглавил либерально-радикальную коалицию, взявшую в свои руки исполнительную власть, и начиная с этого момента он в качестве председателя государственного Комитета обороны стал главным организатором сопротивления. В апреле 1849 года, видя массовое поправление, начавшееся в рядах либерального дворянства, он провел через государственное собрание декрет о лишении Габсбургско-Лотарингской династии прав на венгерский трон. Однако начавшийся процесс поправления ему даже этим не удалось приостановить: сам он в это время становится правителем — президентом Венгрии, но реальная власть все больше и больше ускользает из его рук. В августе 1849 года, накануне краха, он уже и формально отказался от высшей власти, возложив ее на стоявшего во главе немногочисленных к тому времени венгерских войск генерала Артура Гергея<sup>1</sup>, придерживавшегося правого курса, а сам бежал на территорию Турции.

Императорский двор заочно приговорил Кошута к смертной казни и потребовал от Турции его выдачи. Однако турецкие власти отказались выполнить это требование и интернировали Кошута в малоазиатской провинции Кютахье. В 1851 году Кошут был освобожден и с этого времени по 1860 год жил в Англии. Свою главную задачу он видел в том, чтобы, и находясь вдали от родины, готовить новую освободительную борьбу венгров против Габсбургов. С целью обеспечить успех этой борьбы он старался завоевать на сторону венгерского дела правительственные круги и общественное мнение западных держав. Однако он не сумел этого добиться: хотя во время своих поездок и выступлений он повсюду встречал горячий прием, ему не удалось создать на родине значительный лагерь своих сторонников; не удалось так-

<sup>1</sup> Гергей А. (1818–1916) — венгерский генерал, один из военачальников революционных войск, боровшихся против Австрии в 1848–1849 годах. Был главнокомандующим революционной армии; на заключительном этапе борьбы вступил на путь соглашения с противником, завершившийся полным предательством — капитуляцией возглавляемой им армии.

<sup>1</sup> Печатный орган оппозиции, издававшийся Кошутом и сыгравший огромную роль в подготовке революции.

же призвать великие державы взять на себя существенную роль в предоставлении Венгрии независимости.

С 1860 года и до конца своей жизни Кошут жил на итальянской земле. В середине 60-х годов он вновь предпринял усилия, чтобы направить венгерское общественное мнение против готовящегося австро-венгерского соглашения; эту борьбу, после того как соглашение стало в 1867 году свершившимся фактом, он продолжал и дальше, неутомимо и беспощадно бичуя в своих статьях и посланиях систему дуализма, установленную в результате соглашения. Однако мало-помалу он вынужден был признать, что его обращения лишь глас вопиющего в пустыне и что это поприще сохраняется для него лишь на страницах исторических книг. В период между 1879 и 1882 годами он работает над трудом "Письма из эмиграции", готовя его к печати; в трех томах этого труда собраны его письма, документы и воспоминания, освещающие деятельность Кошута на рубеже 50-х и 60-х годов. Затем он начал систематизировать более ранние и более поздние свои документы, подготавливая их к выходу в свет. Поглощенный этой работой Кошут отошел на вечный покой 20 марта 1894 года вдали от родины, в итальянском городе Турине; правда, в отличие от других трех героев этой книги он умер своей смертью.

*Дьердь Шпира*

# Дьердь Шпира ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ

К истории политической деятельности  
И.Сечени, Л.Баттяни, Л.Кошута и Ш.Петефи

Перевод с венгерского *О.В.Громова*  
Вступит/ статья и редакция д.ист.н. *Т.М.Исламова*  
М.: Прогресс. 1986

Вступительная статья  
К советскому читателю (от автора)  
Трагический путь Иштвана Сеченьи  
Лайош Баттяни  
Клинок Шандора Петефи  
Лайош Кошут и потомки

Веб-публикация: Belle Garde  
и редакторы библиотеки Vive Liberta  
и Век Просвещения, 2010.  
Текст подготовлен в виде скана (pdf), по главам

Тематические ссылки:

*Р.Авербух.*

Революция и национально-освободительная война  
в Венгрии в 1848-49 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94667612.htm>

(ссылки на скачивание текста книги, иллюстрации,  
дополнения)

«Весна народов»: европейские революции 1848 года  
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

# ТРАГИЧЕСКИЙ ПУТЬ ИШТВАНА СЕЧЕНЬИ

Его бранный прах вот уже столетие покоится в склепе Ценкского замка, — прах человека, ставившего своей целью пробуждение целой нации, и вот уже четвертое поколение бесплодно борется с забвением, искажениями и непониманием. Если бы жизнь его и не сделала несомненным его величие, то его "жизнь" после смерти достойным образом может это засвидетельствовать, и если при жизни мы не находили в ней трагичного, то после смерти мы наверняка сможем это обнаружить. Потому что трагедия мертвого Сеченьи начинается там, где роковой pistolетный выстрел подвел черту под жизнью живого: могила точно так же ни на мгновение не дала успокоения отвернувшемуся от жизни Сеченьи, как и молодому юноше — большой мир, жадному до дел и действий зрелому мужчине — его родина и усталому старику — Деблинг.

Дух Сеченьи только тогда обрел бы покой, когда в умах и сердцах сменявших друг друга поколений он нашел бы подобающее ему место. Однако потомки воздвигли ему памятники не в душе и сердце своем, а на площадях своих городов, несут его великое имя не в душе и сердце своем, а лишь на устах. Но ушедший из жизни Сеченьи — точно так же, как и живой, — не блистать желал, а воздействовать, но его мертвого — так же, как и живого, — прохладнее всего принимали именно те, к кому в первую очередь было обращено его слово, а превозносили громче всех те, которые меньше всего готовы были ему следовать.

В качестве закономерного следствия капитуляции при Вилагоше<sup>1</sup>, незавершенности освободившей крестьян революции в Венгрии, начиная с 1849 года каждое прогрессивное политическое направление, даже любая группировка, лишь маскировавшаяся под прогрессивную, желая снискать популярность, в поисках своих предшественников обращалась к 1848 году и к имени Кошута. Поэтому совершенно ясно, что противники этих политических направлений тоже искали себе для этой цели — поскольку никоим образом не желали раскрыть антипрогрессивность своих намерений — отнюдь не противников Кошута — Меттерниха<sup>2</sup>, Аппоньи<sup>3</sup> или Франца

<sup>1</sup> Капитуляцией при Вилагоше (Ширя. Ныне в СРР) завершилась национально-освободительная борьба Венгрии против Австрии в 1848–1849 годах.

<sup>2</sup> Меттерних К. (1773 – 1859) — канцлер Австрии; один из организаторов реакционного Священного союза (Австрия, Пруссия и Россия), направленного на подавление революционных и национально-освободительных движений.

<sup>3</sup> Аппоньи Д. (1808–1899) — крупный землевладелец, лидер венгерских консерваторов.

Иосифа, — а в качестве предшественника Кошута, но в то же время самого беспощадного его критика — Сеченьи, имя которого они стремились использовать. Я повторяю: имя Сеченьи, так как эти сторонники Сеченьи больше ничего и не знали о нем — только имя. И я повторяю снова: имя Сеченьи, ибо и те из них, кто действительно изучил его жизнь и его взгляды, помимо имени, в лучшем случае имели обыкновение ссылаться на отдельные, произвольно выбранные ими его суждения и поступки; остальное же либо обходили, либо начисто замалчивали, чтобы однозначно выдать Сеченьи за противника Кошута.

Так содействовали неусыпному поддержанию трагизма мертвого Сеченьи именно его почитатели: так пытались снова и недвусмысленно столкнуть его с Кошутым, хотя в деблिंगском одиночестве Сеченьи сумел примириться с ним; и не только столкнуть, но изобразить его самым заклятым врагом Кошута. Так пытались чествовать в нем (а устами своих противников, разумеется, осудить), в первом великом пионере венгерского либерализма, поборника консерватизма. Так пытались представить наиболее прогрессивное и актуальное в его доктринах, в уроках его жизни — наиболее отсталым, изжившим себя. И это кажущаяся победа его лжедрузей. Не только потому, что каждый удар вызывает ответный удар и в соответствии с этим продолжатели кошутловской политики, выдвигая односторонние как противовес Кошута — Сеченьи, считали своим долгом защищать память не подлинного Сеченьи, а только лишь память Кошута, но именно и потому (и в этом корень трагизма как мертвого, так и живого Сеченьи), что Сеченьи легко использовать не только против Кошута, но и против него самого. И не только Сеченьи 1841 года, Сеченьи 1830 или сентября 1848 года противопоставить Сеченьи марта 1848 года, но и отдельные черты и устремления Сеченьи того или иного исторического момента противопоставить другим чертам и устремлениям Сеченьи того же самого периода.

Ведь по сравнению с тем Сеченьи, который был первым провозвестником отмены феодальных привилегий и предоставления права владения земельной собственностью недворянам, но который, не отказываясь никогда от этого своего требования, стал главным глашатаем также и распространения системы латифундий (неделимых родовых имений); по сравнению с тем Сеченьи, который пожертвовал годовой доход от своих имений в пользу научного общества, призванного культивировать венгерский язык, хотя в то же время свои дневники писал только на немецком языке; по сравнению с тем Сеченьи, который со свойственным высокопоставленному и высокообразованному магнату чувством през-

рения взирал на малосильных и отсталых мелкопоместных дворян и подъем государства связывал с аристократией, в то же время своих доверенных лиц подбирал, правда тщательно, из среды мелкопоместного дворянства (желая окружить себя наиболее образованными людьми) и не стеснялся открыто признать: "... Основное препятствие на пути прогресса и подъема нашей родины — это мы, крупные помещики"; по сравнению с тем Сеченьи, который собирал в стройную, продуманную систему все свои новаторские предложения и который тем не менее так часто поддавался минутному капризу; по сравнению с тем Сеченьи, который, с одной стороны, считал всю свою жизнь борьбой за спасение души, но даже в бытность свою министром бежал с исповедью к своему духовнику, ища успокоения, а, с другой стороны, начиная с молодого возраста носился с мыслью о самоубийстве, чтобы в конце концов действительно, уверовав в это, взять на себя "смертный грех" и подвести черту своему земному существованию; по сравнению с тем Сеченьи, в котором непрестанно боролись между собой преувеличенная чувственность и романтическое преклонение перед бесплотным женским идеалом, повышенное самолюбие и беспредельное малодушие, холодная замкнутость и жадные поиски товарищей и друзей, — по сравнению с этим Сеченьи действительно трудно представить себе человеческий и политический характер, сотканный из более противоречивых нитей.

Но на самом деле эти глубокие внутренние противоречия Сеченьи со всеми вытекающими из них последствиями не могут затмить прогрессивный в основе своей характер его исторической роли, которую, однако, открыто или молчаливо, подвергали сомнению не только те, кто считал его консервативным, но и те, кто, отдавая должное столь удобно устоявшимся банальностям, считал его политиком реформ. Потому что консерватизм и реформы — это противоречия, не исключющие одно другое, а наоборот — предполагающие существование друг друга: если мы хотим пользоваться терминами в их подлинном смысле, то политикой реформ следует называть лишь такое стремление, которое предполагает заменить другими, более прогрессивными не существенные слагаемые, основы того или иного общественного строя, а лишь отдельные, не затрагивающие сути и основы элементы данного строя, обновив их и улучшив, вольно или невольно, в интересах сохранения и укрепления именно существенных слагаемых и основ строя. Такое стремление лишь до тех пор может играть прогрессивную роль, пока соответствующий общественный строй не утратит права на существование, пока не "созреет" для гибели. А в Венгрии господствовавший феодальный строй в период появления Сеченьи на арене обществен-

ной деятельности уже находился в состоянии упадка, и имен- но поэтому любое стремление, направленное на его преобра- зование, иначе говоря, на задержку его гибели, могло лишь тормозить прогресс.

Однако та программа, с которой Сеченьи выступил в 1830 году и верность которой он сохранил до конца, была призвана вовсе не оживить умирающий феодальный строй: эта програм- ма — программа капитализма и явное объявление войны фео- дализму, феодальному строю. Она прокламировала ликвида- цию института фамильной феодальной собственности при од- новременном узаконении права землевладения недворян, а это было не что иное, как стремление заменить монопольное феодальное владение господствующего класса помещиков ос- новным средством производства — землею (краеугольный камень всего феодального строя) на его диаметрально про- тивоположность — буржуазную собственность — основу ка- питалистического строя. И оживить небольшое внутреннее потребление и отсталую кредитно-банковскую жизнь, развить донельзя запущенный транспорт, а в интересах стимулирова- ния всего этого создать всенгерскую кассу (банк), а это означало не что иное, как дальнейшие мощные шаги по пути замены характерной для феодализма узкой и маломощной системы натурального хозяйства со всеми ее вопиющими противоречиями присущим капитализму крупнотоварным хозяйством. И там, где ранее сеяли только зерновые, впредь следовало выращивать и технические культуры, разводить ту- говый шелкопряд; там, где ранее, помимо человеческих рук, в лучшем случае действовали силы ветра и воды, впредь надо было использовать энергию пара. А это не что иное, как заме- на примитивных производительных сил, характерных для фео- дализма, более развитыми производительными силами, со- ответствующими капитализму. Вместо отработывавших бар- щину крепостных крестьян использовать труд наемных рабо- чих; вместо окостенелых цеховых пут ввести свободу про- мышленности. А это не что иное, как установление на облом- ках феодальных производственных отношений со всеми их разительными противоречиями капиталистических производ- ственных отношений. И отменив сословные привилегии, обез- печить для всех граждан страны равенство перед законом; от- менив освобождение дворян от налогов и пошлин, сделать равномерным бремя обложений для всех жителей страны. А это не что иное, как замена феодальной системы материаль- ной зависимости ее прямой противоположностью — систе- мой буржуазного равноправия. И из пустоголовых аристо- кратов, никчемных дворянчиков, ограниченных буржуа или равнодушных крестьян "вытесать" образованных мужей, раз- вить родной венгерский язык, презираемый даже у домаш-

него очага, обреченный на прозябание, даже на угасание, и сделать его богатым идиоматическим материалом, содейст- вующим расцвету науки и культуры. Это значило — превра- тить захудалую родину, дикую цитадель укоренившихся еще в средневековые предрассудков, в ее прямую противополож- ность — в уютное пристанище просвещенного разума. Таким образом, *программа* Сеченьи по сути своей не программа ре- форм, направленных на латание дыр феодального строя, а программа коренных изменений, буржуазных преобразова- ний, поставленных на повестку дня самой историей, — и в этом ее революционное значение.

К этому, однако, надо сразу же добавить, что неверно бы- ло бы назвать *политику* Сеченьи, учитывая только ее *прагма- тические* аспекты, политикой *реформ*. Сеченьи, как изв-стно, свою программу, имевшую революционное значение — прове- дение в Венгрии буржуазных преобразований, — намеревался осуществить не революционными методами, не путем револю- ционной смены существовавшей власти, а, наоборот, не нанося ущерба единству империи и абсолютной власти Габсбургов, сохраняя руководящую роль дворянства (в том числе и аристократии), и, что особенно важно, не с помощью широкого и радикального народного движения, а путем зако- нодательных распоряжений, которые должны быть приняты сверху, по доброй воле власть имущих. Иначе говоря, в его политике с *целустановками*, направленными на революцион- ное преобразование общества, применялись такие *методы*, ко- торые могли быть пригодны лишь для преобразования обще- ства путем реформ. И в подобном противоречии масштабных целей и не соответствующих им средств и кроется трагизм судьбы Сеченьи.

Так как поставленные Сеченьи революционные по своему характеру цели можно было достичь лишь революционным путем, которым он пренебрегал, более того, сознательно счита- л необходимым обойти, они были недостижимы тем путем, который он избрал. И если в начале деятельности Сеченьи это еще не было очевидным и в силу отсутствия революционной ситуации не казалось непосредственной проблемой дня, то в 1848 году это стало совершенно явным, когда вопрос о бур- жуазных преобразованиях в Венгрии — тогда уже назревший — стали решать дворянство и *народные массы* и, поднявшись вместе на революции против абсолютизма Габсбургов и ари- стократии, довели дело до победы. Убедительную силу этого поворота не умаляет и то, что 1848 году предшествовала на протяжении двух десятилетий борьба представителей дворян- ских кругов, шедших по стопам Сеченьи и стремившихся осу- ществить буржуазные преобразования путем реформ, исклю- чительно законными средствами, и это обеспечило невидан-

ный расцвет разума и гуманизма на венгерской земле, о котором с признанием отзывались лучшие умы тогдашней Европы и перед которым по достоинству склоняет голову и сегодняшнее поколение. Ведь в эти два десятилетия либерального дворянского движения Сеченьи сумел осуществить лишь отдельные пункты своей программы, а решающий поворот от феодализма к капитализму он был не в силах осуществить (даже в сложившейся наконец в 1846 году революционной ситуации), и по-настоящему *историческое* значение приобретает как раз его попытка преодолеть самого себя в период подготовки к 1848 году; причина же непосредственной неудачи этого опять-таки кроется в противоречивости поставленных целей и избранных для их осуществления средств, что характеризует — пусть даже не в такой степени, как самого Сеченьи, — все либеральное дворянское движение.

И правда: история знает примеры осуществления буржуазных преобразований даже сверху, феодальным абсолютизмом, посредством проведения реформ. Так произошло позднее в России, где сам царизм освободил крепостных крестьян, однако эта акция, именно потому, что она была осуществлена без участия народных масс, естественно, привела лишь к уродливым результатам. Положение же Венгрии с ее почти колониальной судьбой не может быть сравнено с положением России. Сеченьи не без оснований с надеждой обращал свои взоры к дворянству: венгерское среднепоместное дворянство (рассматриваемое в весьма общем плане) было заинтересовано в буржуазных преобразованиях в той же степени, что и в сохранении феодальных отношений, и эта двойственность его интересов, хотя и порождала его колебания, всегда удерживала от решительных шагов вплоть до того момента, когда уже не оставалось иного выбора; это в свою очередь сделало для него возможным то, что в 1848 году оно получило поддержку народа и сохранило за собой руководящую роль. Что же касается самого высшего слоя привилегированного класса — магнатов, то он не оправдал и не мог оправдать ожидания Сеченьи: венгерская аристократия (за исключением нескольких особо одаренных, находившихся в исключительном положении магнатов) пользовалась столькими преимуществами при господствовавшем режиме и настолько была лишена широкого кругозора, что без колебаний заняла позицию упрямого отрицания даже самых умеренных нововведений. Еще меньше жизнь подтвердила точку зрения Сеченьи, будто буржуазные преобразования в Венгрии можно осуществить без столкновения с габсбургским абсолютизмом, ибо историческая роль абсолютистского государства в высшей степени противоречива: с одной стороны, оно всеми силами защищает перезревший феодальный строй, а с друго-

стороны, волей-неволей содействует развитию подрывающих этот строй — а значит, и существование феодальной собственности — капиталистических тенденций. Это характерно, хотя и в несколько ограниченной степени, и для абсолютизма Габсбургов. И в минимальной степени — для Венгрии: ведь габсбургский абсолютизм тоже в известной мере способствовал появлению зачатков капиталистических отношений, но почти исключительно на наследственных австрийских землях, служивших основными опорами империи; что же касается Венгрии, то интересы ее развития он до самого своего конца последовательно подчинял интересам развития — во многом крайне противоречивым — этих провинций.

Каковы же причины внутренней противоречивости политики Сеченьи? Почему он, страшившийся любых революционных средств, ставил перед собой такие цели, которые можно было достичь только с помощью этих средств? И наоборот: почему он, ставивший перед собой и перед своей нацией революционные цели, последовательно отклонял любое средство, которое в действительности соответствовало бы его целям? Может быть, все это являлось само собою разумеющимся, закономерным следствием его положения — представителя высшего дворянства, крупного помещика? Было бы бессмысленной, свидетельствующей о духовной лениности попыткой объяснить положение только этими обстоятельствами. Потому что, если деятельность Сеченьи отражала бы просто его принадлежность к высшей — и не стоит забывать, отмиравшей, как с точки зрения ее реального положения, так и с точки зрения ее сознания, — прослойке венгерских магнатов, то этой деятельности должно было бы недоставать тех, несомненно, прогрессивных черт, которые как раз и характеризуют ее в первую очередь. Но и не в меньшей степени бессмысленной попыткой было бы искать у Сеченьи какой-то отрыв от аристократии! Потому что в нем, и в этом нет никакого сомнения, говорил и глубоко заложенный классовый инстинкт эксплуатировавшего крепостных крестьян крупного помещика, когда он предостерегал от того, чтобы дать в руки крестьянам выпрямленные, как пики, косы. Ему была присуща и классовая предвзятость бесконечно гордых своей родословной магнатов, когда он по-прежнему на той же "полке" желал бы видеть аристократию. В нем "говорила" и династическая верность магнатов, обязанных своей властью, своим блеском (и не в последнюю очередь своей безопасностью) Габсбургам, когда он намеревался направить преобразования не против императорской фамилии, а поставить их в зависимость как раз от воли императора.

Величие и заблуждения Сеченьи имеют в высшей степени своеобразные и — в не меньшей степени — весьма общие кор-

ни. Другие выдающиеся личности в истории потому могли способствовать прогрессу, что являлись сынами какого-либо вырывавшегося вперед, прогрессивного класса, а также потому, что могли быть последовательными защитниками своего класса. И другие выходцы из умиравших, реакционных классов получали историческую известность потому, что последовательно поворачивали против своего обреченного на гибель класса и становились на позицию прогрессивного класса. Сеченьи, разумеется, не относился к первым, но, как мы видели, не мог быть отнесен и ко вторым. Он высоко поднялся над аристократией, из которой вышел, но никогда и не отрывался от нее. Его величие не в том, что он в силу тех или иных убеждений занял новую, сформулированную им классовую позицию, а в том, что сумел подавить в себе, оттеснить на задний план те убеждения, которые определялись его классовым происхождением. Иначе говоря, Сеченьи подняли над его собратьями-магнатами, с одной стороны, его исключительно широкий исторический и международный кругозор и, с другой стороны, редчайшее чувство ответственности перед венгерской нацией. Первое делало его способным, несмотря на принадлежность к магнатам, понять, что буржуазные преобразования неизбежны уже и в Венгрии и аристократия только осталась бы ни с чем, если попыталась бы затормозить этот процесс. Второе же делало его способным не только осознать необходимость буржуазных преобразований, но и — первым в Венгрии XIX века — провозгласить программу этих преобразований, в частности такие программные тезисы, осуществление которых противоречило бы непосредственным интересам аристократии.

Но поскольку оттеснение на задний план классовых интересов, обусловленных его происхождением, позволило Сеченьи сформулировать и провозгласить свою антифеодальную программу, именно поэтому эта классовая позиция также не могла сама по себе стать единственной причиной того, что ему не удалось найти подходящий путь для претворения в жизнь своей программы. В том, что он стремился к преобразованиям при минимальном ущемлении прав аристократии, более того, при сохранении ведущей роли аристократии, разумеется, большую роль сыграла его верность аристократии; в том же, однако, — и это главное! — что он вообще хотел избежать любого потрясения, и особенно конфликта с Габсбургами, еще большую роль сыграло то же самое повышенное чувство ответственности перед всей венгерской нацией, явившееся важнейшим фактором и в провозглашенной им новаторской программе.

Ведь Сеченьи исходил из того, что венгерскому народу потому выпало на долю в прошлом так много страданий

и бедствий, потому приходилось так часто останавливаться в своем продвижении вперед, что он не раз вступал в столкновение с интересами великих держав, которые подминали его под себя. И Сеченьи видел, что в будущем ему (народу) не будет грозить такая судьба лишь тогда, когда венгры извлекут уроки из трагических неудач своих предков, если будут отстаивать свои интересы, максимально согласовывая их с интересами связанных с ними великих держав, уважая их. Особенно же следовало щадить интересы Австрии, "состоявшей в браке" с Венгрией, причем не только потому, что последняя недостаточно сильно, чтобы постоять за себя против Австрии, но и потому, что в существовании и укреплении империи была насущно заинтересована Европа, и, следовательно, на страже ее целостности и спокойствия бдительно стояли и другие европейские державы.

Таким образом, то, что Сеченьи наперекор всему старался осуществить преобразования наиболее безобидными средствами, может быть объяснено не просто и не в первую очередь аристократической ограниченностью, а прежде всего подобными рассуждениями и нашедшим в них свое выражение искренним, хотя и преувеличенным опасением за нацию (коренящимся в переоценке стабильности соотношения сил на международной арене). Но не опасался ли он того, что стремление бесконечно щадить интересы Австрии, а соответственно и венгерской демократии в конце концов потребует принести в жертву основные интересы родины и сделает невозможным достижение именно главной цели — осуществление буржуазных преобразований? Нет, даже в самой малой степени — нет! Потому что в своем родном доме, в доме Ференца Сеченьи и просвещенного Йозефа Хайночи<sup>1</sup>, он унаследовал веру не только в PROVIDENCE, но и во всемогущество разума. И потому он свято верил, что в то время, как англичан к "разделу пастбищ, отмене ограничений, цехов, оброков, барщины и некоторым другим уступкам побудили не столько воля и разум, сколько принуждение — в результате чего остров Альбиона стал своего рода центром нашего мира, — нам нет нужды пройти через эти дразги и склоки, чреватые взаимным непониманием, действительно смешные, вызывающие крайнее сожаление и рождающие величайшие беды, которые в течение многих лет столь неприглядно характеризовали английскую историю". Ведь "до англичан не было примера тому, чтобы конституционное право в равной мере распространялось на всех жителей страны; и поэтому, если там в былые

<sup>1</sup> Хайночи Й. (1750—1795) — один из руководителей венгерских якобинцев; занимал должность секретаря при Ференце Сеченьи, отце Иштвана Сеченьи.

времена отягощенный предрассудками помещик-феодал не желал по собственной воле делать своим крепостным те или иные уступки и его к этому в конце концов вынуждала боязнь за свое существование, — что может быть более естественным?» Перед нами уже английский (да и французский) пример, и, таким образом, нет ничего более естественного, что венгерских помещиков-феодалов уже не только принуждение, но и трезвый учет собственных интересов мог побудить к принятию программы буржуазного переустройства и — аналогичным образом — заставить и царствующую династию прийти к трезвому выводу, что подъем Венгрии выгоден и для всей империи, причем не в последнюю очередь и потому, что, если нация почувствует заботу королевского трона, это неизменно укрепит в Венгрии приверженность к габсбургской династии.

Так характерными для политической и публицистической деятельности Сечени становятся две органически связанные друг с другом черты: с одной стороны, беспощадное непрестанный бичевание всех тех шагов, которые, по его мнению, могли привести к отходу назад, и, с другой стороны, неустанное перечисление множества действительно мнимых материальных и политических преимуществ, которые сулили бы буржуазные преобразования его собратьям по классу и Габсбургам, то есть тем, которые, по его убеждению, рано или поздно должны были прийти к мысли о необходимости таких преобразований.

Однако путь Сечени отмечен в обоих направлениях все большим разочарованием. При дворе с самого начала и до самого конца его агитация неизменно встречалась с недоверием и отвергалась; придворные круги не способны были освободиться от того обоснованного подозрения, что внутреннее переустройство Венгрии — даже если бы оно и было осуществлено предложенным Сечени щадящим образом — поставило бы под угрозу, с одной стороны, экономические интересы главной опоры царствующей династии — австрийских правящих классов, а с другой стороны, само существование империи, поскольку Венгрия можно было лишь до тех пор держать в узде, пока она слаба. А те, на кого с наибольшими ожиданиями обращал свой взор Сечени, — крупные венгерские феодалы (за небольшим исключением) — относились к его ожиданиям с еще большим недоверием и отрицанием, потому, что, хотя для них предложенный Сечени порядок буржуазной перестройки был бы наиболее безболезненным, они — как это всегда бывает обычно с сынами переживших свое время социальных слоев — только тогда могли прийти к мысли о неизбежности буржуазных преобразований в Венгрии, когда последние стали бы уже свершившимся фактом.

Что же касается все более растущей прогрессивной группы дворянства, которая становилась сторонницей буржуазных преобразований в значительной степени благодаря выступлению Сечени, то она с годами все меньше выражала удовлетворение намеченным им путем и темпами развития. Это прогрессивное дворянство (сделав из прошлого выводы, существенным образом отличавшиеся от его выводов), с одной стороны, не хотело верить в возможность склонить двор и аристократию к реформам, более того, оно ясно представляло себе, что перестройку можно осуществить только в борьбе с двором и аристократией, равно как и то, что дело перестройки оно могло бы по-настоящему поставить под угрозу не посредством возможных столкновений с врагами преобразований, а как раз испугавшись риска этих столкновений (поскольку уже этим оно априори отказалось бы от борьбы). С другой стороны, оно не считало великодержавную позицию Габсбургов и поддерживавшую их реакционную систему европейских держав прочными, какими они казались Сечени, и, главное, оно все более приходило к той мысли, роковым образом превосходящей представления Сечени, что оно сможет даже умножить свои силы, если ценой определенных уступок привлечет на свою сторону крестьянство, в массе своей роялистски настроенное со времени издания закона о регулировании барщины<sup>1</sup>. Словом, и риск оно считало минимальным. Эта прогрессивная группа дворянства дополняла основные требования, взятые из программы Сечени, все новыми и более смелыми требованиями; так, например, она уже не довольствовалась прокламированием лозунга свободы промышленности, а настаивала на отмене протекционизма австрийской промышленности и защите венгерской государственной промышленности; не довольствовалась больше узаконением добровольного выкупа, (что давало бы возможность отдельным крепостным — при согласии их помещиков — откупаться за деньги от крепостных повинностей), а ломала копья в пользу обязательного для помещиков-феодалов выкупа и в конце концов уже пришла к провозглашению необходимости парламентарного правления и даже создала свою партию, от имени которой открыто объявила себя оппозицией. Иначе говоря, эта группа, хотя ее цели не выходили за рамки представленной Сечени программы прусского пути капиталистического развития и хотя она сама не прибегала к таким средствам, которые можно было бы с определенным основанием назвать революционными, все же —

<sup>1</sup> Имеется в виду крестьянская реформа Марии Терезии 1767 года, которая определила размеры повинностей крепостных в пользу помещиков.

отдаляясь от Сеченьи — все больше и больше выходила на такой путь, который со временем без особых осложнений привел к революции и позволил действительно добиться буржуазных преобразований в борьбе против Габсбургов и венгерской аристократии. Таким образом, Сеченьи, программе которого в Вене и в кругах аристократии, несмотря на всю ее умеренность, считали чересчур далеко идущей, а в лагере либерального дворянства, хотя и признавали ее новаторское значение, считали слишком умеренной, постепенно оказался в одиночестве.

Однако, как бы ни огорчали его эти разочарования, недоверие двора и высшего дворянства и как бы ни было больно для него ошутимое падение его былой популярности, это не могло заставить его отказаться от избранного пути. Поскольку его суждения о слабости венгерской нации и о могуществе Габсбургов не изменились, он продолжал считать, что с точки зрения его нации разрыв с Габсбургами был бы роковой ошибкой, и поэтому и дальше с еще большей страстью нападал на дворянскую оппозицию, и в первую очередь на ее наиболее влиятельного и наиболее смелого руководителя — Кошута — за преждевременный, по его, Сеченьи, мнению, выстрел из пистолета. Он резко осуждал национальную политику оппозиции, которая своими крайностями сама пробуждала антивенгерский национализм среди невенгерских народов (хотя это — пусть даже отдельные перегибы оппозиции сыграли немалую роль в ухудшении положения — в действительности было таким же закономерно сопутствующим фактором процесса обуржуазивания, каким, скажем, был и венгерский национализм). Сеченьи называл призывом к крестьянскому мятежу предложение Кошута о том, чтобы введение всеобщего налогообложения использовать для облегчения проведения в жизнь выкупа крепостных повинностей, ибо это, по его мнению, только усилит ненависть между помещиками и крепостными (хотя на самом деле ее усиливало именно затягивание проведения выкупа). И наконец, он обвинил Кошута в разжигании народной революции, угрожавшей стране гибелью (политика же Кошута действительно тем и отличалась коренным образом от политики Сеченьи, что она открыто была направлена на ликвидацию подчиненного положения Венгрии; однако и Кошут был, так же как и Сеченьи, далек от идеи народного восстания, поскольку считал необходимым обеспечить народным массам лишь роль пассивного сочувствия дворянской оппозиции и свои цели также стремился осуществить исключительно законодательным путем).

В течение всего этого времени Сеченьи, по существу, оставался на своей исходной платформе, придерживаясь всех ре-

волюционных по значению принципов этой программы. Но логика борьбы была такова, что если он в каких-то аспектах все же корректировал свою программу, то эти изменения проводились бы дальнейшим смягчением его требований. Когда, например, оппозиция начала форсировать безотлагательное введение всеобщего налогообложения, Сеченьи стал ратовать за постепенность его осуществления, предлагая, чтобы принцип всеобщего налогообложения вводился в жизнь в различные сроки для различных видов налогов. Или когда оппозиция поставила своей целью полную отмену феодального права неделимости латифундий, Сеченьи выступил за одновременное расширение системы латифундий. И в конечном итоге все это он делал для того, чтобы, с одной стороны, и в повседневной борьбе действовать на оппозицию в умеренном направлении; а с другой — чтобы таким путем, путем не затрагивающих существа дела уступок, сделать наконец приемлемой его программу для тех, кто чуждался каких-либо нововведений.

Потому что Сеченьи, несмотря на ряд своих неудач, считывал на доброжелательность двора и аристократии (ведь если бы он на это не рассчитывал — в соответствии с его преувеличенным представлением о прочности габсбургской власти, — то он не мог бы более рассчитывать и на осуществление своих целей, дела всей своей жизни). И поэтому, когда в середине 40-х годов группа молодых венгерских аристократов, вняв предупреждению Меттерниха и видя, как завоевывают позиции либеральные идеи, и сама признала необходимость каких-то изменений — ведь в высшей степени худосочные реформы, осуществлявшиеся под руководством двора, все же в конце концов реформы (поскольку иначе, продолжая и дальше жестко придерживаться позиции отрицания, эти аристократы никак не могли бы надеяться на успешную борьбу с оппозицией). Король же назначил главу этой группы, графа Дьердя Аппоньи, канцлером и тем самым откровенно благословил деятельность неоконсерваторов, Сеченьи уверял самого себя в том, что двор наконец-то искренне вступил на путь, ведущий к буржуазным преобразованиям (хотя предложенные неоконсерваторами реформы в действительности ставили своей целью лишь расколоть лагерь подлинных сторонников буржуазных преобразований, то есть предназначались как раз для торможения буржуазных преобразований). И когда затем Аппоньи, желая использовать чистое имя Сеченьи для осуществления своих коварных целей, предложил ему пост председателя вновь создаваемого комитета по делам транспорта наместнического совета<sup>1</sup>,

<sup>1</sup> Наместнический совет — высший исполнительный орган, возглавлявшийся наместником (палатином), который назначался королем из числа членов королевской семьи.

Сеченьи, оказавшись рабом своих иллюзий, а также желая осуществить свой давний заветный план регулирования русла Тисы, рискуя полностью пожертвовать своей и так уже весьма пошатнувшейся популярностью и принимая это предложение, тем самым увенчав, по-видимому, трагизм своего жизненного пути до 1848 года и окончательно противопоставляя себя тем, кто, несмотря на все противоречия, были самыми верными — поскольку были самыми последовательными — сторонниками и продолжателями его начинаний, оказывается в одном лагере с теми, кто был в действительности самым главным их противником.

И в самом деле, даже собственный опыт не раскрыл ему глаза на то, что его новоиспеченные покровители поручали одному из членов наместнического совета — явно как знак недоверия к Сеченьи — постоянно следить за его служебной деятельностью. А в Вене после унижительного обивания порогов множества учреждений он так и не получил ни одного из просимых им и обещанных ему ранее миллионов форинтов на регулирование бассейна Тисы; так что ирригационные работы, несмотря на многолетние усилия, по существу, не сдвинулись с места. На последнем сословном государственном собрании, заседавшем в ноябре 1847 года, он в борьбе против оппозиции превзошел консервативных депутатов и не прекратил сопротивления даже тогда, когда представители сословий, видя захлестывавшую Европу революционную волну, 3 марта 1848 года единогласно (не исключая и консервативных депутатов) приняли знаменитый кошутовский проект обращения [к королю]: накануне венской революции 13 марта он, пригласив к себе депутатов и представителей высшего дворянства, призывал их в эти критические минуты отказаться от выдвижения требований к короне и, как сделали их предшественники в эпоху Марии Терезии и императора Франца, предложить свои верноподданнические услуги сотрясаемому со всех сторон революционными движениями трону, поскольку в этом случае можно было рассчитывать на то, что двор в благодарность за верность венгерской нации — единственной опоры своей власти — добровольно и с готовностью исполнит их пожелания, более того, и впредь будет считать Венгрию самой прочной опорой империи, подлинным ее центром.

Однако предложение Сеченьи было сделано; сословия, помня о хорошем уроке, полученном их предками при Марии Терезии и императоре Франце, никак не могли разделить надежды Сеченьи, связанные с ожидавшейся им благодарностью Габсбургов, а потому и не могли отказаться от своих требований; напротив, когда 14 марта до них дошла весть о венской революции, они уже на следующий день решили предъявить эти требования королевскому трону.

И об этом моменте в огромной литературе, написанной о Сеченьи, частично умалчивается, а частично используются приемы, которые ни в коем случае не могут быть названы научными, — лишь бы отвлечь внимание от открывшейся под его ногами бездонной пропасти. Потому что 15 марта, в этот знаменательный день в новой истории Венгрии, и Сеченьи поднялся на высочайшую вершину своего пути: он, бывший до того времени самым яростным противником политики Кошута, теперь открыто признал, что эта политика оказалась более целенаправленной, чем его, и решительно, с воодушевлением присоединился к раз развертывавшемуся революционному движению. И эта радикальная смена направления, хотя произошла она внезапно, была совершенно искренней: Сеченьи вообще не была чужда театральность, но абсолютно чуждо было лицемерие. И поскольку в его поведении произошел небывалый поворот, он явился следствием поворота, происшедшего в его убеждениях; об этом свидетельствует не только несомненная прямота его характера, это же неопровержимо доказывают и его переписка с очень близкими ему лицами, и его единственный настоящий друг, единственный поверенный всех его тайн — его дневник; наконец, это же неоспоримо доказывает и та лихорадочная деятельность, к которой он приступил сразу же во имя успеха революции. Ибо, плывя вместе с венгерскими аргонавтами на палубе корабля, направляющегося в Вену, Сеченьи, являвшийся до самой своей смерти сторонником Прагматической санкции<sup>1</sup>, первым предложил, чтобы для обеспечения подлинной самостоятельности создаваемого независимого венгерского правительства наместник был облечен такой полнотой власти, которая практически означала бы уже разрыв с зафиксированным в Прагматической санкции принципом единства власти и управления общей империей. Ибо, когда в конце марта камарилья попыталась полностью свести на нет компетенцию военного министерства и министерства финансов Венгрии, создаваемых в нарушение принципа единства управления, Сеченьи снова борется на передней линии за то, чтобы сорвать эту попытку. Ибо в начале апреля опять-таки только Сеченьи, всегдашний глашатай мирных путей и средств, делает первый шаг в интересах скорейшей реорганизации пештского машиностроительного завода и превращения его в оружейный завод. Это перечисление можно было бы продолжать бесконечно.

Но чем объяснить этот поворот? Какова та новая оценка положения, которая толкнула Сеченьи, ранее стойкого

<sup>1</sup> Прагматическая санкция — принятый в 1723 году закон о престолонаследии в австрийской империи Габсбургов и устанавливавший нераздельность габсбургских владений.

сторонника самых мирных, щадящих средств, на путь революционной политики? В конечном итоге именно то, что цели, которые он преследовал с начала своей деятельности — если не по своим масштабам, то по своей сути, — были аналогичны целям революции; только путь, по которому он намеревался идти, не был до того времени революционным, и эта двойственность, которая еще до 1848 года зажала его в клещи трагических противоречий, в 1848 году уже не могла больше продолжаться. Сеченьи, столь часто и всегда безуспешно пытавшийся посредничать между прогрессистами и консерваторами, называвшими себя сторонниками обдуманного прогресса, именно в момент крайне напряженной ситуации (о которой он в отличие от многих современников, занимавшихся самоубаюкиванием, имел ясное представление как о "революционном положении") должен был видеть, что если он не хочет снять руку с пульса венгерской нации, если не хочет удалиться от общественной жизни, то он становится перед выбором: либо он изберет сопряженный с невиданными опасностями, но представляющий невиданные возможности революционный путь в качестве пути для осуществления главной своей цели — буржуазных преобразований; либо же ради того, чтобы избежать опасностей, возникающих на революционном пути, раз и навсегда откажется и от шансов на буржуазные преобразования. Таким образом, он, не помышлявший об отступлении, поскольку никогда не рассматривал судьбу своей нации с позиции стороннего наблюдателя, решается на выбор, и, поскольку от целей буржуазных преобразований, в правильности которых он был глубоко убежден, его не могли отвлечь никакие опасности, он в явном противоречии со знатыми господами из консерваторов, которым были ни к чему буржуазные преобразования и которые поэтому без колебаний становились под знамена контрреволюции, вступает на путь революции. И этот выбор ему облегчает то вполне обоснованное обстоятельство, точнее, расчет, что теперь именно понимание революционного риска может устранить опасность еще большего риска, а именно угрозу того, что обещающая пока обойтись без кровопролития (как раз в опровержение его былых опасений) и осуществляющаяся под эгидой дворянства революция перерастет во всепоглощающую народную революцию, что приведет к окончательному расколу и противостоянию дворянства и народных масс и тем самым — к непоправимому фиаско дела буржуазной перестройки, даже к полной гибели страны.

Такие рассуждения объясняют, почему Сеченьи весной 1848 года, по-видимому, удалось вырваться из трагических клещей своего пути. Однако этот успех только кажущийся, точнее, только временный. Сеченьи был не в состоянии по-

следовательно идти по избранному им новому, революционному пути; трагические противоречия, пленником которых он был, вскоре вновь и с еще большей силой одержали над ним верх.

Правда, начальные события революции в значительной мере подтверждают ожидания Сеченьи: никто не оспаривает руководящей роли дворянства в революции; крестьянство не то что не бунтует против своих помещиков, а, наоборот, в первые недели с воодушевлением принимает участие о всемопоспешно принятом государственным собранием законе об освобождении от крепостной зависимости; и среди представителей других национальностей, воодушевленных революцией, не вспыхивает никакого антивенгерского восстания; двор же, не без некоторого сопротивления, в конце концов сам благословляет завоевания революции. Такое обнадеживающее развитие ситуации в глазах Сеченьи только усугублялось мелькнувшей перед ним надеждой, что проведение в жизнь его проекта широкого развития общественного транспорта, над которым он работал несколько месяцев, уже не должно после всего этого зависеть от прихоти австрийских чиновников венских канцелярий, а прямо и беспрепятственно будет осуществлено по воле нации. Но если все это и благотворно воздействовало на него в эти недели, то теперь его добрые надежды и ожидания уже в самом начале не были беспредельны: когда он говорил, что "закусивших удила лошадей не повернешь и умелому кучеру надлежит использовать кнут... нужно разика два как следует стегнуть их, особенно задних, ибо иначе они упадут... пусть бегут себе, лишь бы не перевернулась коляска... а потом на равнине (на поле конституционной свободы) мы, пожалуй, все же сможем их придержать"; в его словах заключена решимость связать свою судьбу с мчащейся коляской, более того, готовность даже ускорить бег лошадей, если это необходимо, но в то же время заключен и невысказанный страх, что, пожалуй, и потом не удастся остановить лошадей, что, пожалуй, они и так рано или поздно перевернут коляску. А когда события накладываются на события, в душе Сеченьи опасения накладываются на опасения, пока, наконец, отчаяние вновь и уже полностью не уничтожит его начальные надежды.

Разумеется, государственное собрание проголосовало за ассигнования не одного, а десяти миллионов на развитие транспорта, и он, как вновь испеченный министр путей сообщения, снова остался со своими проектами, поскольку в действительности в стране не было денег; это лишь огорчило его, но не привело к отчаянию: ведь, несмотря на былые надежды, сие не явилось для него полной неожиданностью. Но то, что

в скором времени первое воодушевление народных масс стало уступать место рабочим и крестьянским требованиям, уже беспокоило его, хотя пока его волнения и не были особенно велики (поскольку он верил в то, что правительство, создавая новые возможности для использования рабочей силы и приняв новый законопроект, представленный на рассмотрение состоявшего из народных представителей государственного собрания и направленный на устранение изъянов и недочетов освобождения крепостных, сумеет преодолеть трудности). Но вскоре разразившиеся национальные движения стали его уже всерьез занимать, хотя он и не считал их чересчур опасными. Однако когда Сеченьи убедился, что двор по отношению к именно этим национальным движениям, мягко говоря, занимает двойственную позицию, бывшие опасения сразу полностью охватили его. И он не мог разделить мнение Кошута о том, что нация должна показать свою силу, ибо только этим она может испугать организующуюся контрреволюцию: на против, навязчивой идеей Сеченьи становится мысль о том, что именно поведение Кошута может навлечь беду, поскольку только оно, и именно оно, вызывало агрессивность контрреволюции, которая в действительности могла опереться на значительно более мощные силы, чем мы, и следовательно, в случае ее возможного нападения мы не будем в состоянии защитить от нее даже мартовские завоевания, хотя двор искренне принял их и даже король осыятил их, зафиксировав законодательно; поэтому возможное нападение контрреволюции могло повлечь за собою наш полный крах.

И теперь его уже не долго мог поддерживать и последний луч надежды — его непоколебимая до того времени вера в святость королевского слова. 30 августа и он мог прочесть пресловутый меморандум венского правительства, который порицал государя за осыщение мартовских законов, а Венгрию обвинял в нарушении Прагматической санкции, в первую очередь за такие шаги (обложение наместника королевской властью, а также создание самостоятельных военных министерств и министерства финансов), в осуществлении которых решающую роль сыграл лично он, Сеченьи. А в тревожную ночь с 3 на 4 сентября он мог ознакомиться с беспристрастным посланием короля, содержащим его согласие со всем этим. Иначе говоря, теперь он уже был поражен не только тем, что возникла непосредственная угроза нападения контрреволюции, но и тем, что контрреволюцию разжигает сама габсбургская династия и что контрреволюция в действительности покушается только на действия Кошута — на подписанные им документы она не очень-то ссылалась, — а стремится к ликвидации национальных, мартовских завоеваний революции. Таким образом венгерская нация — так чувствовал Сеченьи — снова находит

ся на перепутье, но теперь она стоит перед выбором, уже не поддающимся здравому осмыслению: либо склонить колени перед контрреволюцией и добровольно отказаться от всего, достигнутого в марте; либо же защищаться и бороться, пока не исчезнет с лица земли, поскольку на победу нет никакой надежды... Рабство и смерть нации — эти два одинаково страшных видения преследовали Сеченьи; не необходимость выбора между контрреволюцией и революцией, а необходимость выбора между терзавшими его воспаленный мозг двумя чудовищами обусловила его бессилие сделать выбор, и он с вконец расстроенными нервами бежал от самого себя, виновного, по его мнению, в том, что вызвал к жизни эти чудовища, сначала пытаясь кончить жизнь самоубийством, а потом, укрывшись в психиатрической больнице, в Деблинге.

Но разбуждающие его фурии самобичевания не оставили его и в Деблинге; ему повсюду виделась гибель, а виновника этой гибели — в отличие от своих псевдопоследователей — он видел не в Кошуте, а в самом себе, как человеке, который первым пробудил свою спавшую нацию и первым вывел ее на тот путь, который привел к революции. Однако он ни тогда, ни позже не отказывался — опять-таки в отличие от своих псевдопоследователей — от целей революции; а если говорить об отдельных периодах и эпизодах революции, то впоследствии он был не согласен лишь с одним: с дебреценским актом (апрель 1849 года) лишения Габсбургов венгерского престола.

Его мятущаяся душа постепенно все же успокаивалась. И он снова трезво оценил положение и пришел к выводу, что жизнь не подтвердила его кошмарные видения, что, хотя революция после года отчаянного сопротивления действительно потерпела поражение, а на страну временно пала тень неограниченного произвола, нация под тяжестью поражения не развалилась, не перестала существовать; основные завоевания потерпевшей поражение революции оказались сильнее победителей, и абсолютистский режим — напрасно его восстанавливали огнем и мечом — оказался не в состоянии оправиться от удара, который нанесла ему именно революция в 1848 году. Но Сеченьи пришлось прийти к выводу, что пока еще контрреволюция беспрепятственно свирепствует, умножая страдания поверженных; что страну пока еще лишили и тех прав, которые она имела до 1848 года; что армия сыщиков и доносчиков ловит не только каждые стенания и вздохи, но и следит даже за невысказанными мыслями; что абсолютистский режим, издеваясь над здравым смыслом и попирая элементарную порядочность, все же пытается изобразить себя прогрессивным, заботящимся о благе страны, используя для этого наемных писак.

И тогда Сеченьи, не считая больше положение безнадежным, но и не воспринимая его пока как приемлемое, снова взялся за перо, чтобы, увенчав дело всей своей жизни, открыто выступить против абсолютизма Габсбургов, с которым он столь долго избегал раздора и — какую бы ему ни пришлось затем заплатить цену за это — сам нанес ему последний смертельный удар. И его "Взгляд" действительно сыграл существенную роль в низвержении абсолютизма. Однако, даже переживая смертельную агонию, абсолютистский режим оказался еще достаточно сильным, чтобы увлечь с собою и автора "Взгляда".

Так Сеченьи стал последним, добровольно бросившим на карту свою жизнь мучеником той освободительной борьбы, которую всего десятилетие назад он считал сопряженной лишь с напрасными жертвами. И своим уходом из жизни он провозгласил то, что при жизни сам пытался упрямо отрицать: что великие цели не всегда могут быть достигнуты без больших жертв, но великие жертвы всегда приносят свои плоды.

# **Дьердь Шпира** **ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ**

**ЛАЙОШ БАТТЯНИ**

**К истории политической деятельности**

**И.Сечени, Л.Баттяни, Л.Кошута, Ш.Петефи**

**Перевод с венгерского *О.В.Громова***

**Вступит/ статья и редакция д.ист.н. *Т.М.Исламова***

**М.: Прогресс. 1986**

**Вступительная статья**

**К советскому читателю (от автора)**

**Трагический путь Иштвана Сеченьи**

**Лайош Баттяни**

**Клинок Шандора Петефи**

**Лайош Кошут и потомки**

**Веб-публикация: Belle Garde**

**и редакторы библиотеки Vive Liberta**

**и Век Просвещения, 2010.**

**Текст подготовлен в виде скана (pdf), по главам**

**Тематические ссылки:**

***Р.Авербух.***

**Революция и национально-освободительная война  
в Венгрии в 1848-49 гг.**

**<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>**

**<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94667612.htm>**

**(ссылки на скачивание текста книги, иллюстрации,  
дополнения)**

**«Весна народов»: европейские революции 1848 года**

**<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>**

Юность Баттяни во многом напоминает юность Сеченьи, который был старше его на полтора десятка лет: как и Сеченьи, Баттяни вступил вначале на стезю армейского офицера и в течение достаточно длительного времени проводил свои дни так, будто главной его мечтой было истратить как можно больше денег на лошадей и развлечения. Потом, в 1831 году, после четырех лет службы, он неожиданно отвернулся от императорской армии и от самого себя, прежнего, и стал жадно изучать положение на родине и за рубежом. Однако это изменение было вызвано и обусловлено у Баттяни несколько иными, чем у Сеченьи, факторами. Смене карьеры в сильнейшей степени способствовали, в частности, и впечатления от ранее прочитанных книг: так, под влиянием немногих сравнительно молодых преподавателей и друзей из среднепоместных дворян он еще в гимназические годы увлекся — со все возрастающим интересом и симпатией — чтением произведений немецких, французских и английских апостолов либеральных идей. Непосредственными же причинами, вызвавшими у Баттяни этот поворот, явились те, образно говоря, пощечины, которые он, как венгр, получал в австрийской армии — в первую очередь от своего командира полка, графа Врбны, ненавидевшего венгров (впоследствии, в начале 1849 года, он встретился с ним как с командиром одного из корпусов вторгнувшегося на территорию Венгрии Виндишгреца<sup>1</sup>, который передал Баттяни в руки судей-палачей).

После начала новой, гражданской жизни в нем так же, как и в молодых венгерских политиках, вступивших на политическую арену в начале 30-х годов, вскоре укоренилось мнение, что преодолеть то страшное отставание Венгрии, которое бросалось в глаза не только тогда, когда ее сравнивали с наиболее развитыми государствами Запада, но и тогда, когда сравнивали с положением других провинций Габсбургов, можно лишь путем ширококомасштабных внутренних преобразований, которые пропагандировал Сеченьи в своих работах, показывая сущность феодальных и явные преимущества буржуазных отношений. Однако с самого начала Баттяни не мог согласиться с мнением Сеченьи о том, что преобразования должны быть осуществлены во взаимодействии с венским двором, в этом отношении он скорее придерживался взглядов Вешшеленьи<sup>2</sup>, считавшего, что успех может быть достиг-

<sup>1</sup> Виндишгрец А. (1787–1862) — австрийский полководец, главнокомандующий австрийских войск, сражавшихся против революционной Венгрии.

<sup>2</sup> Вешшеленьи М. (1796–1850) — сторонник реформ, один из руководителей дворянской оппозиции в венгерском государственном собрании в 30-х годах.

нут не в результате бесплодных попыток завоевания на свою сторону Габсбургов, ни в малейшей степени не заинтересованных в развитии Венгрии, а, наоборот, в результате последовательного сопротивления абсолютизму Габсбургов. Поэтому, когда летом 1839 года впервые в своей жизни Баттяни занял место в верхней палате государственного собрания, он прежде всего поставил перед собой задачу организовать в Пожони<sup>1</sup> из единомышленников-дворян крепкую и сплоченную оппозиционную группу с целью продолжить ту борьбу против абсолютистского строя, которую на предыдущей сессии вел Вещеленьи; против последнего правительство возбудило судебный процесс, и он был таким образом исключен из общественной жизни.

К концу 1839 года уже сформировалась организация наподобие клуба либеральной аристократии — "оппозиционное казино". Организация заявила, что ее члены не стремятся оторвать Венгрию от Австрии, они хотят сделать ее страной с буржуазным правовым строем, такой страной, в которой не будут существовать феодальные привилегии, не будет существовать разницы перед законом между дворянами и недворянами, и все, имеющие хоть какое-нибудь состояние, независимо от происхождения, могут по своему желанию участвовать в решении общественных дел. И то, что главой этой организации мог быть только Лайош Баттяни, ни на минуту не подвергалось сомнению.

Правда, в вопросах ораторского искусства, которое в те времена являлось одним из важнейших мерил политика, Баттяни не мог соревноваться с такими своими друзьями и соратниками, как, например, Ласло Телеки<sup>2</sup> или Йожеф Этвеш<sup>3</sup>. Хотя бы потому, что голос его был лишен вкрадчивых тонов. А также потому, что аристократическая спесь не позволяла ему ради нискивания симпатий публики использовать в своих выступлениях риторические приемы в угоду вкусам того времени. Но главным же образом из-за того, что даже в 40-е годы он говорил по-венгерски еще плохо. И если не следил за собой, за своими словами, то с уст его могли даже в адрес своего основного консервативного противника, графа Дьердя Аппоньи, в связи с назначением последнего на пост канцлера, то есть в середине 40-х годов, слетать такие "косно-

язычные" фразы, как: "Вот я задать тебе, Аппоньи, перец!"

Но как бы Баттяни ни говорил, то, что он говорил, всегда привлекало внимание государственного собрания в 40-е годы. Ведь он формулировал важнейшие требования либеральной оппозиции и в большинстве случаев сопровождал их такими аргументами, опровергнуть которые не могли даже самые искушенные консервативные ораторы. Когда, например, на повестку дня был поставлен вопрос об обновлении уголовного законодательства и консерваторы (провозглашавшие себя людьми, "обдуманно идущими к прогрессу") ратовали за то, чтобы суды, как и прежде, могли выносить приговоры о наказании недворян (в отличие от дворян) палками, Баттяни выступил против, заявив, что в данном случае существует два аспекта: либо наказание палками унижает человеческое достоинство, либо не унижает; если унижает, то наказанию палками, естественно, не могут подвергаться и недворяне; если же не унижает, то следует расширить круг лиц, которым в качестве наказания может назначаться экзекуция палками. Иначе говоря, впредь этому наказанию нужно подвергать не только виновных недворян, но и виновных дворян. Или когда обсуждался вопрос о свободе информации и консерваторы выступали в защиту практики предварительной цензуры печатной продукции, Баттяни, выступая против них, заявил, что предварительная цензура "передает в руки власть имущих монопольное право на то, чтобы проводить идеи нации в том направлении, в каком им угодно, или, точнее, исключить их там, где они опасаются с ними встретиться". Аналогичным образом Баттяни пропагандировал и другие требования оппозиции: отныне и недворяне должны быть полноправными собственниками земельных владений; отныне и недворяне могут занимать любые должности; отныне государственное собрание должно собираться на сессии не раз в три года в Пожони, а ежегодно и в Пеште, то есть в сердце страны. Далее, члены правительства обязаны отчитываться о своей деятельности перед государственным собранием; должны быть существенно ограничены prerogative губернаторов, посаженных правительством на шею комитатам, городские жители, лишённые ранее политических прав, впредь должны получить возможность участвовать в управлении городами; граждане страны, исповедующие не католическую, а другие религии, должны быть уравнены в правах с католиками и т.д. и т.п.

Однако Баттяни заботился не только о том, чтобы неопровержимой аргументацией доказать своим слушателям правильность своих утверждений, но также и о том, чтобы вопросы, поставленные на повестку дня верхней палаты, — даже если они были и весьма незначительные — всегда рас-

<sup>1</sup> Ныне Братислава (ЧССР).

<sup>2</sup> Телеки Л. (1810–1861) — крупный землевладелец, политик, писатель, член Венгерской Академии наук, дипломат эпохи венгерской буржуазной революции 1848 года.

<sup>3</sup> Этвеш Й. (1813–1871) — государственный деятель; один из участников венгерского оппозиционного движения; писатель-романист

смаатривались бы как органическая часть большого целого. Иначе говоря, чтобы ни одно, даже самое мелкое упущение государственной жизни нельзя было рассматривать как простое случайное явление либо как следствие личных злоупотреблений отдельных мелких чиновников, а, напротив, надлежало выявить, насколько тесно связаны все подобные упущения с самой сутью абсолютистской системы правления с сутью "чинящей произвол" и "чреватой преступлениями" правительственной политики Вены, хотя бы потому, что если правительство не стремилось бы "растоптать... нашу конституцию, нашу свободу, всю нашу законность и ... попросту свести на нет всю венгерскую конституцию", то тогда само собою разумеется, "зависящие от него элементы" и не посмели бы выступить против законов. Таким образом, когда на сессии государственного собрания 1843 — 1844 годов был поднят, например, вопрос о том, что в последнее время некоторые священнослужители отказывались совершать обряд бракосочетания своих католических прихожан с некаталиками и многие выступавшие осуждали их за это, Баттяни поспешил сказать, что они лишь потому отважились на это, что считали очевидным, что "в Вене больше веса будет иметь "апостолическое королевство", нежели конституционное" и поскольку их поведение обоснованно, необходимо заключить подобную практику не только духовенства, но "ка духовенства, так и правительства". Или когда зашла речь о том, что антивенгерски настроенные чиновники комитета Загреб пытались ограничить сочувствующих венграм мелких дворян турмезейского района в Хорватии в их политических правах и в связи с этим многие выступили против руководителей этого комитета, Баттяни снова посчитал своим долгом подчеркнуть, что этих людей можно обвинять только лишь как "сообщников... правительства", главным же виновником является само правительство. Ведь оно закрывало глаза на происходящее и поэтому несомненно, что "приспешников, а может быть, даже подстрекателей", виновных в прошедшем чиновников тоже следует искать в администрации. Подобным образом Баттяни обнажал и большие бедствия, скрывавшиеся за мелкими неполадками, а также и в других случаях.

Когда же к середине 40-х годов подтвердилось, что подобные наскоки оппозиции побуждают правительство поддерживать его венгерские круги не к отступлению, наоборот, к применению еще более суровых и жестких мер, целью поставить комитатские власти, являвшиеся главными

опорой оппозиции, под еще более строгий контроль, критические высказывания Баттяни тоже приняли жесткий характер. Об этом красноречиво свидетельствует, например, нравоучительная басня, которую он рассказал в одном из выступлений на заседании верхней палаты:

— Жила-была помещица, у которой имелись ленивый слуга и молодой петушок. Слуга очень любил поспать, не проявлял никакого рвения к работе, и хозяйка была вынуждена каждый день буквально заставлять его работать, а она это обычно делала после того, как прокукарекает петух. Слугу это очень злило, и, считая, что, если петух сдохнет, он сможет все время безмятежно спать и не думать о работе, он убил петуха. И что же дальше? Теперь хозяйка уже сама будила слугу, причем еще раньше, чем до этого, и более строго. И слуга, надеявшийся что-то выиграть от своего дурного поступка, оказался в еще более худшем положении. Мораль сей басни такова: хозяйка — это нация, а ленивый слуга — застойная или, если угодно, "обдуманно идущая к прогрессу" часть нации, ну а молодой петушок — это только оппозиция. То, что эту бедную оппозицию его сиятельство граф Дьердь Аппоньи вследствие своей добросердечности не пожелал убить, мне понятно, но он по крайней мере вознамерился заткнуть ей рот кляпом ... Если бы сие намерение осуществилось, мы уподобились бы персонажам этой басни, ибо в этом случае уже наверняка сама нация прямо и непосредственно приструнила бы ленивого слугу.

И Баттяни в это время уже не скрывал, что самым пламенным его желанием как раз и является оказать на защитников господствующего строя именно такое давление извне. "Дай только бог, чтобы это свершилось как можно скорее". Однако Баттяни не только грозный боец в зале заседаний, но и выдающийся организатор. Прежде всего ему следует поставить в заслугу, что его товарищи по оппозиции приходили из своего клуба на заседания верхней палаты всегда подготовленными, и ни один аргумент, выдвигаемый в ходе дискуссии консерваторами, никогда не оставляли без ответа. Именно благодаря Баттяни прежде всего его единомышленники не терялись и в самых неожиданных ситуациях. В этом отношении полностью справедливо то, что сказал верховный судья Дьердь Майлат, оглядев сидевших в зале заседаний палаты Баттяни и его друзей.

— Вы действительно хорошо держите их в руках. Вы дирижируете даже взглядом...

Организационная деятельность Баттяни вскоре вышла за рамки аристократической оппозиции. Ведь на собрания "оппозиционного казино" с целью согласования точек зрения он с самого начала систематически приглашал и оппозиционных

<sup>1</sup> Официальным названием Венгрии было "апостолическое королевство".

депутатов нижней палаты — Ференца Деака<sup>1</sup>, Габора Клауза<sup>2</sup> и их товарищей. Сотрудничество с ними сохранялось и периоды между сессиями государственного собрания 40-х годов, когда члены аристократической и дворянской оппозиции объединенными усилиями создавали одно за другим целые ряд таких обществ — на первый взгляд предназначенных для развития экономики, а на самом деле служивших также целям создания организационных рамок для формирования когда-нибудь в будущем оппозиционной партии: например, созданный в 1841 году (под председательством Баттьани) Промышленный союз или приступившее к работе в 1844 году (тоже под его председательством) Венгерское торговое общество, а также "Общество защиты", которое развернуло свое знамя также в 1844 году.

Более того, это взаимодействие и сотрудничество между ним и руководителями дворянской оппозиции не только сохранялось в эти годы, но и все больше расширялось. Не последнюю очередь потому, что он в отличие от других аристократов не только одним своим именем способствовал укреплению названных обществ, но и благодаря активной повседневной работе; эта работа содействовала установлению контакта между ним и такими оппозиционными политиками с которыми, например, с лидерами левого крыла оппозиционного движения, вначале, на сессиях государственного собрания, он не мог встретиться. Это, однако, важно, ибо именно к представителям левого крыла Баттьани на первых порах испытывал заметную антипатию. Однажды он, например, решительно заявил:

— Я так же мало склонен идти вместе с Перцелом<sup>3</sup>, как и с Дьердем Апхоньи.

И в первые недели после выхода газеты "Пешти хирлап" у него и о Кошуте было такое мнение, что тот слишком далеко зашел в своей газете.

Однако со временем точка зрения Баттьани начала меняться: по отношению к отдельным лицам он по-прежнему

<sup>1</sup> Деак Ф. (1803–1876) — известный венгерский политический общественный деятель; в 30–40-х годах один из лидеров парламентской оппозиции. В 1848 году — министр юстиции в революционном правительстве Баттьани; один из инициаторов соглашения 1867 года.

<sup>2</sup> Клаузал Г. (1804–1866) — адвокат, политический деятель, один из лидеров дворянской либеральной оппозиции; в 1848 году министр земледелия, промышленности и торговли в правительстве Баттьани.

<sup>3</sup> Перцел М. (1811–1899) — с 1843 года депутат государственного собрания; принадлежал к левому крылу Партии оппозиции, период революции 1848 года — сторонник радикалов. В качестве генерала венгерской армии принимал участие в национально-освободительной борьбе венгров 1848–1849 годов.

проявлял настороженность, однако его сомнения, связанные с Кошутом, постепенно рассеивались. Он все чаще признавался в своем растущем уважении к нему — и не только потому, что вскоре для него стало очевидным, что политическая линия "Пешти хирлап" по всем основным пунктам совпадала с его линией, но и потому, что он наблюдал повседневную неустанную работу, которую вел Кошут в качестве директора Промышленного совета непосредственно рядом с ним.

По мере того как Баттьани сближался с Кошутом, и сам Кошут сближался с Баттьани. В основном это происходило у обоих по сходным причинам и, кроме того, под воздействием приводящих факторов, например такого: по большинству вопросов, вызывавших споры в рядах оппозиции, Баттьани с самого начала разделял взгляды не Этвеша и централистов, а Кошута и неоднократно подчеркивал, что он и сам не отрицает "большую и неминуемую необходимость проведения комитатской реформы"; ограничение же комитатской автономии он упорно отвергал, поскольку "муниципальные чиновники всегда были и особенно в нынешний момент являются стражами и защитниками дела нации".

Пожалуй, в это время всплыл лишь один вопрос, по которому точка зрения Баттьани отличалась от коштутовской: это был вопрос о том, на каком языке должно осуществляться внутреннее управление в Хорватии. Однако в этом вопросе его точка зрения отличалась и от взглядов других лидеров оппозиции. Внутри оппозиции господствовало мнение, что поскольку статья II закона от 1844 года вводила в Венгрии в качестве обязательного языка во всех сферах государственной жизни венгерский язык вместо латинского, то и хорватским властям следовало в отношениях с венгерскими властями пользоваться исключительно венгерским языком, сохранив, однако, за этими властями право при решении внутренних вопросов управления в Хорватии и впредь применять латинский язык. Вопреки этому Баттьани считал, что от хорватов правомерно требовать пользоваться венгерским языком лишь при переписке с венгерскими властями; что же касается их желания при решении своих внутренних дел пользоваться вместо латинского языка — как и венгры — своим родным языком (а общеизвестно, что они действительно этого хотели), то в этом им ни в коем случае нельзя препятствовать. Ведь "ни со справедливостью, ни с разумной политикой не может сочетаться такое положение, при котором мы... принудили бы их на применение в своих внутренних делах, в общественной жизни мертвого языка"; более того, это было бы "таким деспотизмом, примера которому не найти в мировой истории" и который дал бы повод "всему миру не только для осуждения, но и для осмеяния".

Однако связанное с этим различие во взглядах было настолько значительным, чтобы оно могло подорвать то уважение и доверие, с которыми в середине 40-х годов уже относились к Баттяни сторонники всех направлений оппозиции и которые, пожалуй, наилучшим образом выразил Кошут, когда однажды написал о Баттяни: "Мы снимаем шляпу перед этим человеком; в самых неожиданных обстоятельствах он сохраняет рысью зоркость зрения, в своих решениях он быстрый как молния, и к тому же тверд и непоколебим, словно каменный его нерв — железный". Таким образом, когда в ноябре 1845 года по инициативе Кошута сформировался центральный комитет оппозиции для осуществления непосредственной подготовки организации единой партии оппозиционных сил, для всех было само собою разумеющимся, что председателем этого комитета может быть только Баттяни. И когда в марте 1847 года как противовес консервативной партии действовавшей под своими знаменами уже в течение четырех месяцев, наконец родилась Партия оппозиции, то было совершенно естественно, что именно Баттяни станет председателем этой партии.

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что Сеченьи в эти годы с возрастающим беспокойством следил за общественной деятельностью Баттяни, считая, что она может лишь возбудить подозрения в Вене, из силы, поддерживающие (на что Сеченьи надеялся) преобразования, снова превратится в ее противника. И Сеченьи по-прежнему не представлял себе, что Венгрия сумеет осуществить преобразования вопреки воле куда более сильных Габсбургов. Он, убедившись, что в отношении некоторых весьма скромных нововведений со стороны государственного собрания 1839—1840 годов, дворяне тоже дал свое благословение, в течение 40-х годов все более уповал на то, что двор готов поддержать и преобразования. Поэтому со свойственной ему страстью он то объявлял Баттяни "подстрекателем, не имеющим плана", то "казуистом, крючкотвором и подпольным адвокатом", а то сравнивал его с "демоном разрушения", воспетым Верешмарти<sup>1</sup>. Когда же Сеченьи узнал, что Баттяни вытатуировал себе на руке змею, он поспешил заявить, что это исключительно удачный выбор: ведь змея — "истинная копия его самого". В то же самое время Сеченьи вновь пытался побудить Баттяни к умеренности, подчеркивая в первую очередь, что в Венгрии, мол, совершенно бесперспективно стремиться умножить ряды оппозиции, потому что, если оппозиция и оказалась

бы в большинстве в обеих палатах государственного собрания, это все равно не изменило бы положения — ведь существование абсолютистского государственного строя означает, что члены правительства ответственны за свою деятельность не перед государственным собранием, а перед монархом и, следовательно, оппозиция не смогла бы взять в свои руки правительственную власть даже в случае завоевания большинства в государственном собрании.

На это Баттяни без труда парировал, что сей аргумент сам по себе совершенно справедлив, но оппозиция, несмотря на это, должна стремиться к завоеванию большинства в государственном собрании, так как, располагая большинством, она сможет вынудить правительство на какие-то уступки. Более того, это единственное средство, с помощью которого у него можно вырвать хотя бы определенные уступки. Если же в государственном собрании "большинство принадлежит правительству, то оно делает все, что хочет". Что же касается того, что правительство и в мыслях не имело по своей инициативе способствовать "конституционному развитию нашей нации", убедительно доказывает "поведение правительства по отношению к наследственным австрийским провинциям". Ведь в наследственных провинциях оппозиция правительственной политике, подчеркивал Баттяни в одном из своих выступлений в верхней палате в 1844 году, значительно слабее, чем в Венгрии, хотя правительственный произвол в этих провинциях отнюдь не слабее, а даже еще более неограничен, чем в Венгрии.

Поскольку подобные взгляды Баттяни высказывал не только Сеченьи, но и на собраниях оппозиции, исправно посещаемых доносчиками австрийской тайной полиции, и даже на открытых заседаниях верхней палаты государственного собрания (о чем к тому же каждый мог узнать из дневника палаты, выпускаемого в отличие от других изданий без цензуры), то по мере того, как популярность Баттяни в кругу сторонников оппозиции все больше росла, увеличивались раздражение и ненависть к нему со стороны Вены, причем в такой степени, что при упоминании уже одного его имени Меттерних, отличавшийся уравновешенностью, выходил из себя. Если бы это было не так, тогда наверняка сей всемогущий муж в один прекрасный день не пригласил бы к себе Баттяни и не пытался бы воздействовать на него, заявив, что, если он как можно скорее не возьмется за ум, а будет и дальше идти по избранному пути, то рано или поздно кончит на виселице.

Старания Меттерниха были напрасны: Баттяни был сделан не из того материала, чтобы его можно было поколебать и заставить отказаться от своих убеждений подобными запуги-

<sup>1</sup> Верешмарти М. (1800—1855) — известный венгерский поэт, романтик, сторонник Кошута в период революции и национальной освободительной борьбы 1848—1849 годов.

ваниями. Однако Меттерних не верил, что существуют такие непреклонные люди, и поэтому в марте 1846 года уже начал угрожать тем, что инспирирует крестьян, всегда готовых выступить против помещиков, чтобы они прикончили и Баттьяни, и Кошута, — как он проделал это с галицийскими бунтовщиками<sup>1</sup>. Но Баттьяни и после этого не дрогнул, разве что это поддержало его решимость ликвидацию крепостного права считать не просто одной из проблем, ждущих своего решения, а *самой важной проблемой*, такой проблемой, решение которой не только является одним из основных условий установления капиталистических отношений, но и первейшей предпосылкой разрушения стены, которая разделяла либеральные дворянские круги, боровшиеся за буржуазную перестройку, и крестьянские массы.

Готовясь к следующей сессии государственного собрания, которая должна была состояться в ноябре 1847 года, Баттьяни задумался над тем, что нужно предпринять, чтобы в конце концов успешно решить проблему отмены крепостнических отношений. Он, как и другие либералы, исходил из того, что принятый в 1840 году закон о выкупе не распутал узла, ибо он разрешил крепостным выкупить за собственные деньги феодальные повинности. В действительности же этот закон помогал лишь весьма небольшому числу людей, поскольку огромному большинству крепостных не располагало деньгами, необходимыми для выкупа, такими деньгами, которые требовал помещик. Итак, что же следовало сделать, чтобы и на практике "осуществилась возможность выкупа"? Во-первых, было необходимо "изыскать из государственного источника деньги, которые могли бы получать займы желающие выкупить себя крестьяне. Во-вторых, следовало определить те справедливые суммы выкупа, сверх которых крепостные уже ничего не должны были бы уплачивать. В-третьих, следовало заявить, что когда "необходимые для выкупа условия налицо, невозможно чинить препятствия освобождению данных лиц": в этих случаях помещик всегда обязан согласиться на выкуп. Наконец, последнее: чтобы и государству не причинило затруднений обеспечение необходимого капитала для займов, следует обложить налогом дворян, которые продолжали оставаться свободными от обязанности уплаты налогов.

Баттьяни хорошо понимал, что добиться принятия этих требований — далеко не простое дело. И уже поэтому он развернул невиданную по масштабам предвыборную кампанию за то, чтобы в зале государственного собрания мог занять свое место Кошут в качестве одного из депутатов комитета

Пешт, задававшего тон оппозиционным депутатам государственного собрания. И когда усилия Баттьяни были увенчаны в день выборов полным успехом, он в ноябре с таким спокойствием направился в Пожонь, что там даже консерваторы в нижней палате склонны были считать его своим человеком. И он старался полностью использовать возникавшие преимущественно в ходе повседневной работы сессии. Он систематически участвовал в совещаниях, призванных согласовать позиции и действия ведущих политиков оппозиции обеих палат. Но предварительно на специальных встречах с Кошутом он почти ежедневно согласовывал с глазу на глаз до самых мелких деталей тактику, которой надлежало придерживаться; так что Сеченьи, вновь и вновь наблюдая полную согласованность высказываний их обоих, отшлифованную гармонию их деятельности, не без основания однажды уподобил ее работе кузнеца-молотобойца и раздувальщика.

Однако то, что Сеченьи теперь, пожалуй, с большей, чем когда-либо, озабоченностью наблюдал за деятельностью Баттьяни, не может быть объяснено связью только с установившимся у него с Кошутом тесным сотрудничеством: значительную роль в этом сыграло то обстоятельство, что Баттьяни на этой сессии государственного собрания снова поставил в центр внимания проблему австрийских наследственных провинций и к тому же на этот раз не только ради того, чтобы устрашающими примерами подкрепить мысль о том, в какое положение правительство, если бы могло, поставило и Венгрию, но главным образом затем, чтобы потребовать в духе принятой несколько месяцев назад программы Партии оппозиции — Манифеста оппозиции — конституционного управления и для наследственных провинций, вывернув наизнанку именно его, Сеченьи, аргументацию. Ведь Сеченьи, призывая оппозицию к терпению и уступчивости, аргументировал это не в последнюю очередь тем, что, если Венгрия привязывается к наследственным провинциям вековые "брачные узы" и если мы хотим, чтобы эти узы в будущем были не обременительнее, а плодотворнее, то мы должны стремиться не к умножению различий, существующих между двумя частями империи, а, наоборот, к уменьшению их. Баттьяни же в своей большой речи, прозвучавшей в ходе прений в верхней палате в связи с обсуждением ответного послания государственного собрания на послание короля, посчитал необходимым сослаться именно на этот аргумент, только присовокупив к нему, что в той мере, в какой Сеченьи на примере упомянутого им "смешанного брака" счел возможным требовать уступчивости, в такой же мере спорно, почему только Венгрия должна быть связана этими "смешанными брачными узами" и почему только Венгрия должна проявлять уступчивость.

<sup>1</sup> Речь идет о восстании 1846 года в Галиции, в ходе которого австрийские власти использовали крестьян против шляхты.

— Я спрашиваю: если нам столько раз напоминают, чтобы мы не имели в виду конечные последствия наших справедливых конституционных требований, более того, чтобы мы постоянно принимали во внимание наш "смешанный брак", то спрашиваю, не так же ли правомерно, чтобы подобное же предложение было адресовано более сильной половине монархических переговоров, 18 марта, обеими палатами уже были приняты законопроекты как о всеобщем налогообложении, так и об отмене крепостнических отношений. Последний же не только провозглашал немедленное освобождение крепостных от барщинных повинностей, но и подтверждал, что помещики-землевладельцы не могут требовать от них за это никакой компенсации, а получают денежное возмещение из государственной казны, способ которого должен определить позднее следующая сессия государственного собрания.

И из этого он сделал вывод о том, что нужно, следовательно, справлять отходную по тому господствовавшему наследственным провинциям правительственному строю, который никогда не искал и никогда не находил себе опоры, иных гарантий, "кроме как антипатии одних национальностей Австрии к другим", — строю, опорой которого в духовной сфере являлась бюрократия, а в материальной — солдатские штыки. Затем Баттjани распорядился об издании немецкого перевода этой речи в тысяче экземпляров, дабы помог раскрыть глаза и самым заинтересованным — жителям наследственных провинций.

С этой позиции Баттjани не сходит и в последующие месяцы. Более того, когда в конце февраля 1848 года в Пожорри пришли первые, еще не проверенные известия о разразившейся в Париже 24 февраля революции, Кошут и он садятся за письменный стол, чтобы сформулировать проект известной послания государственного собрания королю (который 18 марта был принят уже всем составом депутатов); именно побудил Кошуту сформулировать в этом документе не только основные требования Венгрии, но и потребовать образования Австрии в конституционную монархию. Поскольку же и перевод этого текста тоже быстро дошел до Австрии и стал своего рода катализатором бурно происходившей там революционной брожения, то и Баттjани косвенно способствовал тому, что 13 марта и в Вене вспыхнула революция. В этот же день Кошута и Баттjани в качестве члена делегации государственного собрания уезжают в Вену, чтобы представить этот документ на подпись императору Австрии и королю Венгрии Фердинанду, то есть спустя два дня он возвращается в качестве главы первого самостоятельного парламентарного правительства Венгрии (Ему в это время едва исполнился сорок один год.)

Начиная с этого времени Баттjани плечом к плечу с Кошутым неустанно трудится над тем, чтобы государственное управление как можно скорее приняло статьи закона, фиксирующие правовые основы буржуазных преобразований, и в первую очередь те, которые могли бы активно послужить успокоению крестьянства. И на следующий день после завершения венских переговоров, 18 марта, обеими палатами уже были приняты законопроекты как о всеобщем налогообложении, так и об отмене крепостнических отношений. Последний же не только провозглашал немедленное освобождение крепостных от барщинных повинностей, но и подтверждал, что помещики-землевладельцы не могут требовать от них за это никакой компенсации, а получают денежное возмещение из государственной казны, способ которого должен определить позднее следующая сессия государственного собрания.

И этот новый успех мог вызвать у Баттjани явное чувство удовлетворения — но только в самом начале. Потому что часть помещиков, еще 18 марта голосовавших вместе с ним, тотчас же пожалела, что, поддавшись первому порыву, проявила такое великодушие, и постепенно эти помещики все в большем числе стали обхаживать законодателей (даже исповедовавших либеральные взгляды), а те все больше начали думать о лазейках, не учитывая того, насколько глубоко была заинтересована страна, да и они сами, в том, чтобы народ прежде видел в них не своих угнетателей, а доброжелателей. Ухудшение положения не осталось секретом и для Баттjани — ведь многие господа оппозиционеры открыто упрекали его в том, что он обманул их ("или сам дал себя обмануть"); а один из них, граф Антал Сапари, прямо заявил ему:

— Если не будет компенсации, я пристрелю тебя.

Однако для Баттjани было неприемлемо, чтобы кто-то фактом ставил под вопрос определенные 18 марта рамки освобождения крепостных крестьян, а тем самым и прочность полученной им и его партией 17 марта правительственной властью. Поэтому 23 марта он предпринял шаг, который в глазах почитателей законов был равнозначен святотатству: объявив, что 13 марта и в Вене вспыхнула революция, в этот же день Кошута и Баттjани в качестве члена делегации государственного собрания уезжают в Вену, чтобы представить этот документ на подпись императору Австрии и королю Венгрии Фердинанду, то есть спустя два дня он возвращается в качестве главы первого самостоятельного парламентарного правительства Венгрии (Ему в это время едва исполнился сорок один год.)

постной зависимости. Об этом лучше всего свидетельствует родившаяся в то время словацкая народная песня:

Кошут и Баттяни  
Принесли свободу,  
Пусть бог защитит их  
В Венгрии повсюду.

По всей Венгрии всюду  
Барабанным боем:  
"Кошут и Баттяни  
Дали нам волю!"

Другой результат, которого добился Баттяни, обнародовав распоряжения, касавшиеся освобождения крестьян от крепостной зависимости, заключался в том, что, в то время как массы крестьян прониклись чувством симпатии к либеральным дворянским политикам, и именно благодаря этому последним стало ясно — в том числе и тем, кто болел за монархию, что, как бы чувствительна ни была к ним их отмена их доходов от барщины, возмущения к ним больше нет, ибо если они вызовут разочарование крестьян, считающих освобождение от крепостной зависимости уже окончательно решенным делом, то они, дворяне, могут попасть в большую беду.

В связи с этим Баттяни стремился не только внушить им колеблющимся сподвижникам страх перед вероятными волнениями крестьянских масс, но и по мере возможности успокоить их. Он провел через государственное собрание проект создания такого кредитного учреждения, которое из государственной казны авансировало бы помещикам суммы, компенсирующие их потери, но подлежащие к плате только впоследствии. Затем, когда некоторые представители высшего сословия попросили, чтобы покрытие пенсий закон возложил не только на фонды казны, но и мимо них, на все общественные доходы страны, Баттяни сразу же согласился с этим. И наконец, когда ему стало известно, что комитатские власти, получив циркуляр от 23 марта, выйдя за рамки статей закона, освободили крестьян только от бремени таких феодальных повинностей, которые возлагались на них за пользование барщинными наделами и от повинностей, которые были связаны с использованием других, небарщинных земель, он поспешно провел через государственное собрание новое решение, которое точно ретранслировало, что должно подпадать под понятие барщинных повинностей, тем самым положив конец распространению

будущем и на другие крестьянские земельные владения закон об освобождении от крепостной зависимости.

В результате подобных мер вокруг Баттяни и его рождившегося правительства начал группироваться такой широкий лагерь, в котором, казалось, нашли свое место и самые богатые помещики, и самые бедные крестьяне. Подобный поворот дел он со своей стороны использовал в качестве средства для того, чтобы добиться в Вене самостоятельности своего правительства во внутренних делах. И Габсбурги, оказавшись в весьма трудном положении еще вследствие венского восстания 13 марта и еще больше загнанные в угол начавшейся 15 марта революцией в Пеште и вооруженной освободительной борьбой, вспыхнувшей в североитальянских провинциях империи 18 марта, не будучи в состоянии предпринять ничего другого, наконец согласились на все существенные требования Баттяни, хотя эту уступку они со своей стороны ни на минуту не считали окончательной. И впоследствии многие ставили в вину Баттяни и его соратникам то, что своей неумеренностью и особенно мерами, которые красноречиво свидетельствовали об отсутствии уважения к имперским интересам царствующей династии и о нежелании упорядочения в будущем отношений между Австрией и Венгрией в духе, благоприятном и приемлемом и для другой стороны, именно они и именно тогда вергли Венгрию в несчастье.

Однако это обвинение безосновательно. Ибо истина состоит в том, что Баттяни и его сподвижники со всей решимостью стремились вырвать Венгрию из того подчиненного по отношению к австрийско-чешским провинциям положения, в котором она находилась до сего времени, и поэтому, исходя из убеждения, что ликвидация подчиненности не может быть осуществлена, пока внешние факторы могут — как это имело место до сих пор — решающим образом вмешиваться во внутренние дела страны, Баттяни в мартовские дни со всей решительностью выражает ту точку зрения, что участие государя в делах внутреннего управления страной впредь не должно выходить за рамки утверждения законов, принятых венгерским государственным собранием. Беда лишь в том, что ликвидация подчиненности страны Баттяни и его соратники пытались добиться, не добиваясь слома империи и не посягая на положение Австрии как великой державы. И они не только для вида не ратовали за полную независимость Венгрии от Австрии, но и даже в глубине души не вынашивали подобных планов. Хотя бы уже потому, что их больше всего тревожили национальные движения внутри Венгрии.

Поэтому Баттяни и его сторонники неоднократно выражали пожелание, чтобы империя в будущем проявляла боль-

ше внимания представительству венгерских интересов и чтобы венгерское правительство могло непосредственно осуществлять внешние отношения с другими государствами; однако с пожеланиями о создании самостоятельного венгерского министерства иностранных дел они не выступали. Но зато они настойчиво требовали создания военного министерства в Венгрии и чтобы дислоцированные в Венгрии части императорской армии подчинялись бы только этому министерству. Что же касается тех предложений, которые были высказаны сразу же после начала революции и в соответствии с которыми следовало ликвидировать общность с императорской армией, то от них Баттjани и его соратники единодушно отмежевались.

И можно легко доказать, насколько серьезно все это. В то время они стремились также к согласованию специфических венгерских интересов со специфическими австрийскими интересами. Это подтверждает хотя бы то, что члену правительства в обязанности которого входило поддержание связи с королевской особой, поручалось как раз осуществление "контактов с Австрией". Это доказывается и тем, что, когда формировавшееся и в Австрии парламентарное правительство после венской революции попросило в мае от правительства Баттjани направить в Вену смешанную комиссию для решения важнейших из не решенных еще вопросов, затрагивавших обе стороны, он без промедления дал положительный ответ и для переговоров сразу же назначил своего уполномоченного лице наиболее подходящей фигуры — государственного секретаря министерства при королевской особе. И в ответ на это именно австрийское правительство заявило, что оно считает это дело столь срочным и что смешанная комиссия может удовлетвориться и обсуждением второстепенных вопросов, так что достаточно будет, если австрийскую сторону на переговорах будет представлять один из начальников отделов министерства финансов.

Таким образом, венские придворные круги вообще не могли утверждать, что Баттjани и его соратники неуважительно относились к требованиям единства империи или к специфическим австрийским интересам. Чтобы эти круги с самого начала с крайней подозрительностью и неприязнью взирали на то, что творится в Венгрии начиная с марта месяца, вполне достаточно было и того, что делала Баттjани и его сподвижники с целью достижения *внутренней* самостоятельности. Потому что, если даже Баттjани и его приверженцы с уважением относились к имперским, иначе говоря, австрийским интересам, то не было никакой гарантии, что они (или их ближайшие соратники) всегда будут проявлять готовность точно таким же образом действовать и впредь в защиту этих интересов, как

того ждали венские придворные круги. И если они однажды получат возможность свободно распоряжаться внутренними ресурсами Венгрии, то в случае расхождения во взглядах они весьма существенным образом смогут осложнить проведение в жизнь предписанных венскими придворными кругами мер и распоряжений. Так это и случилось в самом начале апреля, когда в ответ на пожелание двора, чтобы венгерское правительство (формально еще не вступившее в свои права) поспешило на помощь имперским войскам, сражавшимся против итальянских борцов за свободу, и послало в Северную Италию большой контингент венгерских новобранцев, Баттjани и его соратники заняли в этом вопросе резко отрицательную позицию, заявив устами Баттjани и Кошута, что об этом не может быть и речи; даже Сеченьи, видя внезапно пошатнувшееся после победы венской революции положение Габсбургов, сразу признал правильность политики бывшей оппозиции и согласился принять пост в формировавшемся правительстве. Самостоятельность венгерского правительства во внутренних делах могла беспокоить не только придворные круги, она могла быть бельмом на глазу и у стоявших во главе австрийского революционного движения буржуазных элементов — ведь буржуазия наследственных провинций до сих пор извлекала весьма большую выгоду из подчиненного положения Венгрии и поэтому была неспособна примириться с изменением ситуации.

Однако даже несмотря на это, Баттjани и его сподвижники не могли отказаться от внутренней самостоятельности — ведь для того, чтобы капиталистические отношения наконец-то могли получить быстрое распространение в Венгрии, было необходимо, чтобы курс в стране могли по своему усмотрению определять такие люди, которые и сами были бы непосредственно заинтересованы в как можно более беспрепятственном распространении в Венгрии капиталистических отношений. И естественно (по крайней мере это сделает несомненным развитие страны после 1867 года)<sup>1</sup>, что Баттjани и его сторонники в марте 1848 года несколько в большей степени, чем следовало бы для ликвидации бывлой подчиненности страны и для обеспечения в будущем ее быстрого развития, стали угрожать внутриуправленческую самостоятельность. Нет, однако, никаких доказательств того, да и вообще это нельзя считать вероятным, что если бы они тогда с самого начала выступили с более скромными требованиями в этом отношении,

<sup>1</sup> Имеется в виду австро-венгерское соглашение 1867 года, превратившее империю Габсбургов в двухцентровую Австро-Венгерскую монархию с двумя самостоятельными во внутренних делах государствами — Австрией и Венгрией.

что если бы они с самого начала попробовали "выжать" и Габсбургов лишь незначительные уступки, то они тем самым смогли бы предотвратить последующее наступление контрреволюции и обеспечить прочность этих, пусть незначительных уступок без последующей вооруженной конфронтации. В конце концов, история знает весьма мало примеров тому, чтобы власть имущие отказались хотя бы от самых малых атрибутов своей власти, пока со всей очевидностью не становилось ясно, что у них нет иного выбора.

Иначе говоря, беда не в том, что Баттяни и его окружение в мартовские дни стремились завоевать для Венгрии возможно более полное самостоятельное внутреннее управление, а в том, что — переоценивая тогда весомость и стабильность факторов, вынуждавших временно (но только временно) Габсбургов к отступлению, — они считали борьбу уже законченной в результате завоеванной в марте в конце концов победы и, полагая, что все происшедшие затем события венские правящие круги также рассматривали окончательными и бесповоротными, Баттяни и его соратники пока еще не считали вероятной угрозу последующего контрреволюционного удара. Еще точнее, свои расчеты Баттяни строил на предположении, что подобного контрреволюционного выступления в дальнейшем следует опасаться лишь в том случае, если в придворных кругах в последующие месяцы по какой-либо причине возобладает мнение, что венгры не удовлетворятся уступками, сделанными им в марте, и в добавление к ним захотят получить еще и другие, дополнительные уступки; кроме того, по их мнению, наступательный дух придворных кругов помог приостановить возможное ослабление столь разразившегося в марте 1848 года лагеря венгерской революции. Чем-либо иным вряд ли можно объяснить, что Баттяни, как в мартовские дни, так и позднее, всеми силами старался сгладить внутренние противоречия того исключительно "пестрого ансамбля", который встал под знамена революции; более того, он постепенно пытался внушить доброжелательное отношение к своему делу и таким элементам, которые до марта даже в марте решительно выступали против дела реформ и революции, и одновременно предпринимал новые шаги с целью практического осуществления самостоятельности внутреннего управления; но во всех случаях действовал только до тех пор, пока не проникался подозрением, что его дальнейшие шаги в этом направлении венские правящие круги могли бы расценить как попытки, направленные на расширение определенных в марте рамок внутриправительственной самостоятельности.

О том, что Баттяни и его правительство действительно ставили превыше всего сохранение целостности революционного лагеря, со всей определенностью свидетельствуют соб-

тия, связанные с организацией национальной гвардии. Когда к середине апреля стало известно, что в селах многие отказываются от вступления в национальную гвардию, Баттяни поспешно дал указание всем заинтересованным властям "пока не проводить записки в национальную гвардию в тех местах, где проявится антипатия". И поступил он так, очевидно, к ней проявится антипатия". И поступил он так, очевидно, потому, что, сколь важным ни казалось ему создание революционных вооруженных сил, еще более важным он считал не допустить, чтобы возможное применение насильственных средств вновь породило страх и ненависть, которые испытывали до марта крестьянские массы к комитатским властям, управлявшимся дворянами. Или когда почти в то же время многие граждане Буды и Пешта выступили с требованием, чтобы правительство запретило принимать евреев в национальную гвардию, а совет министров, обсуждавший это требование, хотя и воздерживался от подобного вопиющего нарушения закона о национальной гвардии, который не делал никаких исключений по религиозной принадлежности граждан, Баттяни, несмотря на то что, как и подобает убежденному либералу, был сторонником равноправия евреев и, сколько бы ни встречался до сих пор с антиеврейскими выступлениями, всегда считал своим долгом дать им отпор, все же стал убеждать пештских евреев пока "добровольно" отказаться от своего права вступать в национальную гвардию. И это он сделал, ради того, чтобы не оттолкнуть от общего дела преобразований ни их, ни антиеврейски настроенных граждан.

Аналогичны по своей нацеленности и те шаги, которые предприняли его коллеги-министры для решения самых насущных для народных масс проблем. Когда, например, Клаузал, назначенный министром земледелия, промышленности и торговли, начал проводить такую цеховую реформу, которая значительно облегчила положение рабочих, Баттяни, однако, не поддержал полную отмену феодальных рамок цехов, что в немалой мере способствовало успокоению цеховых мастеров. Аналогичную пассивную позицию он занял и тогда, когда стоявший во главе министерства юстиции Деак разработал законопроект, предусматривавший дальнейшие меры по освобождению крепостных крестьян. В случае его принятия для них создавалась возможность освободиться и от повинностей за пользование небарщинными наделами, но денежную компенсацию помещикам должны были выплачивать сами крестьяне. Деак ожидал, что принятие этого законопроекта удовлетворит не только заинтересованных крестьян, но с одобрением будет встречено и помещиками. Ибо их повергло бы в безграничное отчаяние, если бы законодательная власть избрала бы более радикальное решение: если бы и выплата этих компенсационных сумм была

возложена на государственную казну, пустую, как дырявая бочка, и неспособную поэтому пока даже на уплату тех компенсационных сумм, которые были определены в соответствии с мартовским декретом об освобождении крепостных крестьян.

И со всем этим с самого начала полностью согласуется тот стиль поведения, который характеризует отношение Баттьани и либеральной руководящей гвардии революции к верной оппозиции правительственной политике — как слева, так и справа. Суть же этого поведения в том, чтобы, с одной стороны, сорвать любую попытку, направленную на подрыв руководящей роли либералов; с другой же стороны, добиваясь сближения оппозиционных направлений и, насколько возможно, сближаться с либеральным руководством. Эта линия поведения хорошо прослеживается и в тех мерах, которые принял Баттьани 23 марта, чтобы заткнуть рот левым критикам политики либералов, когда он, с одной стороны, направил в Пешт Клаузала и кандидата на пост министра внутренних дел Берталана Семере с тем, чтобы они положили конец руководящей роли в революции, которую играли с 15 марта Петефи и его радикальная группа, и позаботились о том, чтобы и в Пеште возобладала по всем линиям воля либералов; с другой стороны, узнав о том, что принятый за три дня до того государственным собранием (как раз по инициативе Семере) закон о печати, связывавший право издания газет с предварительной уплатой достаточно большой денежной гарантии, вызвал большое возмущение у группы Петефи, считавшей свободу печати священным делом, именно он, Баттьани, и тоже 23 марта, для успокоения радикалов внес предложение, чтобы государственное собрание вновь рассмотрело этот вопрос и сократило сумму гарантированного взноса ровно вдвое.

Но об этой же самой политике свидетельствует и поведение Баттьани по отношению к консерваторам. Он, например, даже несмотря на протесты Сечени, настаивал на том, чтобы из руководства комитетских органов власти, столь важного с точки зрения укрепления позиций либералов в государстве, сразу же после вступления в свои права правительства, были удалены верные двору губернаторы и наместники губернаторов, а на их место всюду назначены убежденные сторонники буржуазных преобразований; для того чтобы консерваторам не достались одни "колючки", он кое-кого из них назначил на другие посты (и отнюдь не на второстепенные!), но при условии, если это сулило повысить шансы правительственной политики. Из подобных соображений и примера ради министром при особе короля в его правительстве должен был стать не граф Ласло Телеки или барон Жигмонд Переньи (оба либера-

лы), а хорошо известный и за границей вследствие своей долгой дипломатической службы и весьма уважаемый князь Пал Эстерхази — представитель одного из самых богатых аристократических семейств Венгрии, принадлежавший, однако, к партии консерваторов. Из этих же соображений Баттьани добился в июне назначения королевским комиссаром Трансильвании одного из основателей консервативной партии, барона Миклоша Вая, которого именно в силу его партийной принадлежности он считал особенно подходящим для того, чтобы своей деятельностью он привлек как можно больше людей, в первую очередь из среды консервативного трансильванского дворянства, на сторону преобразований. Из таких же соображений он добился назначения на пост главнокомандующего войсками в Венгрии также одного из основателей консервативной партии, генерал-лейтенанта барона Яноша Храбовски. Правда, более подходящую кандидатуру на этот пост он все равно не очень-то и смог бы найти, коль скоро считал обязательным, чтобы новый главнокомандующий принадлежал к среде генералов императорской армии (так как существовало опасение, что в противном случае значительная часть служивших в Венгрии императорских офицеров тотчас же отказалась бы повиноваться правительству).

И если мы рассмотрим в отдельности каждую из подобных попыток Баттьани, то мы сможем констатировать, что среди них есть такие, которые имели успех, но есть и такие, которые лишь в очень малой степени либо на весьма короткое время послужили на пользу делу буржуазных преобразований. Князь Эстерхази, например, приняв пост министра, сослужил этим, несомненно, добрую службу правительству. Однако впоследствии он столько же и навредил ему; когда в начале сентября стало ясно, что Венгрии уже грозит открытое выступление контрреволюции, от тотчас же и демонстративно отказался от своего поста. Какое-то время и Храбовски оправдывал возлагавшиеся на него надежды в связи с назначением на пост главнокомандующего, но, когда в сентябре находившиеся в Хорватии императорские войска вторглись в Венгрию и Баттьани попросил его принять командование над предназначенными для их отражения задунайскими венгерскими войсками, он наотрез отказался, тем самым облегчив положение противника — ведь их главнокомандующим был хорватский бан (наместник короля) барон И.Елачич, то есть такой военачальник, равным которому у венгерской стороны мог быть только Храбовски. Теперь, после того как он отказался от поста главнокомандующего, в лагерь Елачича стали в большом количестве перебегать императорские офицеры и даже целые воинские части, входившие в состав венгерского военного округа. Мало пользы принес и законопроект Деака,

ставивший целью подать пример в деле дальнейшего расширения рамок законов об освобождении от крепостной зависимости, поскольку заинтересованных в этом крестьян было бы удовлетворить лишь то, если бы им не вменялось в обязанность нести возложенное на них и после марта бремене денежных компенсаций за отмену феодальных повинностей, поскольку этот законопроект был обнародован только в сентябре, законом он так и не стал.

Однако если мы будем рассматривать те попытки, которые предпринимали Баттани и его правительство в интересах укрепления и расширения революционного лагеря не в отдельности, а в целом в их совокупности, то мы должны оценивать их как направленные на благо революции, даже если в отдельных случаях они и приводили к замедлению законодательного оформления буржуазных отношений. Совершенно очевидно, что если осенью 1848 года революция относительно единодушно, без существенных внутренних разногласий смогла отреагировать на вооруженное нападение контрреволюции, то от этого дело буржуазных преобразований получило значительно большую пользу, чем если бы правительство в продолжении предыдущих месяцев огнем и мечом проводило в жизнь организацию национальной гвардии во всех деревнях страны или если бы в течение считанных дней покончило с их ховой системой, введя полную свободу промышленности. Подобные мероприятия сделали бы противниками революции множество людей, в общем-то довольных мартовским поворотом либо примирившихся с ним.

По-иному, однако, обстоит дело с деятельностью, которую развил Баттани после марта для того, чтобы на деле осуществить (но не возбуждая при этом опасений венских придворных кругов) провозглашенную мартовскими законами существовавшую пока еще только на бумаге самостоятельность внутреннего управления. Это лучше всего можно проследить на его усилиях по организации армии. Ведь с самого начала он вынужден был этим заниматься как человек, оказавшийся между двумя жерновами. Ибо для него было очевидно уже с самого начала, что двор посчитает за тяжелое ущемление своих интересов нарушение целостности императорской армии и создание обособленной венгерской армии. Но было ясно и то, что самостоятельность внутреннего управления Венгрии может лишь тогда стать реальностью, когда в стране появится достаточно многочисленная вооруженная сила, которая будет беспрекословно подчиняться венгерскому правительству; что же касается дислоцированных в Венгрии в момент начала революции императорских войск, сформированных в большинстве своем в других провинциях империи, то нельзя было считать такой вооруженной силой.

Так что же мог сделать Баттани для решения этой проблемы? В мартовские дни он, с одной стороны, выступил против предложений, направленных на создание самостоятельной венгерской армии, а, с другой, еще 23 марта обратился с просьбой к венскому двору отправить в Венгрию из числа дислоцированных за ее пределами венгерских солдат приблизительно 15–20 тыс. Практически это означало, что на родину должны быть возвращены все венгерские солдаты, находившиеся в других провинциях империи и не брошенные пока в бой в Северной Италии. И эту просьбу правительство трижды повторило в апреле, настойчиво подчеркивая при этом, что оно ни в малейшей степени не намерено осложнять "нынешнее неудобное положение всей монархии", но с такой же настойчивостью оно подчеркивало, что не может все же отказаться от возвращения венгерских солдат (неиспользуемых в Италии), ибо оно "не хочет допустить, чтобы страна стала жертвой анархии и беспорядков". К этому правительство присовокупило, что если его просьба останется безответной и "по-прежнему будут чиниться препятствия возвращению солдат, необходимых для поддержания должного общественного порядка", то оно будет вынуждено рассмотреть вопрос "о создании добровольческой охранной армии".

Идея "охранной добровольческой армии" тогда еще не свидетельствовала о наличии реального плана: это была только угроза, рассчитанная на то, чтобы сделать двор более податливым. Однако придворные круги и в мыслях не имели укрепление положения венгерского правительства и поэтому не спешили с возвращением на родину дислоцированных за ее пределами венгерских солдат. Но к середине мая для Баттани и его сподвижников становится очевидным то, что радикалы давно уже твердили: нельзя ограничиваться только бомбардировкой Вены просьбами и угрозами. Ведь открывавшееся 13 мая в Карлоце<sup>1</sup> сербское национальное собрание не оставляло никаких сомнений в том, что недовольные узкопартийной венгерской национальной политикой венгерские сербы при поддержке сербов из княжества Сербия вскоре начнут вооруженную борьбу против венгерской революции. Что же касается того, что в надвигающейся пробе сил правительство могло возлагать лишь весьма малые надежды на находившиеся в тот момент в пределах Венгрии императорские войска, то об этом со всей красноречивостью свидетельствовал пример будайского гарнизона, который жестоко подавил выступление демонстрантов, организованное 10 мая группой левой молодежи против тогдашнего главнокомандующего императорскими войсками в Венгрии генерала кавалерии Игнаца Ледерера.

<sup>1</sup> Ныне Карловац (СФРЮ).

Итак, для Баттани не оставалось иного выбора, кроме как перейти от угроз со стороны правительства в адрес Баттани к делу: 16 мая он провозгласил создание первых десяти батальонов, формируемых из добровольцев-гонведов<sup>1</sup>. А что и этот шаг не побудил двор к принятию контрмер, было настоятельно подчеркнуто, что новое вооруженное формирование — это не армия, а лишь пополнение для национальной гвардии. На самом же деле гонведские батальоны формировались по типу регулярной армии, и, коль скоро Баттани вынужден был прибегнуть к этой мере, он делал все возможное для того, чтобы они как можно скорее стали боеспособными подразделениями и как можно скорее могли быть брошены в бой.

Но он не хотел бы до предела натягивать струну. Поэтому правительство, прекрасно понимая, что десять батальонов это меньше того, что нужно, 6 июня, когда их формирование в основном завершилось, приняло решение о том, чтобы в следующие недели продолжить вербовку, но уже не с целью формирования новых гонведских батальонов, а для того, чтобы из вновь поступавших добровольцев создать новые батальоны в рамках венгерских полков императорской армии. Однако эта попытка потерпела фиаско; в течение нескольких дней стало совершенно очевидно, что "пополнение венгерских регулярных полков добровольцами — по вызову военного министра Лазара Месароша — не вызывало особых симпатий у нации...". Таким образом, 11 июня правительство во изменение принятого за пять дней до того своего же решения постановило все же продолжать формирование новых гонведских батальонов.

В то же время находившемуся как раз при дворе с целью переговоров Баттани удалось добиться того, что император, несмотря на возражения наследника престола эрцгерцога Карла Франца, утвердил принятую открывшимся в конце мая трансильванским государственным собранием статью о воссоединении Трансильвании и Венгрии. Одновременно был отстранен от исполнения функций бана Хорватии Елачич, который, используя в качестве предлога безучастное отношение венгерской революции к требованиям хорватского национального движения, с самого начала открыто выступил против венгерского правительства. К тому же Елачич сумел "выжать" у одного из дядей императора, весьма популярного в Хорватии эрцгерцога Иоганна, обещание, что сам выступит в роли посредника в целях успокоения хорватов

сближения их с венгерским правительством. После этого, однако, эрцгерцог Иоганн отнюдь не перетруждал себя в роли посредника; Елачич же (получив секретные контрукказания противоположного характера) ни на минуту не думал о действительном прекращении функций бана и продолжал трудиться над тем, чтобы превратить Хорватию в прочный бастион контрреволюции; правительство же пока было преисполнено спокойствия, вызванного результатами поездки премьер-министра в Вену. И поскольку 17 июня, через три дня после возвращения Баттани в Пешт, наконец прибыли с большим трудом отпущенные из Австрии на родину два батальона одного из венгерских полков императорской армии, у министров сразу же появился повод для того, чтобы с еще большим спокоем взирая на складывающееся положение (хотя возвращение этих двух батальонов в течение долгих месяцев явилось единичным явлением, так и не получившим своего продолжения). Таким образом, 18 июня правительство, вновь изменив свое предыдущее решение, постановило все же не приступать к формированию новых гонведских батальонов. И хотя в южной части Венгрии в то время уже шли тяжелые кровавые бои, невзирая на это, вплоть до самой середины августа оно пыталось восполнить недостаток вооруженных сил, способных защищать революцию, лишь призывом на несколько недель для полевой службы весьма слабых в военном отношении подразделений национальной гвардии.

Однако Баттани и его соратники тоже с самого начала понимали, что это не может быть окончательным решением вопроса. Поэтому правительство уже 2 июля приняло еще одно, более важное решение, предложив открывавшемуся через три дня новому государственному собранию<sup>1</sup> срочно принять резолюцию относительно выставления 200 тыс. рекрутов, то есть такого количества, какое еще ни одно государственное собрание никогда не рекомендовало выставить для нужд императорской армии. Однако пока оставался открытым вопрос о том, будут ли эти новобранцы использованы для формирования новых гонведских батальонов или для пополнения венгерских регулярных полков. Другое дополнительное распоряжение появилось уже в течение 48 часов. Поскольку стало очевидным, что резолюция о развертывании такого количества вооруженных сил, даже в случае, если новобранцы будут использованы для пополнения императорских регулярных полков, все равно может вызвать большое недоверие в Вене, Бат-

<sup>1</sup> Гонвед (венг. — honvéd) — букв. защитник родины; так называли солдат революции 1848 — 1849 годов.

<sup>1</sup> Новое государственное собрание в отличие от прежнего сословного представляло собой буржуазный парламент, избранный на основе народного представительства.

тани, который три месяца назад еще категорически не соглашался с тем, чтобы венгерское правительство послало подкрепления в Италию, теперь, 4 июля, на заседании совета министров, ко всеобщему удивлению, предложил, чтобы правительство испросило у государственного собрания полномочия на отправку в Италию первых 40 тыс. из выставляемых новобранцев. К этому предложению тут же присоединились все присутствующие, начиная с Сечени, который в апреле решительно выступал против этой идеи, и кончая Кошутом. Кошут, правда, с определенными оговорками предложил — и это удалось провести ему в жизнь — отправку новобранцев в Италию обусловить встречным требованием правительства ко двору, чтобы последний сначала оказал сдерживающее влияние на хорватских и сербских мятежников.

А государственное собрание еще в июле приняло резолюцию о выставлении 200 тыс. новобранцев, а затем, несмотря на протест левого меньшинства палаты депутатов, проголосовало и за помощь войскам в Италии, обусловив это оговоркой Кошута. Однако после случившегося в марте и это уже не могло успокоить венские правящие круги. И не только потому, что инициатива на полях сражений в Ломбардии была в это время уже в руках императорских войск и они теперь не нуждались в подкреплении, а потому, что венские власти — как бы ни складывалось военное положение в Италии и какую бы политику ни проводило правительство Баттани или венгерское государственное собрание — по-прежнему неизменно считали нетерпимым, чтобы Венгрия окончательно обрела бы такую широкую внутреннюю самостоятельность, которую она завоевала в марте. Таким образом, независимо от того, дружественными или нет были отдельные мероприятия правительства Баттани, двор по-прежнему продолжал жестко придерживаться той политики, которую он полностью принял еще в марте 1848 года на основе рекомендаций эрцгерцога Стефана, вступившего в права палатина Венгрии в ноябре 1847 года. Суть этой политики сводилась к тому, что до тех пор, пока основная часть военных сил занята борьбой против итальянского освободительного движения, следует не допускать разрыва с венгерскими бунтовщиками; когда же положение в Италии укреплится, нужно немедленно ударить и по венграм. Поэтому, когда в августе вся территория Ломбардии снова оказалась под властью императорских войск, в Вене тотчас же началась подготовка скорейшего вооруженного нападения на Венгрию.

Однако тогда уже знал и Баттани, что венгерской революции угрожает достаточно большая, непосредственная опасность. Ведь и для него было само собой разумеющимся, что победа императорских войск в Ломбардии расширила свобо-

ду действий венских недоброжелателей Венгрии. К тому времени стало очевидным, что число этих недоброжелателей значительно больше, чем он считал раньше. У него уже не вызывало никакого сомнения то, что Елачич, как и сменявшие друг друга на посту главы австрийского военного министерства императорские генералы — генерал-лейтенант Зинини и генерал-фельдмаршал Латур — отъявленные враги Венгрии. И что от эрцгерцога Карла Франца и от его полновластной супруги эрцгерцогини Софии Венгрия также не может ожидать ничего хорошего — это тоже Баттани мог подозревать с самого начала, а самое позднее в начале июня он должен был окончательно это понять: ведь тогда он уже непосредственно наблюдал, сколь коварно они действуют, стараясь провалить, не допустить успешного завершения его переговоров со двором. Что же касается тех австрийских министров, которые еще до 1848 года принадлежали к буржуазной или дворянской оппозиции и только в результате мартовской революции поднялись к вершинам власти, то, несмотря на срыв запланированных на май переговоров, Баттани все еще возлагал на них какие-то надежды. Однако эти надежды не могли долго существовать. В начале июля в Пешт была доставлена нота австрийского правительства, в которой говорилось, что если венгерское правительство не удовлетворит требований Хорватии, то оно не может больше рассчитывать на нейтралитет австрийского правительства. Спустя несколько дней за этой нотой последовал другой документ, из которого уже явствовало, что, поскольку возглавляемое Кошутом министерство финансов с июня не заботится о финансировании заградской военной кассы, австрийское правительство отпустило вместо него требуемые для содержания войск Елачича (отстраненного императором от должности) деньги и ожидает, что венгерское правительство вернет их Австрии.

А когда вскоре пал возглавляемый Пиллерсдорфом кабинет, издавший названные документы, и в пришедшем ему на смену правительстве Вессенберга приобрел особый вес министр внутренних дел барон Доблхоф, у Баттани снова, наверное, пробудились какие-то надежды — ведь Доблхоф перед мартом играл точно такую же роль во главе сословной оппозиции Нижней Австрии, какую играл он сам, возглавляя венгерскую оппозицию. Но и это переходное состояние оказалось лишь коротким временным отклонением, так как когда Баттани в самом конце июля снова прибыл в Вену и при встрече с Доблхофом напрямую задал ему вопрос, намерено ли австрийское правительство в соответствии с Прагматической санкцией защищать во взаимодействии с Венгрией "права короны" в Хорватии, то получил на него многозначительный ответ, что „... хорваты, так же как и венгры...

ссылаются на Прагматическую санкцию", и "австрийское правительство еще не видит отчетливо", "какая из сторон более правильно истолковывает Прагматическую санкцию". Таким образом, самое позднее в начале августа уже и Баттани стало ясно, что в Вене и Загребе не просто действуют отдельные враги Венгрии, а что в Вене Венгрии противостояла целая "партия подлецов"; к ней относятся Карл Франц и София, Латур и все австрийское правительство (которое, по его мнению, можно было назвать "неразумным", поскольку оно не понимало схожести своих интересов с венгерскими), а также Елачич, который, разумеется, не задавал тон, а использовался первыми в качестве "слепого орудия". Но то, что эта контрреволюционная камарилья не одна из партий венгерских правящих кругов, а единственная, по существу, партия оказывавшая влияние на всех австрийских политиков, игравших значительную роль, а также на всех членов правящей династии, — этого Баттани все еще не видел. Он все еще верил, например, в эрцгерцога Иоганна и — что еще хуже — по-прежнему с полным доверием относился к эрцгерцогу Стефану, с которым его связывали с начала 40-х годов подлинно дружеские личные отношения и которого со времени мартовских событий он считал человеком, охотно готовым помочь (поскольку, желая уберечь царствующую династию от пагубных последствий поспешных решений, он не раз выступал в Вене за удовлетворение некоторых венгерских требований), но который в своих публичных выступлениях все делал для сохранения видимости этой большой дружбы, а на деле не покладая рук трудился над тем, чтобы контрреволюция одержала верх в Венгрии.

Но если на отдельных лиц он все еще взирал через розовые очки, то тот факт, что в Вене антивенгерский лагерь в действительности был значительно больше того, каким он казался ему ранее, — это Баттани, несмотря ни на что, вынужден был признать. И поэтому теперь по мере возможности он даже в большей мере, чем в марте, допускал значительно более свободное развитие событий и даже открыто выражал свой антипатии к Вене. Когда, например, палата депутатов в ответ на заявление одного из симпатизирующих венграм депутатов на франкфуртском всегерманском конституционном собрании, занятом созданием единой Германии, 3 августа в его отсутствие единогласно заявила, что, "если австрийское венское правительство в связи с вопросом о германском единстве ввяжется в войну с объединенной германской державой, оно ни в коей мере не может рассчитывать на помощь Венгрии", — то Баттани, узнав об этом решении, отнюдь не стремился скрыть, что он "рад... тому... что случилось". Потом он написал страстную статью против тех, кто обижает

ся на то, что наше твердое намерение "убрать... тот реакционный мусор, который еще мешает нашей свободе действий", кто всеми средствами поддерживает "бунтовщиков, восставших против освященного нашим королем закона", и не стесняется "потребовать для мятежников денежного аванса и признать совершенное по отношению к нам предательство". Эту статью он подписал не своим полным именем, а лишь инициалами, но и так каждому стало ясно, что ее автор — венгерский премьер-министр, рукопись же статьи он передал не в официальные "Ведомости" и не в "Пешти хирлап", считавшийся полуофициальным органом правительства, а в редакцию более радикального по сравнению с ними "Вестника" Кошута, очевидно, потому, что и этим хотел дать почувствовать, что правительство в случае необходимости не преминет прибегнуть и к более жестким средствам.

Отныне Баттани не считал нужным скрывать, что Елачич выступил против венгерской революции, руководствуясь не своим личным решением, а по указанию "партии подлецов", и он предал гласности этот факт. В циркуляре, датированном 15 августа, Баттани призвал вооружаться органы местного самоуправления Задунайского края, а "людей реакций" предостерегал о том, что "мы не собираемся ни на кого нападать, но все, как один, готовы отстаивать свою свободу, независимость, свои права". Точно так же он не скрывал, какую радость доставляло ему каждое известие, которое свидетельствовало о том, что наряду с факторами, ведущими к укреплению положения венских правящих кругов, по-прежнему существуют и факторы, действующие и в противоположном направлении. Когда, например, 22 августа на званом вечере Баттани узнал, что венские безработные готовятся к грандиозной антиправительственной демонстрации, он во всеуслышание заявил:

— Как я рад венской заварухе. Только бы она развернулась по-настоящему! — И тут же добавил (разумеется, на основании полученных "с потолка" известий): — В Италии тоже плохи дела. Вполне вероятно французская интервенция. Превосходные новости!

Впрочем, как бы ни возмущали его венские интриги, он все равно ни на мгновение не становился рабом своих страстей. Ведь — что бы он ни сказал 22 августа — в действительности он отчетливо видел, что положение сторонников феодального строя и в Италии, и в Вене было значительно благоприятнее, чем в марте, а в соответствии с этим и их наступательный дух был значительно выше, чем в марте. Отражение же их возможного нападения он считал жизненно важным для страны. Ибо надо признать, что в ходе обсуждения ответного послания королю на предыдущем государственном соб-

рании Баттяни, желая произвести впечатление, говорил о Венгрии как о "наиболее сильной половине монархии"; однако и он сам хорошо сознавал, что в этих словах содержалось немалое преувеличение. Таким образом свои расчеты он строил теперь на том, что стране противостоят более сильные противники, и поэтому в случае разрыва, если ей и не придется играть подчиненную роль, то совершенно очевидно, что она попадет в тяжелое положение. Вот почему Баттяни и в эти дни стремился предпринимать последовательные шаги, направленные на укрепление обороны страны, но лишь такие шаги, которые в Вене не могли бы посчитать вызывающими.

Когда же, например, для него стала несомненной непригодность призываемых лишь на несколько недель для лагерной службы национальных гвардейцев, он 13 августа (согласившись с ранее сделанным предложением Кошута) отдал распоряжение об организации регулярных войсковых частей из добровольцев на более длительный срок службы (в этом смысле на память приходят первые десять гонведских батальонов). Однако в циркуляре об этом он еще более настойчиво, чем в документе от 16 мая, подчеркивал, что вновь создаваемые войсковые части будут представлять собою не регулярную армию, а лишь "военную силу, состоящую из *национальных гвардейцев*", и, чтобы развеять возможные сомнения, рекрутирование добровольцев в отличие от порядка, принятого для укомплектования гонведских подразделений и частей, возлагал не на офицеров призывных комиссий из состава императорской армии, а на гражданских чиновников из органов местной власти. Когда же палата депутатов спустя несколько дней начала обсуждение законопроекта, определяющего порядок волеизъявления в июле выставления 200 тыс. новобранцев, Баттяни сам поддержал точку зрения внесшего это предложение Лазара Месароша, согласно которой новобранцы должны быть использованы не для формирования новых гонведских батальонов, а для пополнения венгерских полков императорской армии.

При этом он столкнулся не только с радикалами, совершенно уверенными в скором вооруженном выступлении контрреволюции против Венгрии, но и с Кошутым, а также с достаточно большой группой либерального меньшинства депутатов (составлявшей более четверти всех депутатов-либералов), которая, также почувствовав в это время серьезную опасность, была твердо убеждена, что Вену если и можно принудить к отступлению, то отнюдь не новыми уступками, а скорее уж демонстрацией силы, и которая поэтому сейчас в согласии с радикалами сама требовала того, чтобы новобранцы все до единого были использованы для дальнейшего фор-

мирования гонведских батальонов. Баттяни, однако, не получил единодушной и однозначной поддержки и от тех либеральных депутатов, которые до этого неколебимо поддерживали проводимую им политику. Хотя он весьма настойчиво предостерегал палату депутатов:

— Что бы мы ни решили, нужно, чтобы это облеклось в форму закона, а для этого необходимо согласие его величества; и каково бы ни было, по нашему суждению, это согласие, мы должны также предположить, что, если наше решение не будет облечено в форму, приемлемую для его величества, может уйти в отставку то или иное министерство, но от этого наши законопроекты еще не станут законом...

Но в то время даже самый наивный депутат должен был догадываться, что если бы двор выступил против создания двухсоттысячной армии гонведов, то он точно так же выступил бы и против аналогичного раздувания численности венгерских полков императорской армии. И поэтому даже по-прежнему отмежевывавшиеся от левого крыла депутаты не поддержали законопроект Месароша, а высказались за то, чтобы часть выставляемых новобранцев использовать для пополнения рядового состава венгерских регулярных полков мирного времени, а из оставшейся, значительно большей части новобранцев сформировать новые батальоны гонведов. И Баттяни в конце концов вынужден был считать успехом то обстоятельство, что, когда дело дошло до голосования, большинство отвергло предложение левого крыла, причем отдали свои голоса не самому законопроекту Месароша, а посредническому предложению, также коренным образом отличавшемуся от него.

Что же касается того, что и голосование этого проекта никоим образом не улучшит настроение придворных кругов (как порадовались бы они в случае принятия предложения левого крыла), разумеется, не вызывало у Баттяни сомнений; поэтому он считал крайне важным, чтобы в интересах сбалансирования решения палаты депутатов правительство вновь подтвердило свою готовность сгладить австро-венгерские противоречия. Таким образом, он, еще в начале июля лишь возмущавшийся требованием кабинета Пиллерсдорфа того, чтобы Венгрия проявила большую уступчивость по отношению к Хорватии, 27 августа на заседании совета министров уже с одобрением воспринял законопроект Деака, предусматривавший предоставление Хорватии значительно большей, чем ранее, автономии. Более того, он даже пошел на то, что если хорватов это не устроит, то тогда они могут свести свои связи с Венгрией до уровня простой персональной унии. На следующий день он вместе с Деаком снова отправился в Ве-

ну, чтобы там, ссылаясь на эти убедительные свидетельства уступчивости венгерского правительства относительно урегулирования хорватской проблемы, попросить обуздания Елачича и сербских повстанцев.

Однако венским правящим кругам хорваты были совершенно безразличны, как бы охотно они ни раньше, ни теперь не добывали капитал из их недовольства. Более того, они скорее беспокоились о том, как бы вдруг не прекратилась венгеро-хорватская междоусобица. Подлинная же их цель была зафиксирована и письменно в решении совета министров Австрии, заседавшего как раз одновременно с советом министров Венгрии, который обсуждал хорватский вопрос: согласно этому решению, в первую очередь следовало существенно ограничить права министерства финансов и военного министерства Венгрии, а затем — для большей безопасности — полностью подчинить венгерское правительство австрийскому кабинету. Что же касается того, каким образом следовало обеспечить достижение этой "благородной цели", то об этом на другой день, в день отъезда Баттiani и Деака в Вену, будущий главнокомандующий императорской армией, а в то время командующий австрийскими войсками в Чехии князь Альфред Виндишгрец писал в своем письме из Праги князю Йозефу Лобковитцу, адъютанту императора. В этом письме с солдацкой лаконичностью написано: "Прежде всего я делаю тебя ответственным за то, чтобы его величество впредь не делало никаких уступок". "Если же ты заметишь, что кто-то форсирует какие-то уступки либо императору грозит какая-то опасность, собери как можно больше войск и препроводи его величество и всю императорскую семью — не в качестве беглецов, а под охраной армии — через Кремс<sup>1</sup> в Оломоуц<sup>2</sup>. Тогда я с войсками овладею Веной, его величество отречется от престола в пользу своего племянника эрцгерцога Франца Иосифа, а затем я захвачу Буду".

Разумеется, Лайошу Баттiani не было известно это письмо. Но то, что уступки хорватам не удовлетворят венские правящие круги, что эти круги уже не отступятся от своих агрессивных планов, пока венгерское правительство "остается непоколебимо на жесткой основе закона в отношении портфелей военного министерства и министерства финансов", ему совершенно ясно. А поэтому теперь его сокровенным намерением и в вопросе об этих двух министерствах было "вступить в сделку со двором", иначе говоря, принести самую большую жертву, если "иначе невозможно" устра-

нить опасность разрыва, который, по его мнению, грозит стране неисчислимыми бедами.

Однако это свое намерение во время пребывания в Вене он в конце концов так и не сумел осуществить. Ведь мнение тех государственных мужей, которые вообще-то были склонны разговаривать с ним и Деаком, при дворе даже не выслушивали и ограничивались лишь изложением собственных взглядов. И то, что они высказывали, делало совершенно очевидным, что ни на какое компромиссное решение рассчитывать нечего. Ведь Вессенберг и Латур не терпящим возражения тоном заявили, что переговоры не могут быть начаты до тех пор, пока министерство финансов и военное министерство Венгрии не вольются в австрийские министерства финансов и военное. А это для Баттiani было уже неприемлемым требованием.

Он видел, что соотношение сил складывается неблагоприятно для Венгрии, но все же не думал, что настолько неблагоприятно, что Венгрия снова может попасть в подчиненное положение, существовавшее до марта, и поэтому он и тут придерживался позиции, которую следующим образом сформулировал в своей статье от 3 августа: "Мы хотим договариваться и вести дела на основе права и уважения прав народа, но мы никогда больше не станем колонией Австрии". Иначе говоря, Баттiani готов на компромисс, но только на *подлинный* компромисс, на соглашение, основанное на *взаимных* уступках. Если венские правящие круги больше всего были обеспокоены существованием самостоятельных военного министерства и министерства финансов Венгрии, то он как раз был готов от этого отказаться, но не так, чтобы эти министерства просто влились в соответствующие австрийские министерства, а лишь исключительно на основе аналогичных *взаимных* уступок. О том же, что из этого следовало: о создании общих австро-венгерских военного министерства и министерства финансов (или о каком-то подобном этому решении вопроса) — венские государственные мужи и слышать не хотели — ведь отнюдь не для этого они желали снова получить возможность вмешиваться в решение финансовых и военных дел Венгрии, чтобы взамен венгры получили право совать нос в военные и финансовые дела Австрии. И это не меняло и то обстоятельство, что и гораздо более выгодный для Вены результат, чем соглашение, основанное на взаимных уступках (как это представлял себе Баттiani), не мог быть достигнут на длительный срок и приближавшимся военным столкновением, как это стало очевидным в 1867 году. Ибо теперь, когда императорские войска снова прочно держали в своих руках Ломбардию, а венгры, *по-видимому*, пока не могли справиться и с небольшой группой сербских повстанцев,

<sup>1</sup> Город в Австрии.

<sup>2</sup> Город в Чехии. Ныне на территории ЧССР.

венские правящие круги в такой же степени переоценили свои возможности, как полгода назад допустили ту же ошибку венгерские руководящие круги.

Словом, чем больше было хождений по мукам у Баттьани в Вене, тем больше он убеждался в том, что здесь никому нет дела до его предложений. Затем он окончательно понял, что император никогда не утвердит ни закон о выставлении новых контингентов солдат, ни другой закон, который был принят вслед за ним венгерским государственным собранием по инициативе Кошута и на основе которого правительство, чтобы покрыть ожидаемые военные расходы, могло бы выпустить на 61 миллион форинтов не обеспеченных золотом банкнот. Потом ему предстояло узнать, что войска Елачиича 31 августа вошли в Фиуме и насильно присоединили к Хорватии Венгерское приморье<sup>1</sup>. О том, как двор отнесся к этому шагу, он тоже скоро узнал из королевского рескрипта от 4 сентября (не скрепленного визой министра), в котором король сообщал Елачиичу, что он снова возводит его в должность бана, поскольку "он вновь явил... неоспоримые доказательства своей верности и своей приверженности интересам всей монархии", что является "полнейшим опровержением ложных обвинений", послуживших поводом для недавнего лишения его этого сана.

Правда, об этом документе, равнозначном приказу о наступлении, Баттьани узнал только 6 сентября. Но того, что происходило в предшествующие дни, ему было уже вполне достаточно, чтобы убедиться, что из трех вариантов выбора, которые казались ему возможными до сих пор, а именно: компромисса, покорности и борьбы, — теперь для Венгрии остался лишь один из двух последних. Борьбу он считал худшим решением, чем компромисс, но покорную уступчивость без борьбы, что прямо вытекало из предыдущего, то есть покорное согласие на восстановление подчиненного положения, существовавшего до марта, еще более худшим. Таким образом, теперь он без колебания решился на борьбу, о чем свидетельствует то, что уже 4 сентября он обратился к французскому послу в Вене с вопросом, склонно ли правительство Франции признать Венгрию в качестве самостоятельного, полностью независимого от Австрии государства и согласно ли оно предпринять демарш при венском дворе "в защиту его самостоятельности"? И хотя на его вопрос посол дал уклончивый ответ, Баттьани 9 сентября по-прежнему настроенный поднять брошенную перчатку вызова, отправился назад в Пешт, где Кошут в это время, не

смотря на отсутствие королевского согласия, уже четвертый день продолжал печатать не имевшие золотого обеспечения венгерские банкноты.

Когда же, однако, 10 сентября вечером Баттьани вернулся в Пешт и доложил о результатах своей поездки эрцгерцогу Стефану, тот все еще был склонен вселять в Баттьани слабые надежды своим лживым, но решительным заявлением, что Елачиич в действительности "не имеет приказа династии на вторжение". К этому эрцгерцог еще добавил, что если Баттьани решился бы на формирование нового правительства, такого, из которого был бы исключен Кошут, считавшийся в Вене главным камнем преткновения, то тогда бы двор, совершенно очевидно, позаботился об обуздании Елачиича. Однако его высочество уже после последовавшей еще в тот же вечер отставки правительства Баттьани думал о чем угодно, только не о том, чтобы направить императору представление о назначении Баттьани вновь премьер-министром. Он же информировал на другой день государственное собрание об отставке правительства; причем в этом документе эрцгерцог также ни словом не упомянул о возможном поручении Баттьани сформировать новое правительство. Вместо этого он сообщил законодателям, что осуществление исполнительной власти он в силу своих прав палатина берет на себя...

Однако попытка палатина совершить путч встретила в палате депутатов такой прием, который вынудил эрцгерцога Стефана к отступлению. А поскольку возмущенные ораторы на 11-м заседании палаты депутатов заявили, что до тех пор, пока не будет образовано новое правительство, члены уходящего в отставку правительства в соответствии с законом должны продолжать выполнять свои функции, Кошут под бурные овации депутатов снова сел на свое место, отведенное в палате для членов правительства, и тотчас же начал действовать. Сначала он провел через палату депутатов решения об одобрении начатого им 6 сентября выпуска бумажных денег, затем добился принятия еще одного решения, согласно которому власти на местах должны немедленно приступить к набору новобранцев, а правительство обязывалось передать новобранцев, всех без исключения, для формирования новых гонведских батальонов (хотя так же, как и в отношении закона об открытии кредита, закон о наборе новобранцев тоже не был утвержден королем). Все это заставило эрцгерцога Стефана понять, что если он не желает, чтобы власть прочно оставалась в руках Кошута, то должен отказаться от своего плана захвата власти и удовольствоваться тем, в чем он в предыдущий вечер заверял Баттьани: формирование нового правительства все же необходимо поручить ушедшему в отставку премьер-министру [то есть Лайошу Баттьани].

<sup>1</sup> Так называли в те времена в Венгрии прилежавшую к Фиуме территорию, включавшую и этот город-порт.

Однако происшедшее в палате депутатов открывало Баттjани глаза на то, что значительное большинство депутатов теперь — в противоположность тому, что было в конце августа, — уже за Кошута, поддерживает его, и поэтому, если действительно произойдет разрыв с Венoй и начнется вооруженное контрреволюционное нападение, Кошут окажется более пригодным для организации сопротивления, чем он, Баттjани. Таким образом, единственную возможность и смысл попыток самому сформировать новое правительство теперь он видел лишь в одном случае: если двор в соответствии с утверждением эрцгерцога Стефана все же склонится к отказу от вооруженного столкновения, условием чего, естественно, — если это вообще может еще произойти — явится не только лишение Кошута портфеля министра в новом кабинете, но и обязательство нового правительства не предпринимать ничего такого, что хоть в чем-то отходило бы от зафиксированных в законах положений. Поэтому он лишь в том случае примет поручение о сформировании нового кабинета, если двор воспрепятствует вторжению Елачича (хотя бы ради того, чтобы не вынуждать венгров проводить не утвержденный королем набор новобранцев) и представит в распоряжение вновь формируемого правительства заем в один миллион форинтов (опять-таки ради того, чтобы избежать не утвержденного королем, но вынужденного выпуска бумажных денег). И наместник нехотя, но все же предложил теперь монарху назначить вновь Баттjани премьер-министром; это предложение он оформил и письменно, зафиксировав в представлении от 12 сентября и обговоренные устно условия.

Однако еще 12 сентября Баттjани был извещен о том, что войска Елачича уже накануне пересекли хорватско-венгерскую границу, форсировав Драву, и двинулись на Буду. Естественно, что он не мог бездейственно наблюдать продвижение противника и ожидать, пока придет из Венy ответ на представление палатина. Поэтому теперь он делал все возможное для эффективной защиты революции; все возможное в рамках действующих законов (так, например, он призвал местные органы власти в Задунайщине к организации народного ополчения или в связи с отказом Храбовского взять на себя командование задунайскими войсками провел решение, чтобы сам палатин встал во главе армии в качестве главнокомандующего вооруженными силами страны). Но если рамки законов оказывались узкими, он — какую бы озабоченность это ни причиняло ему — без колебания преступал их. В частности, он лично дал указание местным властям не ждать с набором новобранцев "до тех пор... пока его величество утверждает относящуюся к этому статью закона", а в соответствии с решением палаты депутатов от 11 сентября немедленно

развернуть набор новобранцев во вновь формируемые гонведские батальоны.

Когда же наконец 16 сентября из Венy прибыл долгожданный королевский ответ на представление палатина от 12 числа, в принципе санкционировавший повторное назначение Баттjани премьер-министром, но оставивший пока без ответа по существу оговоренные в представлении условия, Баттjани еще в тот же день заявил в палате депутатов, что он отказывается от полномочий по формированию правительства, поскольку из королевского документа однозначно явствует, что Венгрия вынуждается на бесполезные, даже прямо пагубные уступки в угоду законному решению. Ведь в связи с тем, что она, насколько только возможно, все еще избегает применения неуставных средств, она вообще никак не приближается к мирному урегулированию проблем и сама себя лишает возможности поставить все свои ресурсы на нужды самообороны. Таким образом, он считал, что законодателям больше не стоит размышлять о том, как добиться назначения нового законного правительства; лучше взвесить и решить, "не наступил ли наконец тот последний миг, когда нация оказалась вынужденной на крайнюю и решительную самооборону, законность которой она не в силах, да и не обязана доказывать".

Иначе говоря, Баттjани тогда, к удивлению многих, заговорил таким тоном, какой в зале заседаний палаты депутатов позволяли себе только Кошут и ораторы-радикалы. Теперь же в ответ ему — опять-таки к удивлению многих — именно Кошут и главные ораторы группы левых депутатов начали умолять его, чтобы он, каких бы это ни требовало от него жертв, все же принял пост премьер-министра и выполнял эти функции столько, сколько сможет, хотя бы уже потому, что открытый разрыв с конституционными формами деятельности не только пришлось бы по вкусу Венe, но и умалил также "ту конституционную силу", которая нужна для того, "чтобы умножились наши силы". Ведь этот разрыв совершенно очевидно отвратил бы от дела самообороны и борьбы многих тех (особенно из числа офицеров армии, кто был как раз весьма необходим), кто, не случись этого, оставался бы, по всей вероятности, под знаменами борьбы. И с таким аргументом Баттjани вынужден был согласиться.

Итак, он снова вернулся на свой пост и в следующие дни лихорадочно трудился над организацией сопротивления. Немалые усилия он приложил к тому, чтобы лагерь революции к концу сентября, несмотря на упущения летних месяцев, смог бы бросить в бой — и это удалось — такую армию, которая сумела бы не только задержать Елачича, но и обратить

его в бегство. Однако в день пакоздской победы<sup>1</sup> Баттяни снова увидел будущее совершенно безрадостным. Дело в том, что незадолго до этого эрцгерцог Стефан, который тем временем отказался от поста венгерского палатина и удалился в Вену, известил Баттяни о том, что монарх в новом своем рескрипте уже твердо отказался от своей идеи отозвать Елачица. Затем эрцгерцог сообщил, что его величество назначил главнокомандующим императорскими войсками в Венгрии одного из преданнейших приверженцев Венгрии, генерал-лейтенанта графа Ференца Ламберга. Эту новость эрцгерцог Стефан дополнил не соответствовавшей действительности информацией о том, что Ламберг "направляется в штаб армии в целях примирения". Тогда Баттяни — в тщетной надежде, что Ламберг все же, может быть, сумеет заставить наконец замолчать орудия, — утром 27 сентября тоже поспешил в штаб. Однако в тот же день вечером палата депутатов объявила незаконным назначение Ламберга и аннулировала это назначение, а на следующий день народные массы в Пеште вопреки ожиданиям введенного в заблуждение премьер-министра линчевали генерал-лейтенанта, в котором они с полным основанием видели одного из организаторов контрреволюции.

Такое развитие событий привело Баттяни в полное отчаяние. Он понимал, конечно, что теперь стране уже не поможет даже то, если армия гонведов отбросит Елачица, — ведь ответ, данный венграми на назначение Ламберга, может побудить противостоящую сторону лишь к тому, чтобы, введя в действие все свои вооруженные силы, нанести Венгрии новый и еще более сильный удар. Этот удар — Баттяни был в том уверен — будет уже смертельным, так как страна, даже мобилизовав все свои силы, сможет выставить лишь такую армию, которая необходима для отпора Елачицу, а на большее просто не способна.

Таким образом, к рассвету 29 сентября, когда венгерские войска стояли в боевом порядке на Пакоздском поле, Баттяни снова отправился в Вену, чтобы хоть что-то сделать для устранения опасности, — его место там, где он наилучшим образом сможет что-то предпринять. Однако, прибыв в Вену, он достаточно быстро убедился, что уже ничего не может больше сделать. Здесь он получил не только известие о разгроме Елачица при Пакозде, но окончательное решение — 3 октября — об освобождении его от поста премьер-министра, а перед этим ему сообщили, что король в течение ближайших одно-

<sup>1</sup> В битве под Пакоздом 29 сентября 1848 года (Пакозд — небольшое местечко к северо-востоку от города Секешфехервара) армия революционных гонведов разбила войска Елачица. В ознаменование этого события в народной Венгрии этот день отмечается как День Вооруженных Сил.

го-двух дней даст распоряжение о роспуске венгерского государственного собрания и во главе страны будет поставлен королевский правитель, облеченный всей полнотой военной и гражданской власти, и им будет не кто иной, как Елачиц, тот самый Елачиц, которого так ненавидят в Венгрии и который теперь поспешно отходит от Пакозда к Вене. На все это Баттяни только и мог заметить, что это "такое... самоуправное объявление войны против венгров, после которого для Венгрии не остается ничего другого, как позаботиться о своей самообороне".

Но Баттяни по-прежнему не сомневался, что самооборона может окончиться только поражением. 5 октября он уехал из имперской столицы с мыслями о том, что покинет свою страну, положение которой все равно уже не сможет изменить. Однако на другой день в Шопроне он получил два важных известия: с одной стороны, он узнает, что то, чего он в течение полутора месяцев так трепетно ожидал — чтобы в Вене вновь вспыхнуло революционное движение, — свершилось и двор бежал в Оломоуц; с другой стороны, ему стало известно, что одна из дивизий Елачица вторглась в его родной комитат Ваш, и комитатские власти (как раз во исполнение его же, Баттяни, распоряжения, изданного несколько недель назад) объявили о наборе народного ополчения. Узнав об этом, он отказался от своего плана покинуть родину и поспешил в родные места, где присоединился к народному ополчению.

После же отхода противника он в течение длительного времени оставался дома, поскольку несчастный случай надолго приковал его к постели, а также в связи с тем, что от своего депутатского мандата он отказался еще 2 октября в знак протеста против принятого в отношении Ламберга 27 сентября решения и, следовательно, ему пока нечего было делать в Пеште. До тех пор пока, облеченному доверием своих избирателей, ему в середине декабря вновь не пришлось занять свое место в палате депутатов. Но к этому времени он уже располагал большой новой информацией.

Ему уже было известно, что назначенный главнокомандующим Виндишгрец к концу октября подавил венское восстание, учинив затем кровавую расправу над попавшими к нему в руки руководителями восстания. Он уже знал, что в начале октября в Венгрии исполнительную власть взял в свои руки комитет, созданный государственным собранием и возглавляемый Кошутом, — Комитет обороны. Ему уже было известно, что против венгерской революции ведут вооруженную борьбу не только сербы и хорваты, но и словацкие и румынские жители страны. Он уже знал, что придворные круги в начале декабря вынудили Фердинанда отречься от

престола, а Франца Карла — от своего права престолонаследования и посадили на трон сына последнего — Франца Иосифа; венгерское же государственное собрание объявило этот шаг идущим вразрез с законом. И более чем вероятно, ему уже было известно, что за минувшие месяцы непрерывно продолжала укрепляться армия гонведов — причем настолько, что число гонведских батальонов равнялось почти шестидесяти. Зная все это, он, по-видимому, пришел к выводу, что Венгрия способна оказать более упорное и более длительное сопротивление, чем ему раньше казалось; хотя в конечном итоге она все же вряд ли сумеет избежать поражения; если же тем не менее Венгрия одержит победу в борьбе, в результате этого она выпадет из Габсбургской империи и навсегда лишится преимуществ, вытекавших из ее принадлежности к империи.

И такая оценка ситуации побудила Баттани снова выступить посредником в заключении мира. Не потому, что результаты его прошлых подобных усилий в этом направлении порождали в нем слишком радужные надежды. А потому, что теперь по всем признакам он вновь не считал положение дел полностью безнадежным, однако совсем и не потому, будто предполагал, что продолжение борьбы, насколько ни были бы предпочтительнее шансы имперских сил, все же и им сможет нанести большой урон, что в конце концов должны понять придворные круги. Правильность такого предположения может подтвердить то, что по возвращении в Пешт он стал во главе так называемой Партии мира, сформировавшейся в течение прошедших месяцев из правого крыла группы депутатов-либералов; члены этой партии также считали поражение неотвратимым и поэтому тоже хотели добиться какого-то мирного урегулирования — даже ценой далеко идущих уступок. Это может подтвердить и то, что Баттани сделал в канун Нового года. В это время вторгшиеся еще две недели назад в Венгрию главные силы императорских войск стояли уже непосредственно у ворот Буды, и в связи с этим государственное собрание по предложению Кошута приняло решение о перенесении своей резиденции и резиденции Комитета обороны — в интересах более надежной организации сопротивления врагу — в Дебрецен. Баттани же, считая, что наступил последний момент для возобновления попыток договориться о мирном урегулировании, добился, чтобы государственное собрание одновременно с этим направило его во главе делегации из пяти человек к Виндишгрецу. Он добился такого решения, предполагая, что когда он вернется в Пешт, то соберет еще оставшихся здесь (и на верняка в немалом количестве) законодателей и предложит им признать Франца Иосифа законным королем Венгрии и

принять определенные Виндишгрецем мирные условия (какими бы суровыми они ни были) — и тем самым лишить обе враждующие стороны почвы для дальнейшего продолжения войны.

Основывая свои расчеты на предположении, что продолжение борьбы еще может нанести большой ущерб и императорской стороне и что рано или поздно это должно стать очевидным и для придворных кругов, Баттани в основном поступал правильно. Ведь подавление венгерской революции в конечном итоге обойдется Габсбургам действительно очень дорого, так как для того, чтобы снова властвовать в Венгрии, им нужно использовать антивенгерские национальные движения и этим дать пищу таким устремлениям и тенденциям, которые со временем станут первостепенной важности факторами в распаде исторической Венгрии, а вместе с ней и всей империи. Но всего этого тем не менее было недостаточно для того, чтобы вооруженные силы Габсбургов смогли разгромить армию гонведов — для этого им пришлось в конце концов прибегнуть к помощи царской России. А этот факт, несомненно свидетельствующий об их слабости, раз и навсегда исключил бы Габсбургскую империю из числа великих европейских держав. И только в одном Баттани ошибся: в предположении, что император и его сторонники уже теперь смогут взвесить и оценить, какую опасность таит и для них продолжение борьбы. Потому что принудить их к трезвому расчету могло лишь непрерывно продолжавшееся, но принесшее свои плоды только спустя несколько месяцев сопротивление гонведской армии, а также столь неблагоприятное для них проявление в более отдаленном будущем последствий венгерской войны. Теперь же, накануне осуществления последнего пункта программы Виндишгреца, проklamированной им 27 августа, накануне захвата Буды, все влиятельные лица при дворе готовы были поклясться, что падение венгерской революции — это максимум вопрос нескольких дней.

Таким образом, появление Баттани в ставке Виндишгреца было бессмысленным: этим он "добился" лишь того, что отдал самого себя в руки своих смертельных врагов. Когда же по истечении пяти месяцев, в момент начала вторжения войск русского царя, его на мгновение охватило чувство, что если раньше ему и не удалось, то именно теперь можно было бы продолжить путь к мирному урегулированию. И захваченный этой мыслью, он просит у своих тюремщиков временно освободить его и разрешить ему поехать в Пешт, чтобы снова попробовать убедить своих соотечественников "внять голосу разума" и склониться в пользу уступок. Однако его инициатива не нашла отклика в Вене. Конечно,

позднее Габсбурги окажутся вынужденными пойти на подобное примирение, которого он, Баттяни, хотел достичь еще в конце лета 1848 года. Таким образом, спустя неполных два десятилетия в этом смысле будущее подтвердит его правоту. Настоящее же сложилось так, что 6 октября 1849 года оно поставило Лайоша Баттяни под дула ружей казнивших его солдат контрреволюции.

# Дьердь Шпира ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ

К истории политической деятельности

И.Сечени, Л.Баттяни, Л.Кошута и Ш.Петефи

Перевод с венгерского *О.В.Громова*

Вступит/ статья и редакция д.ист.н. *Т.М.Исламова*

М.: Прогресс. 1986

Вступительная статья

К советскому читателю (от автора)

Трагический путь Иштвана Сеченьи

Лайош Баттяни

Клинок Шандора Петефи

Лайош Кошут и потомки

Веб-публикация: *Belle Garde*

и редакторы библиотеки *Vive Liberta*

и Век Просвещения, 2010.

Текст подготовлен в виде скана (pdf), по главам

Тематические ссылки:

*Р.Авербух.*

Революция и национально-освободительная война  
в Венгрии в 1848-49 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94667612.htm>

(ссылки на скачивание текста книги, иллюстрации,  
дополнения)

«Весна народов»: европейские революции 1848 года

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

## КЛИНОК ШАНДОРА ПЕТЕФИ

В переломный день 13 марта 1848 года Петефи написал свою знаменитую "Национальную песнь", в которой есть такие строки:

Блещет цепь, но вдвое краше  
Засверкает сабля наша.  
Так зачем носить оковы?  
Пусть клинки сверкают снова!<sup>1</sup>

Однако когда Петефи писал эти строки, он и не подозревал, что случилось в тот же день в Вене; и только потому не мог сформулировать их как призыв к началу приближающейся венгерской революции. Он просто хотел своим стихотворением способствовать успеху того народного собрания, которое было назначено на 19 марта на Ракошском поле; цель этого собрания — дать свое "благословение" сформирован- ным Петефи и несколькими его радикальными товарищами за два дня до этого двенадцати пунктам. В момент составления их они хотели представить эти двенадцать пунктов на рассмотрение заседавшего в это время сословного собрания — причем в виде самой обыкновенной петиции. И разумеется, они пока были далеки от мысли, что смогут отважиться на нечто большее, нежели только на такую внешнюю моральную поддержку либеральных господ-дворян, которые в течение уже нескольких месяцев вели в государственном собрании бесплодную борьбу со своими консервативными противниками.

Однако на другой день вечером и в Пеште распространилась весть о победе революции в Вене, и теперь уже и Петефи приходил к выводу, что недостаточно полагаться только на либералов государственного собрания, этих "героев однодневной политики" — ведь "они не те великие актеры, которым суждено на сцене мира разыграть грандиозную драму возрождения, а только декораторы и статисты, задерживающие занавес и выносящие на сцену столы и стулья"<sup>2</sup>, и что после случившегося он и члены его кружка должны взять инициативу в свои руки, и к тому же сейчас, "завтра же! Послезавтра, быть может, уже будет поздно".

Правда, в чем должна была проявиться эта инициатива,

<sup>1</sup> Петефи Шандор. Собр. соч. в четырех томах, т. 2, М., 1952, с. 297.

<sup>2</sup> Здесь и далее фрагменты из дневников и писем Петефи даются по: Петефи Шандор. Собр. соч. в четырех томах, т. 4, М., 1953.

Петефи описывал все еще очень сдержанно: поскольку "логически первым шагом революции, первейшей ее обязанностью является освобождение печати", "завтра мы должны завоевать свободу печати". Однако уже в остальном "я полагаюсь на бога и на тех, кто призвал продолжать начатое", потому что "я призван дать только первый толчок". Петефи, разумеется, сам лучше всех знавший, сколь "мало, мало еще наше войско", видел, что у этого войска сил не очень-то хватит на большее, чем сделать первый шаг. Таким образом, если эта армия ставила бы своей целью нечто большее, чем сделать первый шаг, то она все равно не добилась бы успеха, самое большее, чего она могла бы добиться, так это толкнуть в лагерь противника и либералов, которые, хотя и были более умеренны, чем он сам, и до сего времени больше говорили, чем делали, тоже были сторонниками буржуазных преобразований. Если же его армия довольствуется тем, что сделает первый шаг, то тогда она сможет рассчитывать — и именно только тогда — на то, что этот первый шаг будет продолжен, ибо, если она сделает только один этот шаг, но сделает его успешно, она тем самым успокоит тех же самых либералов; и тогда не только не толкнет их в лагерь противника, а, как раз наоборот, стимулирует их к тому, на что с учетом их численности только одни они и пригодны, а именно "продолжить начатое".

Поэтому Петефи, хотя вечером 14 марта он уже считал возможным взять на себя роль *инициатора*, не пытался, однако, взять на себя *руководящую* роль. Напротив, он неизменно придерживался той своей точки зрения, которую сформулировал за три дня до того в стихотворении "Магнатам", проникнутом более неприкрытой, чем когда-либо ранее, ненавистью к ним:

Значит, вы согласны — ждем вас, господ,  
Встретить вас приветом рады мы всегда.  
В цепь одну, как звенья, мы сплестись должны —  
Все мы нашей скорбной родине нужны!<sup>1</sup>

И от этой своей точки зрения он не отрекся и на следующий день, когда небольшая армия мартовской молодежи, поддержав его оценку обстановки, действительно развязала пештскую революцию, не отрекся от этой своей точки зрения даже несмотря на то, что в тот день к нему примкнула двадцатитысячная толпа. Такой еще никогда не видели улицы Пешта, и даже в самых пылких мечтах он не представлял себе, что сможет всколыхнуть такую массу народа. И главней-

ший местный представитель либерального дворянского движения Пал Няри, который еще утром насмеялся над апостольскими революциями, к вечеру уже предлагал им свое сотрудничество, правда, прося за это себе право участия в руководстве ходом событий. Петефи и его единомышленники с готовностью уступили его просьбе, а затем, когда и руководители городской буржуазии волей-неволей заверили их в своей поддержке, тоже оговорив право делегировать нескольких представителей буржуазии в организовывавшийся орган власти революции — Комитет общественной безопасности, то группа мартовской молодежи, Петефи и его приверженцы, без звука согласились и на это. Они не протестовали и против того, чтобы их двенадцать пунктов и в условиях изменившихся обстоятельств были вынесены на рассмотрение государственного собрания лишь в виде петиции; о возможности же устранения государственного собрания они и словом не обмолвились, потребовав лишь, чтобы его сессии проводились теперь в Пеште, то есть чтобы деятельность его проходила под непосредственным контролем пештских революционных масс. Когда же спустя четыре дня государственное собрание отклонило даже такое скромное требование, Петефи и его сторонники, проявив покорность, и это приняли к сведению.

Подобная готовность к действиям в сочетании с трезвым благоразумием полностью соответствовала требованиям исторического развития в тот момент. Ведь Венгрия уже насущно нуждалась (и одновременно имела возможность в такой благоприятной форме, какой, пожалуй, никогда больше не имела) в том, чтобы заменить феодальную структуру внутреннего устройства капиталистической в своей основе системой. Руководитель борьбы за буржуазные преобразования, длившейся десятилетия, но достигшей до этого лишь весьма малых результатов, — либеральное дворянство не способно было, однако, без внешнего толчка отважиться на решительные шаги потому, что, будучи привязано многими нитями не только к грядущему капиталистическому строю, но также к существующему феодальному строю, имело весьма противоречивые интересы. И все же его нельзя было лишать руководящей роли просто потому, что в данных условиях венгерского общества не было другой по-настоящему значительной общественной силы, которая могла бы взять у него эстафету руководства борьбой за буржуазные преобразования. Таким образом, когда Петефи взял на себя инициативу, отнюдь не стремясь при этом взять на себя и руководство, он сделал лишь то, что необходимо было сделать: сделать меньшее было бы упущением, большее — безумием. И об этом как нельзя лучше свидетельствует то, что либеральное дворянство

<sup>1</sup> Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 296.

теперь уже действительно выстроило свои боевые ряды, но развернуло фронт не против еще более последовательных, чем оно, приверженцев дела буржуазных преобразований, а против представителей феодальной реакции.

Именно поэтому Янош Вайда<sup>1</sup> справедливо назвал день 15 марта "днем Петефи". Это справедливо потому, что, оценивая события 15 марта, сам Петефи чувствовал, что:

Одним вот этим днем великим  
Вся жизнь увенчана моя!  
Наполеон, моею славой  
С тобой не обменяюсь я!<sup>2</sup>

И поэтому очевидно, что начиная с 15 марта Петефи приобрел бы в Венгрии такую популярность, которую можно было бы сравнить только с популярностью Кошута, если бы он теперь снова и уже навсегда вложил свой клинок в ножны и больше бы к нему не притрагивался, а брался только за перо.

Но только. . . только возможности такого славного выхода из повседневных политических боев ему было не дано. С победой 15 марта дело буржуазных преобразований, как известно, еще не одержало окончательной победы. Хотя либеральное дворянство теперь, наконец, и сделало большой шаг вперед по пути буржуазных преобразований, этим, однако, оно отнюдь не освободилось из той сети, в которую его втянула противоречивость его интересов, и поэтому возникла опасность, что оно и впредь будет колебаться, а то и вообще станет пятиться назад. Но еще более весомым был тот факт, что 15 марта и силы консерватизма не потерпели уничтожающего поражения, а вынуждены были только отступить, и поэтому можно было рассчитывать, что если, опомнившись после первого потрясения, им удастся привести в порядок свои ряды, то со временем они еще перейдут в контрнаступление и попытаются, хотя бы постфактум, вернуть себе то, что потеряли. А эта опасность делала еще более серьезной первую — опасность возможного колебания либерального дворянства: ведь этот руководящий слой революции именно в силу противоречивости своих интересов и сам был не только в выигрыше от революции, но и в проигрыше, и поэтому не исключена была возможность того, что впоследствии он мог столкнуться со значительно более сильным сопротивлением, чем раньше, со стороны тех, кто только пострадал от революции.

<sup>1</sup> Вайда Я. (1827—1897) — поэт, писатель и публицист, один из крупнейших венгерских лириков XIX века.

<sup>2</sup> Петефи Янош. Собр. соч., т. 2, с. 301.

Оно (дворянство) проявило бы большую готовность к примирению с ними, нежели рискнуло бы вступить в борьбу с сомнительным исходом, к тому же за такое дело, которое он сам считал лишь отчасти близким своему сердцу.

Таким образом, политическая жизнь и после победы 15 марта пока не могла обойтись без Петефи. И это он сам отлично понимал. Поэтому и в последующие дни он продолжал действовать активно, но в том же духе, что и 15 марта: иначе говоря, он по-прежнему стремился к тому, чтобы и дальше побуждать либералов сделать в революции новые шаги вперед, но никоим образом не оказывая такого давления, которое бы вынудило их перейти в лагерь противника. Когда, например, либеральное большинство Комитета общественной безопасности 16 марта твердо отказалось от того, чтобы в соответствии с пожеланием Петефи и его приверженцев широко распахнуть ворота во вновь создаваемую национальную гвардию Пешта для многих тысяч рабочих и студентов, стремившихся взяться за оружие, а тем временем начали распространяться слухи (и небезосновательные), что запланированное на 19 марта, но оказавшееся излишним вследствие происшедших за это время событий народное собрание все же состоится на Ракошском поле (причем именно в этот день) и что оттуда "смутьяны разъедутся во все части страны" и "тогда беда всем капитулянтам, хотя бы уже потому, что в кармане у готовящихся в поездку "миссионеров" будет (с целью оглашения) рукописная копия страшного стихотворения Петефи, написанного еще 11 марта, но еще не напечатанного, в котором якобы есть такие строфы:

Эй вы, миллионы! В поле, на простор!  
Забирай лопату, косу или топор!  
Случай нас торопит, он ведет нас в бой,  
Час великий мщенья возвешен судьбой.

Баре, вы веками пили кровь рабов,  
Нынче вашей кровью напоим мы псов.  
Вилами на свалку! Догнивайте там!  
Нынче пир великий будет нашим псам!..<sup>1</sup>

Петефи и пальцем не шевельнул, чтобы опровергнуть подобные разговоры. Но, когда наконец либеральные члены Комитета общественной безопасности уступили и после долгих проволочек все же согласились на то, чтобы хотя бы часть же-

<sup>1</sup> Петефи Янош. Собр. соч., т. 2, с. 295.

лающих рабочих и студентов вступила в национальную гвардию, некоторые стали спрашивать у Петефи, какова же в конце концов цель стихотворения "Магнатам", он, ни минуты не медля, заявил, что у него теперь уже никаких целей, связанных с этим произведением, нет и что он окончательно отказался от мысли опубликовать его, более того, он уничтожит распространявшиеся в рукописи его многочисленные копии, "где только найдет".

И в подобных ситуациях Петефи поступал аналогичным образом, так что в эту пору даже самые умеренные либералы не могли отказать ему в признании. "Мы снимаем шляпу перед Петефи, — писал, например, 20 марта представитель правого крыла либерального дворянства Лайош Ковач, — он один из самых замечательных людей страны. С такой же притягательной силой, какую он проявил при подготовке волнений, пронизав все своими стихами, своими речами, он оберегает ныне порядок..."

Однако по истечении первых двух недель революции положение резко изменилось. Так, в конце марта представители старого режима, которые до этого в своей беспомощности, по существу без сопротивления, приняли все требования революции, вдруг стали проявлять все большее упрямство и сразу показали зубы. Двор, до сего времени дававший согласие на кодификацию одного за другим революционных законопроектов, разработанных государственным собранием, 28 марта неожиданно отказался дать одобрение законопроектам об освобождении крестьян от крепостной зависимости и об образовании самостоятельного венгерского правительства и выступил с претензией, чтобы государственное собрание осуществило такие изменения в этих законопроектах, согласно которым освобождение крестьян должно было произойти лишь после предварительного обеспечения компенсации помещикам, а запланированная венгерским правительством большая самостоятельность в военных и финансовых делах должна быть существенно ограничена. Правда, Габсбурги, которым в это время пришлось считаться, помимо венгерской революции, не только с венской, но также и с миланской и венецианской революциями, пока не в состоянии были эти наступательные попытки расширить до всеобщего наступления, направленного на полное удушение венгерской революции. Но только и положение венгерской революции на протяжении предшествующих двух недель тоже не стало более благоприятным и, следовательно, и венгерская революция тоже была не в силах ответить на эти претензии более мощным ударом, чем две недели назад, и попытаться подорвать позиции Габсбургов, которые ей не удалось разрушить в первом штурме.

Таким образом, ни одна из противостоявших друг другу сторон в тот момент не имела шансов на то, чтобы окончательно одержать верх над другой, и потому ни одна из них не прибегла в это время к крайним средствам. Политическими же средствами и та и другая стороны могли добиться лишь частичных результатов; только частичных: двор — максимум того, чтобы (как он и потребовал 28 марта) несколько сузить рамки буржуазных преобразований в Венгрии. Максимум того, что могла сделать венгерская революция, — это побудить двор отказаться от выдвинутых им 28 марта требований. Итак, начавшееся 28 марта состязание 31 марта уже завершилось взаимными уступками (правда, со стороны Габсбургов большими, а со стороны венгерской революции меньшими). Двор в конце концов согласился как на немедленное проведение в жизнь освобождения крестьян от крепостной зависимости, так и на узаконение большей части мер, призванных обеспечить самостоятельность венгерского правительства; в то же время государственное собрание согласилось на некоторую корректировку первоначального текста статьи закона, определявшего компетенцию и функции венгерского правительства. В частности, на то, чтобы вопрос об использовании венгерских войск за пределами страны и в дальнейшем решался исключительно монархом; и в этом вопросе в отличие от большинства других вопросов короля в случае его отсутствия не мог заменить палатин.

Таким образом, сословия прониклись уверенностью, что в ходе кодификации (оформления революционных законопроектов в законы) все же удастся свести отношения между Венгрией и австрийскими наследственными провинциями почти до уровня персональной унии. Эту уверенность не поколебала даже вероятность отмены Веней закона об освобождении крестьян. Ибо дворянство считало очевидным, что затягивание освобождения крестьян превратило бы всю страну в арену крестьянского восстания сокрушительной силы, и поэтому само государственное собрание приняло, хотя и со страстным протестом, требование двора от 28 марта. Однако протест государственного собрания сам по себе еще не мог вынудить двор к последующему отступлению. Для того же, чтобы склонить придворные круги согласиться на такую форму самостоятельности Венгрии, надо было пробудить в них спасительный страх, что в противном случае они должны приготовиться к полному отрыву Венгрии от монархии. Для пробуждения же такого страха недостаточно было даже бурного сопротивления государственного собрания, поскольку о полном отрыве Венгрии не помышляли и самые либеральные представители сословного дворянства (хотя бы уже

из-за движения национальных меньшинств, с которыми без помощи Габсбургов они едва бы справились). И это хорошо понимали и в Вене.

Итак, чтобы все же вынудить двор к новому отступлению, было необходимо, чтобы к барьеру снова вышли и пештские революционеры. И пештцы не стали медлить; в Пеште в последние дни марта одно за другим происходили собрания, становившиеся все более ожесточенными, и на них все больше людей требовали полного отделения Венгрии от Австрии, а некоторые их участники настаивали на отмене королевства и учреждении республики как формы правления. Во главе тех, кто ратовал за это, опять-таки был Петефи, который и теперь не ограничивался выступлениями и организаторской работой, а создавал и стихотворения "Восстало море" и "Королям", которые сам назвал "первым публично высказанным выражением венгерского республиканизма". Таким образом, понятно, что активные приверженцы двора в Пеште в это время наводняли Вену потоком отчаянных донесений, единодушно выражая в них свое мнение: "Если в течение нескольких дней не состоится благоприятное решение этой проблемы, особенно в плане, касающемся министерства финансов и военного министерства, то Венгрия будет потеряна для династии", — и ныне уже доказано, что поводом для отступления 31 марта послужили именно эти донесения.

И та неоценимая услуга, которую Петефи в конце марта во второй раз оказал делу преобразований, оказалась напрасной. Симпатия, которой он пользовался до сих пор в либеральных кругах, теперь, несмотря на это, а, может быть, именно в силу этого, сразу исчезла, что — по крайней мере так кажется — объясняется той случайностью, что стихотворение "Королям", к несчастью, было напечатано лишь 1 апреля, то есть тогда, когда уже и в Пеште стало известно об отступлении двора. Хотя если бы это стихотворение действительно было бы опубликовано еще до исхода этой схватки, то впоследствии, задним числом, Венгрия 1848 года точно так же обвинила бы его в том, что он пять раз в этом стихотворении посмел возгласить на весь мир:

Что бы там лстецы ни толковали —  
Нет возлюбленного короля!<sup>1</sup>

Потому что в Венгрии, где не только сотни тысяч привилегированных, можно сказать, почти с религиозным благо-

вением были привязаны к короне, но и миллионы лишенных до этого всех прав (безразлично, были ли на то основания или нет) единственно в обладателе короны видели своего защитника, многие ли могли понять, что и вправду эти слова в данный момент нужно было произнести на весь мир — и именно потому и ради того, чтобы Венгрия из абсолютной монархии могла бы стать хотя бы конституционной монархией?

Таким образом, отнюдь не в неудачной очередности следовавших событий кроется причина того, что, по мнению Петефи, начиная с этого момента либералы революционного лагеря уже немногим отличались от сторонников контрреволюции, а в том, что он, Петефи, — независимо от времени и положения, в которых предал гласности свою республиканскую приверженность, — вообще когда угодно отваживался провозглашать более высокие цели, чем либералы, так как, хотя его цели практически пока были недостижимы и, следовательно, их провозглашение пока могло способствовать лишь тому, чтобы в лучшем случае эти более умеренные (либералы) приблизились к осуществлению своих целей, то обстоятельство, что они знали его убеждения, порождало в них опасение, что он со временем продвинет революцию дальше приемлемых для них границ.

Однако "грех" Петефи не только в том, что он поднялся выше всех других своих современников, но и в том, что со своей высоты он лучше и дальше всех видел мир. И эта его особенность обособляла его не только от либералов революции, но и от определенной части его непосредственных соратников из мартовской молодежи, как это впервые выявилось тогда же, 1 апреля. Ведь 1 апреля собрался на свое заседание Комитет общественной безопасности комитата Пешт, созданный 22 марта по образцу Пештского городского комитета безопасности, чтобы обсудить самые последние новости не только о том, что двор отказался от подавляющего большинства выдвинутых им 28 марта требований, но также и о том, что "в обмен" на это сословия и члены находившегося в стадии формирования либерального правительства, не желая доводить дело до разрыва, также в чем-то уступили и склонили голову перед двором, приняв те его второстепенные требования, от которых Вена по-прежнему не собиралась отступать. Но весть о сделанных двору уступках на этот раз с одобрением встретили не только собравшиеся в здании комитатского собрания либералы, но и большинство присутствовавших здесь же представителей мартовской молодежи, даже те, кто не намного отставал от Петефи в вопросах республиканизма.

Когда на этом заседании один из представителей мар-

<sup>1</sup> Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 307.

товской молодежи, Даниэль Ираньи<sup>1</sup>, резко выступит против уступчивости государственного собрания, сложилась такая беспрецедентная ситуация, что справедливость его слов стал оспаривать не только Пал Няри, но и другой член кружка мартовской молодежи — Йожеф Ириньи<sup>2</sup>. В результате этого Петефи, разделивший, разумеется, взгляды Ираньи, но справедливо опасавшийся, как бы дальнейшее ожесточение дискуссии не привело к непоправимому расколу в среде мартовской молодежи, в конце концов — как ни был он прямодушен — был вынужден "проглотить" собственное мнение и ограничиться следующей репликой:

— Я увидел дрожащие бледные лица. Мне не хотелось бы впредь видеть такими сынов моей нации; поэтому сейчас, чувствуя себя связанным, я вкладываю свой клинок в ножны, но ломать его не собираюсь!

И правда, то, что произошло на этом заседании, само по себе и с точки зрения ближайшего будущего не имело особого значения, потому что представители противоборствовавших тогда взглядов считали в одинаковой степени угрожавшей серьезными опасностями точку зрения противной стороны; на самом же деле победа одной или другой точки зрения не могла породить никакой реальной опасности. Напрасно поэтому сторонники уступок ссылались на то, что если Венгрия откажется сделать какие бы то ни было уступки, она тем самым вызовет немедленное вооруженное нападение контрреволюции. В действительности же контрреволюция пока была не подготовлена к подобному вооруженному выступлению, и если бы пештские революционеры продолжали настаивать на своих чрезмерных требованиях, а государственное собрание, используя это обстоятельство, решительно отказалось даже от малейших уступок, то двору пришлось бы принять к сведению и это. Но напрасно ссылались противники уступок на то, что те уступки, на которые согласилось государственное собрание, роковым образом ослабляют государство. В действительности исход последующего вооруженного столкновения революции и контрреволюции (которое так или иначе должно было произойти) не очень-то зависел от того побочного обстоятельства, кто подпишет, перед тем как начнется вооруженная борьба, приказы, определявшие задачи венгерских войск, находившихся за пределами страны, — монарх или палатин.

Однако если с точки зрения непосредственных последст-

<sup>1</sup> Ираньи Д. (1822—1892) — активный участник революции 1848 года, публицист и политический деятель.

<sup>2</sup> Ириньи Й. (1822—1859) — политический деятель левого направления, писатель.

вий было совершенно неважно, какая точка зрения в конце концов одержит верх в дискуссии в комитатском собрании, то значение различия во мнениях, резко обозначившегося 1 апреля, никак нельзя недооценивать. И в частности, потому что существенное различие во мнениях, возникшее на этот раз в ходе дискуссии между противными сторонами, отнюдь не ограничивалось оценкой повседневных вопросов, а касалось и оценки будущего, перспектив революции. Так, из высказываний представителей мартовской молодежи, сгруппировавшихся на стороне либералов, явствовало, что они не только потому сразу стали поддерживать политику уступок, что разделяли опасения либералов о том, что, если Венгрия отклонит любые уступки, она тем самым сразу вызовет вооруженное наступление контрреволюции, а потому, что разделили только что появившуюся у либералов надежду, что если Венгрия сейчас пойдет на некоторые уступки, то этим навсегда устраним опасность контрреволюционных выступлений. В противоположность этому Петефи и в мыслях не имел цепляться за подобные надежды; наоборот, он был убежден в том, что "нет, революции не пришел конец", что то, что произошло до сих пор, "лишь первое действие", и что для Венгрии только после этого наступят самые тяжелые времена.

Таким образом, когда после окончания заседания 1 апреля Петефи вернулся домой и стал вспоминать, какие трескучие фразы пускал в ход в комитатском собрании Няри, говоря о необходимости "дорожить каждой каплей еще не пролитой крови граждан", он не мог удержаться от того, чтобы хотя бы в своем дневнике не ответить этому фразеру: "Кровь, быть может, и пролилась бы... А вы что же, без кровопролитий желаете переродиться? Дай-то бог, только ничего из этого не выйдет! Земле, чтобы она была плодородной и цветущей, не только дождь, но и кровь временами нужна, и ежели мы вовремя ее не напоим, то позднее она истомится от жажды и потребует вдвое". Петефи был далек от того, чтобы видеть вокруг себя политые кровью поля; он и теперь был тем же самым человеком, который следующими словами приветствовал революцию 15 марта в Пеште, сравнивая ее с прекрасным младенцем: "Ты прекрасен, прекрасней всех своих братьев у нас, ибо не в крови ты выкупался, как они; ты омыт чистыми слезами радости. И не холодные, окоченевшие трупы были подушками в твоей колыбели, а горячие, трепетные сердца". Петефи — не какой-нибудь "любитель", случайно примкнувший к революции, а истинный революционер, желавший видеть не только то, что приятно видеть; и поэтому он хорошо видел и то, что нет таких частных уступок, которые могли бы надолго удовлетворить Вену, и что последняя рано или поздно должна будет попытаться

ликвидировать основные завоевания венгерской революции, в том числе и те, против кодификации которых она пока не сочла нужным даже протестовать.

Однако сколь ни была велика в данный момент дистанция, отделявшая Петефи в оценке шансов на будущее в тот момент не только от либералов, но и от определенной части мартовской молодежи, он все же оказался вынужденным вложить в ножны свой клинок и достаточно долгое время не мог браться за оружие. Причем именно потому, что в отличие от тех и других он был уверен, что рано или поздно, но дело обязательно дойдет до всеобщего наступления контрреволюции. Сознание этого должно было побудить его ни за что на свете не углублять пропасть, которая разделяла его и его менее дальновидных сторонников по революции, а скорее постараться засыпать ее. Ибо если бы еще и часть мартовской молодежи отделилась от Петефи, то у него было бы еще меньше шансов, чем раньше, на то, чтобы его точка зрения была принята. А обострением расхождений он добился бы лишь подрыва лагеря революции, то есть лишь облегчил бы дело контрреволюции. Если же теперь он принудит самого себя к молчанию, то хотя это и сопряжено с риском, что внутри лагеря революции в течение какого-то времени и будет распространяться слепота в отношении замыслов контрреволюции, он тем самым создаст возможность, чтобы этот лагерь относительно единым встретил момент нападения контрреволюции. А если этот момент наступит не слишком скоро, то тогда тем более он может рассчитывать и на то, что за это время сами события пробудят во многих бдительность в отношении контрреволюционной опасности.

Поэтому начиная с сего момента Петефи был вынужден длительное время держать в ножнах свой клинок. И ему, по зову сердца бившему непрестанно в тревожный набат, наверное, было нестерпимо горько, что он должен все время себя сдерживать. Однако другого решения ему никак не удавалось найти. Поэтому он или сравнивал себя с "орлом, томимым в клетке", или писал следующее:

А я стою, коню подобен,  
Когда, разгорячен трубой,  
Он храпом, фырканием и ржаньем  
Хозяина торопит в бой<sup>1</sup>.

Но потом он вновь умирал себя, и, если снова представлялся случай, как, например, 5 апреля на митинге перед зданием Венгерского Национального музея, выступить перед

общественностью, он был последователен в своем нежелании его использовать.

И так он поступал не только в период после 1 апреля, но и на протяжении недель, следовавших за закрытием старого сословного государственного собрания и вступлением в свои права правительства Баттяни. Хотя те иллюзии, которые правительство питало к двору и о существовании которых могла дать все больше подтверждений и повседневная деятельность правительства, постепенно приводили в полное отчаяние этого человека, более, чем кто-либо, отождествлявшего свою судьбу с судьбой революции. Это отчаяние снова вложило ему перо в руку и водило его при написании "Песни о черно-красном знамени".

Враги на пороге. А мы наготове?

Что делают власти?

Им встать бы на стражу, но прячутся в башне:

Там дремлет всласть им!

Вот-вот хлынет кровь, разразится несчастье —

Так в черное с красным знамена окрасьте!<sup>1</sup>

Однако это свое стихотворение Петефи и не пытался опубликовать, а, написав, сразу же "похоронил" в ящике письменного стола; в печати же в это время только в дневниковых записях, опубликованных 1 мая, он выступил против политики правительства, хотя по сравнению с этим стихотворением в более умеренном тоне: "Если министерство верит в нацию, пусть выступит от ее имени с полной решимостью, а если не верит, то как же он посмело взять на себя руководство целой страной, на которую, по собственному убеждению, не может опереться. Но, — продолжает он далее и делает упор на следующие затем строки, — пусть министерство знает, что оно в такой же мере может надеяться на нас, в какой мы уверены в нем; мы его не предадим, не покинем трусливо, пока оно будет нести перед нами знамя счастья и славы нашей родины..."

Таковыми действиями Петефи удалось добиться того, что мартовская молодежь, наподобие либералов убаюкивавшая себя иллюзиями по отношению к Вене, полностью не отвернулась от него. Однако ценой этого успеха явилось то, что теперь от него начали отдаляться на другой стороне: его бывшие соратники, которые, так же как и он, освободились от подобных иллюзий и поэтому и сами со все большим возмущением отмечали в деятельности правительства (особенно в достижении самостоятельности в области военных дел)... проявлявшееся на каждом шагу бессилие; однако они были

<sup>1</sup> Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 314.

<sup>1</sup> Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 334.

уже недостаточно хладнокровны, чтобы заткнуть себе рот кляпом. Наоборот, они утверждали, что в данных условиях задачей левых должно стать именно "поддержание страстей в состоянии постоянного возбуждения". Тщетно Пал Вавшари<sup>1</sup>, во всем отождествлявший себя с Петефи, добивался решения о том, чтобы 8 мая наконец распахнулись двери Мартовского клуба, созданного для сплочения всей мартовской молодежи. Неудовлетворенные не присоединились к этому форуму, носившему партийный характер, они создали свою самостоятельную организацию под названием "Клуб демократии" и сразу же приступили к работе.

Так, 7, 8 и 9 мая прошли организованные по инициативе Клуба демократии "кошачьи концерты" с целью добиться увольнения посаженных во времена старого режима на высокие посты контрреволюционеров, которых правительство Баттjани также назначило на важные государственные должности. А 10 мая состоялась демонстрация против генерала от кавалерии барона Игнаца Ледерера; ее организаторы аналогичным образом хотели добиться удаления с поста главнокомандующего вооруженных сил в Венгрии этого до мозга костей реакционного вояки, который даже и не пытался скрывать, что он смотрит на венгерское правительство как на пустое место, хотя 31 марта государственным собранием было принято окончательное решение, а 11 апреля был издан утвержденный монархом закон, в соответствии с которым в Венгрии "впредь по всем военным делам его величество будет осуществлять исполнительную власть исключительно через венгерское министерство", Ледерер считал для себя обязательными приказы, поступавшие только из Вены. Демонстрация 10 мая закончилась "кровавой баней", которую учинили над толпой солдаты Ледерера.

Эта кровавая расправа явилась не только потрясающим событием, но и подлинной встряской, и поэтому под ее воздействием внезапно расширился круг критиков правительственной политики слева. Так, например, граф Ласло Телеки, представитель левого крыла либерального дворянства, узнав о попытках организовать контрреволюционные силы в Хорватии, уже в конце апреля потребовал от правительства "формирования венгерской армии, независимой от императорской армии и рекрутируемой из добровольцев на основе вербовки по всей стране", 10 мая, очевидно, обнаружив, что Венгрии угрожает опасность со стороны не только и не в первую очередь от Хорватии, на следующий день возобновили

уже не только это свое требование, но и сам выступил за увольнение Ледерера с занимаемой им должности, причем к нему сразу же присоединились и многие другие либеральные политики. А те представители мартовской молодежи, которые и раньше не боялись критиковать правительственную политику, если, может быть, и не одобряли "кошачьи концерты", организованные Клубом демократии, теперь пошли еще дальше. Например, Альберт Палфи<sup>1</sup> в своей газете "Пятнадцатое марта" прямо потребовал отставки правительства Баттjани, а также того, чтобы после ухода Баттjани формирование правительства было поручено тому самому Палу Няри, который еще 15 марта готов был сотрудничать с революционным левым крылом.

Но последнее слово от имени левой оппозиции все же сказал не Палфи, а Петефи. Ибо в свете событий, разыгравшихся 10 мая, и Петефи уже не мог больше удержаться, чтобы снова не схватиться за клинок. Вместе с Вавшари он объявил о созыве 12 мая митинга, на котором, забыв уже о всякой сдержанности, заявил правительству:

— Я не доверил бы этому министерству и собаку свою, не то что родину или себя.

Однако Петефи (не только не разделявший те иллюзии, которые питали Баттjани и его коллеги по отношению к Вене, но даже и те, которые Палфи связывал с личностью Няри, Петефи, переставший быть сдержанным, не утратил здравый смысл, а потому и не забывал об истинной расстановке сил) даже теперь не выдвигал в отличие от Палфи идею немедленной отставки правительства. Он только подчеркивал необходимость создания самостоятельной венгерской армии, поддерживая в этом Телеки, и, помимо этого, настаивал на том, чтобы как можно скорее созвать государственное собрание народного представительства (чтобы затем этот орган осуществлял в духе парламентаризма постоянный и строгий контроль за деятельностью правительства).

Однако Баттjани и его сторонники, считавшие преобразование Венгрии осуществимым только в случае благожелательного сотрудничества с двором и изо всех сил цеплявшиеся поэтому за свои иллюзии по отношению к Вене, тоже, разумеется, не могли простить Петефи это его выступление, а удовлетворить его требования они вначале решительно отказались. Правда, под влиянием назревавших в Хорватии и в южной части Венгрии антивенгерских национальных движе-

<sup>1</sup> Вавшари П. (1827–1849) — сторонник Петефи, представитель левого крыла мартовской молодежи, активный участник национально-освободительной борьбы 1848–1849 годов.

<sup>1</sup> Палфи А. (1820–1897) — друг и соратник Петефи, писатель и политический деятель левого крыла; редактор газеты мартовской молодежи "Пятнадцатое марта".

ний вскоре они и сами вынуждены были прийти к более разумному выводу, и вот через несколько дней все же началась организация первых гонведских батальонов и был объявлен созыв государственного собрания. Однако понять, что за национальными движениями все же в конечном итоге стоит двор, Баттяни и его приверженцы и теперь не смогли. И поэтому (пойдя все-таки по намеченному Шандором Петефи пути) они по-прежнему считали его тяжким преступлением то, что он осмелился критиковать самые основы политики правительства. Так, в порыве первого возмущения Баттяни заявил, что правительство ввело осадное положение в связи с "возбуждающими речами и выступлениями в печати". Правда, более хладнокровные товарищи-министры сумели отговорить Баттяни от этого намерения, в случае осуществления которого Петефи по милости Баттяни легко мог бы кончить свою жизнь так, как кончил Баттяни по милости тех, с которыми объединился он против Петефи. Впрочем, против того, чтобы заставить замолчать Петефи, хотя и другими средствами, уже не возражали и более хладнокровные члены правительства.

После таких предпосылок в один прекрасный майский вечер в пештском кафе "Пилвакс", излюбленном месте собраний мартовской молодежи, появился некто из комитата Шомодь, посланный начальником полицейского отдела министерства внутренних дел (на словах, правда, очень радикальным) Мором Перцелом в сопровождении "нескольких добрых патриотов", который под "решительное одобрение" своих спутников заявил, что тот (как, скажем, Палфи, а тем паче Петефи), кто осмелится сказать что-то плохое о правительстве, "заслуживает наказания" как обычный "изменник родины".

Вскоре пришли в движение также тысячи дворян и мещан Венгрии независимо от того, либеральных или консервативных взглядов они придерживались. Все они в одинаково подобострастных выражениях заверяли правительство, что готовы следовать за ним до конца, если оно решится разделиться с единственным врагом родины — с революционным левым крылом.

И все это принесло свои плоды. Когда началась травля Петефи, он заявил: "Если я уж так грешен, то, ей-богу, я скорее заслужил плаху, нежели то, чтобы всякая мразь, нищие духом типы упражняли на мне свои грязные языки, которыми до сих пор они пользовались только для того, чтобы лизать, как виляющие хвостами покорные псы, все милостивейшие подошвы господствующего тирана". Ведь "если при таких отчаянных обстоятельствах я, не выбирая выражений, заявляю, что не верю министерству, то ставить

это мне в вину могут только те, кто не знает, что такое любовь к родине". Но затем, когда "каждый проходящий мимо считал своим патриотическим долгом бросить камень" в него, он все же пришел к пониманию того, что значительное большинство народа пока еще неясно представляло себе размер грозящей стране контрреволюционной опасности и именно в силу этого не смогло понять и всю неудовлетворительность правительственной политики. И в конце концов у Петефи не оставалось иного выбора, кроме как в газетной статье в целях самооправдания заявить, что тот, "кто предупреждает республику от грозящей ей опасности, не может быть ее врагом". И после этого Петефи снова, уже во второй раз, поспешно вложил клинок в ножны.

Однако Петефи и тогда еще не отдалился от политической жизни в такой степени, в какой он это сделал в апреле. И главнейшая причина этого наверняка кроется в том, что развитие событий 10 мая и после 10 мая в какой-то степени вновь сблизило отдалившиеся было друг от друга группы мартовской молодежи. Даже круг левых критиков правительства, после того как Телеки со своими сторонниками ушел в оппозицию, несколько расширился. Эти изменения могли укрепить в Петефи его убеждение, которое наложило свой отпечаток уже на его речь 12 мая, когда он заявил, что новое государственное собрание, избираемое на основе народного представительства, будет явно левым по составу и поэтому сумеет оказать благоприятное влияние на дальнейшее формирование правительственной политики. Но это убеждение, естественно, должно было заставить его (как только правительство объявит наконец о проведении выборов в государственное собрание) самого включиться в предвыборную борьбу.

Когда же Петефи не удалось получить депутатского мандата и выяснилось, что его ожидания оказались беспочвенными и в других вопросах и что в законодательном органе правительству не только не придется столкнуться со значительной оппозицией, а, наоборот, его будет поддерживать подавляющее большинство, это новое разочарование лишь стимулировало Петефи к более активной деятельности. Еще не успело открыться государственное собрание, а он 2 июля уже образовал вместе с Вашвари Демократический клуб, целью которого — как об этом можно догадываться и по его названию, взятому от Клуба демократии, — было объединить в одной организации всю мартовскую молодежь, как и тех, кто вместе с ним стал в мае членом Мартовского клуба, так и тех, кто встал тогда на другой путь и присоединился к Клубу демократии. А спустя несколько недель, когда стало очевидным, что другой клуб левого толка, организованный с

согласия Михая Танчича<sup>1</sup> братьями Мадарас под названием "Общество равенства" и объединивший в первую очередь радикальных дворянских политиков, вошедших в государственное собрание, делал возможным еще более широкую смычку левых сил, Петефи сам, подобно большинству мартовской молодежи, вступил в него, чтобы больше ничто уже не разделяло отдельные группы левой оппозиции правительству, чтобы и впредь можно было действовать едино и тем самым компенсировать численное превосходство тех, кто отошел от них и примкнул к правому крылу.

И все же и в этот период Петефи постоянно испытывал разочарования. Правда, палата депутатов 11 июля с невиданным энтузиазмом единодушно уполномочила правительство провести набор 200 тыс. новобранцев, и это событие на миг внушило веру поэту в то, что

Венгерец вновь венгерцем стал,  
Героем стал на поле брани,  
И мир, великий мир, глядит  
На чудеса в венгерском стане<sup>2</sup>.

Но затем скорее Петефи мог увидеть чудеса и совсем противоположного свойства. Ведь 22 июля палата депутатов громадным большинством уполномочила правительство и на то, чтобы первую партию новобранцев оно послало в Северную Италию в помощь дислоцированным там императорским войскам, хотя они с самого начала вели в долине реки По контрреволюционную по своим целям войну против ломбардских и венецианских борцов за свободу, которые могли бы стать естественными союзниками венгерской революции. Одновременно с этим вышел из печати и законопроект военного министра Лазара Месароша, который исключал всякие сомнения и относительно того, что правительство намерено использовать новобранцев уже не для формирования новых гонведских батальонов, а частично для увеличения венгерских полков императорской армии, укомплектованных пока по штатам мирного времени, до численности, предусмотренной штатами военного времени, а частично для формирования регулярных полков, которые должны будут влиться затем в императорскую армию.

Правда, это показалось "перебором" уже и значитель-

ной части либеральных депутатов, что, очевидно, было связано с тем, что к тому времени, когда законопроект поступил в последнюю неделю июля в палату депутатов, императорские войска после четырех месяцев тяжелой борьбы в конце концов одержали решительную победу в Ломбардии. Таким образом, комитет палаты депутатов, призванный подготовить обсуждение в государственном собрании законопроекта, в ходе предварительных переговоров принял решение поддерживать проект Месароша, снабдив его, правда, многочисленными поправками. Но как ни расширилась теперь группа либеральных депутатов, внезапно испугавшаяся и потому сразу начавшая "леветь", она была еще не готова во всем противопоставить свое мнение мнению правительства, и в соответствии с этим большинство при окончательной разработке представления комитета (а затем и на пленарном заседании палаты депутатов) склонилось к тому, что большая часть развертываемых новых военных формирований действительно должна стать гонведскими батальонами; однако это большинство пока не высказалось и против пополнения новобранцами уже существовавших венгерских регулярных полков императорской армии.

Итак, если Петефи после проведения выборов, может быть, и возлагал еще какие-то надежды на будущую деятельность государственного собрания и если решение палаты депутатов от 11 июля по вопросу набора новобранцев, возможно, как-то и подкрепило его ожидания, то теперь он уже раз и навсегда смог освободиться от своих иллюзий. Ибо, видя отдаление большинства либеральных депутатов от правительства, Петефи с удовлетворением констатировал, что "уже раскрываются глаза тех счастливых мечтателей, которые не только доверяли министерству, но и утверждали, что лишь оно может спасти родину", однако масштабами начавшегося в либеральных политиках брожения он не мог быть доволен. Ведь большинство хотя и зашевелилось, но лишь еле-еле, "будто неприятель где-то еще за Гангом и только сейчас наводит через него мост". Хотя в действительности опасность была уже непосредственно близка и если для ее отражения не будут приняты очень быстро и весьма решительные меры, то, как писал Петефи, "мы погибнем, и так позорно, как не погибала еще ни одна нация".

Так к этому времени Петефи все больше убеждался, что хотя глаза "несчастных министропоклонников" только еще продолжают раскрываться, однако по-настоящему они все еще не прозрели, и поскольку не находится никого, кто раскрыл бы им глаза, то снова ему самому приходится брать на себя инициативу — даже если результатом этого вновь будет его травля наподобие той, которая началась после 12

<sup>1</sup> Танчич М. (1799—1884) — один из руководителей венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848—1849 годов. Представитель радикального крыла, писатель.

<sup>2</sup> Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 358.

мая. Хотя возможно, что в начале августа Петефи не очень-то и опасался повторения такой травли. И вполне вероятно именно потому, что если глаза "министропоклонников" до сих пор полностью еще не раскрылись, то теперь по крайней мере начнут раскрываться, как об этом свидетельствовало, помимо принятия в государственном собрании законопроекта о наборе новобранцев, и то обстоятельство, что в либеральных кругах уже все больше стало насчитываться тех, кто если не признавал, что в мае "Петефи был абсолютно прав", то по крайней мере стал наконец признавать хотя бы то, что в те дни "не совсем был не прав Петефи".

Однако, несмотря на это, Петефи все же не мог предугадать, какой отзвук, благоприятный или неблагоприятный, вызовет среди общественности его новое выступление. Но коль скоро он чувствовал, что начало нового нападения контрреволюции на Венгрию в лучшем случае вопрос только нескольких недель, то непредсказуемый характер ожидаемого отклика уже не мог его удерживать, тем более что он признавал только один принцип: "Чем обвинять себя в трусости, я предпочитаю и впредь оставаться жертвой своих смело и беспощадно высказанных убеждений. Я хочу жить в ладу с самим собой, а не со всем миром!"

Итак, 11 августа, когда Венгрию действительно всего один месяц отделял уже от наступления контрреволюции, Петефи на страницах газеты "Пятнадцатое марта" снова выступил перед общественностью и на этот раз обрушился уже не только на правительство, но одновременно и на правительство и на государственное собрание, к тому же с беспримерным до этого ожесточением:

"Много раз за эту тысячу лет венгерской нации приходилось дьявольски туго, но не думаю, чтобы когда-нибудь существовало более гнусное положение, чем сейчас.

... Мы освободились из-под власти Меттерниха и его клики и получили взамен министерство Баттани. Поистине можно сказать: "На собаке шерсть сменялась". Те старались погубить нас своими делами, эти погубят бездельем".

А государственное собрание? "Их, этих людей, избирает пробудившаяся, восторженная, мечтающая о действии и готовая действовать нация, а они бормочут что-то, мычат, как беспомощные калеки... Мы, конечно, опомнимся, но только тогда, когда увидим, что попали не между двух, а между четырех огней и что у нас воды достанет, разве только чтобы затушить горящую спичку.

...Страдали мы тысячу лет, потом исходили, плакали кровавыми слезами, с горечью брели сквозь долгую ночь средневековья, — и все для того, чтобы, когда уже наконец рассвело, мы, усталые, потеряли сознание и рухнули на пол-

пути и чтобы первые лучи зари, взошедшей над Венгрией, обвелись смертным венком вокруг головы нашей родины.

...Печально, печально! И это будет так, если нация не поднимется как можно скорей и не выхватит из рук депутатов и правительства ту власть, которую так доверчиво отдала им и которою они не умеют пользоваться, а если и пользуются, то чтобы творить произвол".

Затем в следующие дни уже и в стихах, а также в письмах, обращенных к друзьям, он снова и снова повторял, что "никогда" еще не существовало государственного собрания и министерства более беспомощных и жалких, чем наши", и что, следовательно, "самый главный враг — среди нас", что "самые отвязленные враги нашей свободы и будущего величия находятся здесь, в Пеште", что "печальные нынче пришли времена — отцами ты брошена, наша страна". И после этого ничего не может быть более понятного, как "для начала истребить бы министров и государственное собрание".

Иначе говоря, Петефи, который раньше и не думал об отстранении правительства Баттани, не поднял этого вопроса и на памятном митинге 12 мая; что же касается государственного собрания, то он даже торопил с его созывом (ибо в то время еще надеялся, что, как бы Баттани и его приверженцы ни цеплялись за свой ошибочно намеченный путь, на который они вступили в апреле, государственное собрание способно со временем направить их по другому пути), теперь уже, — тем более что либеральное большинство государственного собрания за это время многократно разочаровывало его в его ожиданиях, — даже не заикался больше о том, чтобы потребовать от правительства проведения более энергичной политики, и о том, что надо было бы сменить существовавшее правительство другим, парламентарным правительством, а выступал с лозунгом одновременного низвержения уже и правительства и государственного собрания. И это его выступление ни больше, ни меньше как призыв к установлению революционной диктатуры.

И оно имело свои последствия. Так, например, Акош Бираньи, еще в начале апреля считавший в отличие от Петефи, что если Венгрия удовлетворится достигнутыми до сего времени революцией результатами, то, пожалуй, она сможет сохранить их и без развязывания гражданской войны, — теперь на общем собрании "Общества равенства", созванном 15 августа, уже в значительной мере отражая мнение Петефи, заявил, что после победы императорских войск в Италии "дремлющему венскому абсолютизму достаточно легкого благоприятного ветерка и нам снова уготована участь стонать под его ярмом еще триста лет". И никто из членов общества на этом собрании уже не усомнился в справедливости этого

предостережения. Когда же в следующие дни и на пленарном заседании палаты депутатов шли прения по законопроекту о выставлении контингента новобранцев и большинство одобрило предложение только часть новобранцев использовать для формирования новых гонведских батальонов, радикалы единодушно высказались за необходимость немедленного изменения принятого решения, и именно в том духе, в каком предложил на чрезвычайном заседании "Общества равенства" Вашвари, поддержавший инициативу Петефи, противопоставить само "общественное мнение нации" большинству государственного собрания.

Однако если на основе прозвучавших на общем собрании "Общества равенства" высказываний некоторые либералы тут же осмелились сделать вывод о том, что радикалы теперь все как один поддерживают лозунг Петефи о введении революционной диктатуры, то очевидно, что они сильно преувеличивали. В действительности же на этом собрании даже и не всплыла идея ликвидации строя парламентарного управления (даже у Вашвари), и участники дискуссии в конечном итоге, как раз наоборот, пришли к заключению, что нужно мобилизовать на демонстрацию народные массы и таким путем "выжать" из государственного собрания изменение закона о выставлении новобранцев, а именно, чтобы все 200 тыс. новобранцев влились в венгерские соединения, составив основу национальной армии. И правда, если не в тот момент, то позднее, в начале сентября, уже стало ясно (в том числе и для того же Вашвари), что близившееся нападение контрреволюции со всей очевидностью могло бы отразить лишь правительство, созданное на принципах революционной диктатуры. Однако в бой за установление революционной диктатуры радикалы не пошли и тогда, когда 10 сентября вдруг снова пришли в движение народные массы Пешта, узнавшие о поступающих из Вены плохих известиях. А ведь Петефи в этот день с открытой душой обратился ко всем радикалам:

Час настал. Мы всем народом  
Доказать должны на деле —  
Или жизнь мы заслужили,  
Иль для смерти мы созрели<sup>1</sup>.

Однако 10 сентября радикалы все, как один, осознали не только то, что страна подошла к последнему рубежу выбора, но и то, что, хотя за ними вновь пошли такие большие массы, которые лишь однажды, в незабываемый день 15

марта, оказали им свое доверие, тем не менее они даже приблизительно еще не располагали столь большим лагерьем, который позволил хотя бы сделать попытку действительно установить революционную диктатуру.

Таким образом, несмотря на ужесточение в начале сентября политики, проводимой радикалами, у государственного собрания и после этого остались еще неограниченные возможности, чтобы в конце концов самому привести в порядок то, что было упущено в августе. И сейчас "отцы отчества" не замедлили воспользоваться этой возможностью: 11 сентября, когда войска контрреволюции действительно вторглись в Венгрию, а правительство Баттяни ушло в отставку, признав тем самым постфактум ошибочность своего политического курса, палата депутатов в одном из своих решений, принятых под воздействием последних событий, прямо заявила (во изменение своего же предыдущего решения), что набираемые новобранцы, все без исключения, должны быть использованы для формирования гонведских батальонов. Это решение вызвало вздох облегчения даже у тех радикалов, у которых в последние недели стало чуть ли не идефиксом опасение, что либеральные руководящие круги революции оставят страну незащищенной перед натиском контрреволюции. Ведь происшедшее в зале заседаний палаты депутатов 11 сентября наглядно свидетельствовало о том, что основная масса либерального дворянства также не склонна отказываться без борьбы от всех завоеваний революции и что, следовательно, допущенные до сего времени либералами промахи проистекают отнюдь не из их безразличия к делу революции, а скорее из их слепоты по отношению к контрреволюции, и, значит, теперь, когда угроза контрреволюции стала реальным фактом, можно уже не опасаться повторения впредь подобных промахов.

И после всего этого идея революционной диктатуры еще больше стала отходить на задний план; начиная с 11 сентября, видя "прекрасные, блестящие боевые доспехи", в которые облачилось государственное собрание в этот день, даже Петефи не выступил больше за устранение либерального дворянства от власти. С этого момента и все его старания были направлены в полном согласии с остальными радикалами лишь к одному: чтобы преемником правительства Баттяни стало такое же твердое, но снова созданное самим государственным собранием правительство, в котором, помимо либеральных политиков, заняли бы место и радикалы. В создавшихся условиях, когда всколыхнувшиеся 10 сентября народные массы еще в течение нескольких недель стояли за Петефи и его приверженцев и когда и сами либералы, осознавшие необходимость оборонительной войны,

<sup>1</sup> Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 386.

оказались вынужденными признать справедливость как сделанных им ранее со стороны левого крыла предостережений, так и необходимость отныне сотрудничать с левыми. Это уже можно было попытаться осуществить. Так что 8 октября вступило в свои права в лице государственного Комитета обороны новое правительство, основанное на союзе либералов и радикалов, которое затем если и не смогло обеспечить окончательную победу революции, то превращением всей страны в единый боевой лагерь по крайней мере оказалось в состоянии достичь того, чтобы даже победившая в конце концов контрреволюция не посмела уничтожить многие основные завоевания революции. Более левого по сравнению с этим правительства реально и не могло быть создано в Венгрии в 1848 году.

И вот осенью 1848 года, после стольких неудач, и Петефи мог еще насладиться сознанием успеха. Однако этот новый успех именно потому, что более левого, чем Комитет обороны, правительства не могло быть создано в Венгрии в 1848 году, сразу же лишил его возможности какого-либо политического успеха в дальнейшем. Правда, теперь уже и новые политические неудачи тоже не угрожали величайшему венгерскому революционеру 1848 года. Ибо (словно он сам почувствовал, что на полях политических сражений ему больше не за что бороться) то оружие, которое Петефи взял в руки 15 марта, он сменил на клинок офицера армии гонимых вскоре же после вступления в свои права Комитета обороны. И тем самым этот человек, столь необходимый до сего времени венгерской политике, а теперь уже ставший лишним для нее, вступил на такой путь, идя по которому он уже был избавлен от опасности политической смерти.

# **Дьердь Шпира**

## **ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ**

**К истории политической деятельности  
И.Сечени, Л.Баттяни, Л.Кошута и Ш.Петефи**

Перевод с венгерского *О.В.Громова*  
Вступит/ статья и редакция д.ист.н. *Т.М.Исламова*  
М.: Прогресс. 1986

**Вступительная статья  
К советскому читателю (от автора)  
Трагический путь Иштвана Сеченьи  
Лайош Баттяни  
Клинок Шандора Петефи  
Лайош Кошут и потомки**

Веб-публикация: *Belle Garde*  
и редакторы библиотеки *Vive Liberta*  
и Век Просвещения, 2010.  
Текст подготовлен в виде скана (pdf), по главам

Тематические ссылки:

*Р.Авербух.*

Революция и национально-освободительная война  
в Венгрии в 1848-49 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94667612.htm>

(ссылки на скачивание текста книги, иллюстрации,  
дополнения)

«Весна народов»: европейские революции 1848 года  
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

# **ЛАЙОШ КОШУТ и ПОТОМКИ**

О Кошуте еще при его жизни часто можно было услышать диаметрально противоположные, но в равной степени крайне односторонние мнения. Однако и после его смерти положение почти не изменилось: истинный образ Кошута в значительной мере все еще заслоняется его портретами, часть которых написана позолотой, а часть — самой черной краской. Первые принадлежат кисти его почитателей, вторые — его ненавистников. Некоторые, например, и сегодня считают, что Венгрия в XIX веке под руководством Кошута могла бы превратиться в независимую, сильную и демократическую страну, сохранившую средневековые границы, и наверняка Венгрия стала бы такой, если бы намерения Кошута не потерпели фиаско из-за препятствий случайного характера: вначале (в 1849 году) из-за сплочения европейских держав против венгерской революции, а позднее (в 1876 году) — из-за внезапного поворота в поведении его соратников. Другие же, как раз наоборот, даже и теперь видят в Кошуте великого зодчего воздушных замков, который в 1848 году безответственно увлек венгерский народ на путь испытаний, заранее обреченных на неудачу, нанеся тем самым неизмеримый вред своей отчизне. Правда, в одной точке пути проповедников этих в общем непримиримых между собой теорий пересекаются, а именно: они равным образом — как бы ни были противоположны их исходные позиции — сходятся на том, что жизнь Кошута, в общем, прошла безрезультатно, ибо в конечном счете — на словах, конечно, и утверждается обратное — ничего другого не вычитать из жизнеописаний Кошута, написанных его восторженными почитателями. Впрочем, он сам понял, что из всей борьбы, которую он вел в течение многих десятилетий, всего лишь один след останется в истории: "упразднение крепостничества, освобождение тех, кто обрабатывает землю" — единственное мартовское завоевание, "к которому власти даже в период тирании<sup>1</sup> не осмелились прикоснуться". Однако этого единственного достижения недостаточно для того, чтобы уберечь его "от горького чувства утраты цели в жизни". Чтобы считать достоверным любой из одноцветных портретов Кошута, созданных представителями крайних взглядов, недостаточно даже исключительного их совпадения в одном-единственном случае.

Верно, что планы Кошута не осуществились во всей их совокупности. Но неверно то, что лишь ничтожная часть этих

<sup>1</sup> Имеется в виду так называемая "баховская эра", период господства режима неоабсолютизма в 1849–1859 годах.

планов увенчалась успехом. Следовательно, неправильно утверждать, что априори стремления Кошута в значительной мере были невыполнимы. С другой стороны, неверно считать, что все эти устремления имели под собой реальную почву и что те из них, которые не осуществились, не осуществились просто из-за случайного стечения неблагоприятных обстоятельств. Если мы хотим в этом убедиться, то нам следует рассмотреть оставшиеся и до нашего времени наиболее спорными некоторые моменты жизни Кошута.

В то, что Кошут когда-нибудь станет передовым борцом революции, в начале его деятельности наверняка никто, даже он сам, никогда бы не поверил. Разумеется, и его, двадцатилетнего юношу, как и других его сверстников, серьезно интересовали события и уроки Великой французской революции, однако во Французской революции он видел не воплощение "второго спасителя человечества — свободу" (как двумя десятилетиями позднее сказал Петефи, будучи в том же возрасте), а серию "ужасных", чудовищных событий.

Подобных взглядов Кошут твердо придерживался и в последующие годы: даже через пятнадцать лет, всего лишь за несколько месяцев до фактического начала революции 1848 года, он, оценивая возможности венгерской революции, решительно подчеркивал, что революция — это "такое оружие... к которому можно прибегнуть лишь с отчаяния", "потому что... за светлым днем революции следует зачастую долгая ночь рабства". И это Кошут писал не с целью завуалировать свои мысли, не для того, чтобы скрыть свои истинные намерения от более умеренных, чем он, а потому, что он именно так и думал. Это должным образом могут подтвердить и его заявления, сделанные им позднее, во второй половине жизни. После окончания революции он, конечно, уже признавал, что "бывают случаи", когда "тот или иной народ вынужден прибегнуть к революции", но вновь и вновь подчеркивал и то, что "большое несчастье", если не представляется возможным найти другой выход, так как революции, "даже когда бывают необходимы", "всегда являют собой болезненные кризисы", поэтому революция может быть лишь ultima ratio [последний, решающий довод] народов; следовательно, прежде, чем где-либо прибегнуть к этому последнему средству, заранее "следует исчерпать все возможности, испробовать все, дабы ее избежать".

Лишь обладая исключительным даром предвидения, можно было сказать о молодом Кошуте, что он когда-либо встанет во главе революции, точно так же в самом начале его карьеры вряд ли кто мог предсказать, что самым крупным

преобразующим общество деянием революции, осуществленной под его руководством, станет освобождение крепостных. Кошут еще в конце 20-х годов обратил внимание на то, что "крестьянин не знает, не чувствует, не верит... в справедливость работ, которые он привык выполнять для помещика, он смотрит на них как на несправедливое рабское ярмо". В то же время, подобно самым закоренелым приверженцам феодального строя, он и сам признавал, что крестьянин ошибается, если так думает, и поэтому следует только рассеять его заблуждения. "Следует просветить венгерских земледельцев... — писал он, — чтобы они не смотрели на дворянина-помещика как на притеснителя их прав... а чтобы они учились... уважать, любить помещика, как ангела-хранителя своей жизни и бытия", и подобного рода просвещение развяжет узел противоречий, потому что после этого крепостной уже "будет взирать на помещика с полным доверием".

А то, что недовольство крестьян было вызвано не несправедливостью народа, а весьма реальными причинами, этого Кошут даже тогда не понял, когда — далеко не воображаемые — нищета и эксплуатация вынудили массы крепостных крестьян из северных областей страны в 1831 году подняться на крестьянское восстание, которое по своему размаху и ожесточенности можно сравнить лишь с крестьянским восстанием 1514 года, и волны восстания захватили и его родные места, комитат Зеплен. Ведь и он вместе с другими дворянами называл взявшихся за косы крепостных просто "грабителями и бунтовщиками", ведь и он объявил, что восстание — "мятеж, заблуждение, грех, и это не самые сильные слова, чтобы заклеить содеянное".

Однако в глубокое заблуждение впал бы тот, кто удовольствовался бы анализом поверхностных явлений и на основании этих резких слов сделал вывод, что Кошут еще в 1831 году относился к числу фанатичных приверженцев крепостной системы. Ибо Кошут, видя разрушения, сопутствовавшие восстанию, беспощадно осуждал крестьян, вступивших в борьбу с помещиками, но осуждал лишь потому, что они пытались изменить свое положение насильственными средствами. Однако в то время он уже сам видел (и именно тогда окончательно пришел к пониманию этого), что каким-то образом все же необходимо изменить положение крестьянства. Об этом свидетельствуют и записи Кошута, в которых отражена его напряженная умственная работа в тот период. Как свидетельствуют эти записи, в последующие месяцы основным вопросом, над которым он раздумывал — каким бы мучительным и немаловажным ни был этот вопрос для него, благородного барина, — стал вопрос о том, удовлетворяет ли общество "такое устройство, которое основано на приви-

легиях класса, представляющего небольшую часть народа". И насколько честно Кошут ставил этот вопрос, настолько честно он сам и отвечал на него: "Возможно, что свободы, которыми мы, венгры похваляемся, по-видимому, находятся в противоречии со свободой, потому что свобода единая и общая для всех, у нее нет множественного числа... возможно, что там, где для одних существуют привилегии и привилегии, там для других — рабство и ограничения". А из этого признания тотчас же вытекал единственно правильный для последовательно мыслящего и честного человека вывод: „... Можно ли в XIX веке без предубеждения утверждать, что в таком общественном устройстве, которое из 10 млн. населения лишь 600 тыс. называет нацией... что в таком устройстве — при извечной неприкосновенности права собственности и при соблюдении древних традиций — ничего не нужно улучшить, изменить?"

Однако тот путь мышления, на который Кошут тогда вступил, все еще не был пройден им до конца. В предшествующие годы он искал такое решение, которое обеспечило бы подъем народа без ущемления феодального права помещиков на собственность. Но только в реальной жизни такого решения он найти не смог. И он и сам вскоре осознал это. А этого оказалось достаточно для того, чтобы без промедлений сделать еще один значительный шаг вперед, признав, что если возникают такие вопросы, „как вокруг барщины, десятины, надела, которые каким-либо образом затрагивают собственность", то в таком случае все же необходимо пойти и на некоторые ограничения помещичьего права собственности. Ибо "государство вправе ради общего блага не лишать собственности отдельных лиц, а произвести обмен за достойное вознаграждение или же установить такой способ пользования собственностью, который не мешал бы промыслу, преуспеянию других наших ближних". В конце концов "даже самое прекрасное поле перекраивают, если того требует строительство дорог", и "разве не заслуживает равного с дорогой внимания гражданское существование наиболее полезного, наиболее многочисленного, наиболее бедного, наиболее обремененного тяготами, достойного самого глубокого уважения класса общества?" Человек, ушедший в течение нескольких месяцев так далеко вперед, своим современникам, ничего не желавшим слышать об изменениях, конечно, легко мог показаться человеком, который, хотя и обещал беспрестанно служить интересам дворянства, уже тогда в глубине души совершенно не считался с этими интересами.

На самом деле, однако, Кошут, придя к выводу о необходимости улучшения жизни крестьянства, не отрицал свою

принадлежность к дворянству. Напротив, если что-то и привело его к мысли о необходимости предпринять шаги на благо народа, то это был как раз поиск блага для дворянства, таковым в первую очередь явилось осознание того, что если восстание 1831 года и было в конце концов потоплено в крови, то от этого вовсе не стало меньше недовольство крестьянских масс, и поэтому, чтобы дворянству не пришлось больше противостоять подобным взрывам народного гнева, необходимо устранить и причины, породившие крестьянское недовольство. Сеченьи, признанный самим Кошутом — вопреки мнению некоторых современных исследователей жизни Кошута — с самого начала и до конца, даже и в период их более поздних ожесточенных споров, крупнейшим своим предшественником, так сформулировал в то время эту мысль: "Следует погасить не только пламя, но и с корнем вырвать то, что может гореть".

Однако Кошут уже тогда стремился не только к простому устранению возможного взрыва народного гнева в интересах дворянства, но и разделял взгляды Сеченьи относительно того, что ликвидация крепостных отношений вообще пошла бы на пользу классу помещиков, ибо принуждаемые к тяжелому труду крепостные хотя и бесплатно обрабатывали землю в поместьях своих господ, но обрабатывали ее плохо, и поэтому собственные материальные интересы требовали от крупных землевладельцев задуматься над вопросом, поставленным в "Кредите" Сеченьи: "...Признайтесь, если бы мы были крестьянами, трудились ли бы мы с таким же усердием, не покладая рук на барщине, как... если бы мы выполняли нашу работу за деньги?.."

И наконец, Кошут не мог глубоко не осознать того, что его натолкнули уже не Сеченьи, а Ференц Кельчеи<sup>1</sup> и барон Миклош Вешшелени, что Венгрия и с нею венгерское дворянство страдают от тяжелого отставания, так как Габсбурги последовательно подчиняют их интересы общим имперским, во многих отношениях не совпадающим с интересами Венгрии, и в таких обстоятельствах венгерское дворянство, как уже многократно подтверждалось, оказалось неспособным изменить что-либо, так как оно не располагало необходимой силой для осуществления назревших перемен. Следовательно, дворянству для того, чтобы получить когда-либо возможность направлять судьбы страны, следовало серьезно укрепить свои позиции, а возможность для этого могла представиться лишь

<sup>1</sup> Кельчеи Ф. (1790 — 1838) — известный венгерский поэт эпохи реформ, автор текста национального гимна, прогрессивный политический деятель.

в одном случае: если допустить народ под защиту конституции. Из этого следовало, что "если... всему венгерскому народу дать возможность пользоваться свободой венгерского дворянства, то тем самым положение дворянства не только не будет поколеблено, а, наоборот укрепится, ведь... если теперь лишь 600 тыс. человек охраняют существующий общественный строй... то тогда его охраняли бы 10 млн. человек и на политических весах Европы вес объединившейся венгерской нации был бы в шестнадцать раз больше, чем ныне."

Одним словом, когда у Кошута созрела программа ликвидации крепостнических отношений, введения равенства перед законом, то есть программа замены в Венгрии феодального строя буржуазным общественным строем, и он стал ее широко провозглашать, то им руководило намерение не поколебать ведущую роль дворянства в венгерском обществе, а, наоборот, укрепить ее. Он и сам неоднократно подчеркивал это, излагая свою точку зрения в полемических статьях, написанных непосредственно в канун революции 1848 года.

"... Перед моим духовным взором будущее моей нации возникает не в виде картины, где дворянство отсутствует, а в таком виде, где дворянство объединено с народом единой свободой, где оно будто верный первенец среди братьев, вождь семьи, прочный краеугольный камень дома, одним словом, передо мною возникает образ моей отчизны, в которой значительное влияние дворянства, не требующего особого положения, но обладающего моральной силой и историческим весом, образует ту завязь сплоченности, из которой будет развиваться плод общественной свободы".

Еще и поныне встречаются люди, которые считают, будто приведенные слова Кошута не отражают его собственных глубочайших убеждений, а лишь продиктованы обстоятельствами, заставившими его написать именно так. Подобная точка зрения порождена беспокойством, как бы на имя Кошута не пало пятно, если обнаружится, что он не мог и даже не хотел порвать с дворянством, из среды которого вышел. Однако в поисках путей, ведущих к буржуазным преобразованиям и вообще открывавшимся перед Венгрией XIX века, народ страны в условиях венгерского общества, еще не имевшего к тому времени зрелой буржуазии, и руководствуясь не только убеждениями Кошута, но и действительностью, смог именно под руководством дворянства выбрать путь, сравнительно более широкий и прямой. И осуществление программы Кошута, касавшейся буржуазных преобразований не только в его представлениях, но и в действительности, отвечало интересам дворянства.

Правда, не всего дворянства. Например, подавляющее большинство магнатов, владевших безграничными лати-

фундиями и пользовавшихся неизменной поддержкой со стороны Габсбургов, — хотя и само было вынуждено вести собственное помещичье хозяйство в значительной части на основе использования крепостного труда с низкой производительностью — в повседневной жизни весьма мало ощущало материальный ущерб. Ведь, каким бы малым ни был средний доход с хольда земли, общий доход магнатов складывался из дохода, получаемого от тысяч и тысяч хольдов земли, находившихся в их владении; поэтому они едва ли могли бы справиться с заменой крепостного труда (барщины) наемным; доходов с их владений хватило бы на обеспечение лишь части необходимого для покрытия расходов огромного капитала. Вот почему они не только не считали неприемлемой программу Кошута, но и не намеревались мириться с требованиями Сечени, даже не помышлявшего об ослаблении имперских уз, однако тоже считавшего ликвидацию крепостных отношений жизненно важной. Основная масса среднепоместных и мелкопоместных дворян, даже и привилегированных, напротив, уже при подсчете своих ежедневных расходов убеждалась, на какое жалкое прозябание они обречены из-за феодальных отношений. Поэтому они легко могли стать приверженцами такой политики, которая привлекала тем, что в случае успеха покончила бы с подчиненным положением страны, а управление страной передала бы в руки дворянства. Тем самым она позволила бы Венгрии, в том числе дворянству, проводить экономическую политику, освобождавшуюся от застоя.

Вот почему Сечени, провозгласившему программу буржуазных преобразований (намного более умеренную, чем программа Кошута), по многим вопросам пришлось противопоставить себя своим друзьям-магнатам, в то время как от Кошута разработка даже значительно более радикальной программы не потребовала разрыва с подобными же ему представителями среднего дворянства. К такому выводу мы можем прийти не только логическим путем, но и потому, что Сечени до самого конца был вынужден бороться, находясь в довольно сильной изоляции, в то время как Кошута уже с самого начала окружила целая когорта друзей-единомышленников, и эта группа либеральных дворянских политиков с течением времени становилась все более массовой.

Сказанное вовсе не опровергает того факта, что программа Кошута до 1848 года, несмотря на непрерывный рост либеральной оппозиции, не стала программой большинства дворянства, даже в период, непосредственно предшествующий революции 1848 года. Ибо большинство дворян не потому не сплотились вокруг Кошута, что считали его требования не отражавшими их собственных интересов, а из-за проти-

воречивости их собственного положения. Ведь большинству дворян было нетрудно понять, что помещикам действительно будет выгодно, если в будущем хозяйство в их поместьях будет основано не на барщинном крепостном труде, а на труде наемных работников. Однако капитал, необходимый для реорганизации хозяйствования, отсутствовал как у крупных, так и у мелких и средних помещиков, а у последних двух категорий — особенно.

Большинство дворян, конечно, поняли, что ситуация и в этом отношении коренным образом изменится, если Венгрия выйдет из подчиненного положения, в котором она находилась, будучи частью империи Габсбургов. Большинство поняло и то, что с подчиненным положением дворянство сможет покончить лишь в том случае, если приумножит свои силы; а эти силы сможет увеличить лишь тогда, когда превратит крестьян из врагов в своих союзников. Однако необходимым условием для завоевания крестьянских масс была предварительная ликвидация крепостных отношений. А непреложным условием для этого в глазах землевладельцев было предварительное улучшение своего финансового положения. Но это было неосуществимо без предварительного вывода страны из состояния подчиненности, то есть без той борьбы, начать которую дворянство не осмелилось бы без привлечения на свою сторону крестьянских масс. Хотя — и тем самым мы уже снова возвращаемся к нашему исходному пункту — необходимым условием для завоевания крестьянских масс была ликвидация крепостнических отношений, на что большинство дворян не могло решиться, предварительно не ликвидировав подчиненности страны. Но куда бы ни повернулась основная масса дворян, они повсюду столкнулись бы с проблемами, ждущими своего решения, и ни одну из них нельзя было решить без предварительного решения остальных. При этом дворянство не могло обнаружить нужное звено в цепи проблем, образующих, таким образом, замкнутое кольцо вокруг этого большинства дворянства; оно, правда, могло симпатизировать целям Кошута, однако стать его активной опорой. даже непосредственно перед 1848 годом, не могло.

От внимания Кошута, естественно, не укрылось, с какими проблемами пришлось столкнуться дворянскому большинству. Поэтому, упорно настаивая на ликвидации крепостнических отношений, он, подобно другим вождям либерального направления, не требовал от помещиков односторонних жертв. а, как мы уже видели, "соответствующей компенсации" (первоначально в 30-х годах): чтобы за выкуп, выплаченный крепостными, помещики освободили бы их от крепостных повинностей. Позднее (в начале 40-х годов), после того как стало очевидным, что громадное большинство крепостных

не в состоянии выкупить самих себя, он несколько изменил свою точку зрения, но лишь в одном вопросе, из-за которого теперь был готов ломать копыя, а именно чтобы бремя выкупа наряду с крепостными несла и государственная казна. Кошут и в дальнейшем не отказывался от требования, чтобы помещики, лишившиеся выгод от крепостных повинностей, получили денежную компенсацию и таким образом приобрели по крайней мере часть денежных средств, необходимых для перевода своих помещичьих хозяйств на капиталистические рельсы. Однако это совершенно не меняло положения, хотя бы уже потому, что идея о выкупе при содействии государства существовала вплоть до 1848 года, так как не была принята из-за упорного сопротивления Габсбургов и их приверженцев в Венгрии, а также потому, что узел в действительности не удалось бы все равно развязать даже в случае ее возможного осуществления. Ведь сотни миллионов, нужные для выкупа всех крепостных Венгрии, государственная казна смогла бы выплатить лишь с величайшим трудом, да и то в течение многих лет (а вернее, десятилетий), даже в том случае, если бы все еще пользовавшихся налоговыми привилегиями венгерских дворян удалось склонить к уплате налогов; это требование, впрочем, сам Кошут присоединил к требованию о ликвидации крепостнических отношений при содействии государства.

Итак, программа буржуазных преобразований Кошута — и тут мы снова возвращаемся к тому же, о чем уже говорилось, — соответствовала интересам дворянства, и тем не менее до 1848 года она не смогла стать программой большинства дворян. Но в марте 1848 года неожиданно пробыл час для 46-летнего Кошута, уже прошедшего половину своего жизненного пути, когда вспыхнувшие одна за другой революции в Вене, Граце, Пеште, Милане и Венеции в течение нескольких дней потрясли до основания имперскую систему Габсбургов, значительно ослабили их власть и положение, хотя и не повлекли за собой немедленный и полный распад империи. Но это тотчас же создало возможность венгерскому дворянству наконец взять в свои руки власть в Венгрии, и притом немедленно, даже без предварительного обеспечения поддержки со стороны крестьянских масс. И венгерское дворянство воспользовалось такой возможностью: заседавшие как раз в это время депутаты венгерского государственного собрания (несмотря на то что большая часть состояла из либералов, которые были гораздо умереннее Кошута, а меньшая часть рекрутировалась из консерваторов) в решающий час в середине марта единодушно поддержали Кошута, считавшего, что Венгрия не должна упустить случай, который, возможно, больше никогда не представится, чтобы как можно скорее

создать свою самостоятельную и совершенно независимую от Вены систему управления внутренними делами страны. Именно это единодушие в немалой степени способствовало тому, что венский двор после одно-двухдневной проволочки уступил государственному собранию. Таким образом, глава либеральной оппозиции граф Лайош Баттяни вскоре смог сформировать первое самостоятельное венгерское парламентское правительство.

Однако ослабление власти Габсбургов по-прежнему не являлось для Кошута причиной задержки решения вопроса о ликвидации крепостнических отношений. Более того, развитие событий в благоприятном направлении как раз и побуждало его именно сейчас, когда венский двор, главнейшее препятствие на пути урегулирования вопроса о крепостнических отношениях, был ограничен в свободе своих действий, решить наконец вопрос так, чтобы теперь уже бремя выплаты компенсаций помещикам за упразднение феодальных повинностей крепостные даже частично не должны были вынуждены брать на себя. Ибо даже внезапное устранение препятствий, мешавших прежде взятию власти, не могло заставить Кошута забыть о том, что ликвидация крепостного права — основное условие для создания буржуазной Венгрии. И так как Кошут ясно видел и то, что, хотя дворянство в данный момент и без ликвидации крепостнических отношений может овладеть правительственной властью, он, однако, считал, что прочность власти лишь в том случае может быть обеспечена, если в будущем дворянство сможет быстро привлечь на свою сторону крестьянство, то есть ни на минуту не будет затягивать ликвидацию крепостнических отношений. Ведь бурно нараставшее в то время по всей стране революционное брожение делало весьма вероятным, что если дворянство и в дальнейшем будет запаздывать с решением этого вопроса, то рано или поздно крестьяне сами освободят себя, даже вопреки воле дворянства. Само собой разумеется, что подобный разлад между крестьянством и дворянством был бы выгоден Габсбургам, которые не собирались окончательно смириться с ограничением своих позиций.

Как только в Пожони стало известно о нарастании революционной волны в Европе, Кошут тотчас же серьезно предупредил депутатов об их ответственности в связи с освобождением крепостных, обратившись к ним с риторическим вопросом: "Если мы после этого государственного собрания разойдемся, не дав народу того, что с таким правом и с таким же достоинством он ждет от законодательства, то кто же осмелится взять на себя ответственность за то, что последует в дальнейшем? Кто осмелится поручиться за то, что воодушевление и готовность к жертвам, которыми мы со-

трясаем стены этого здания, найдут отклик и в жизни? А если не найдут отклика, если встретятся как раз с противоположным тому, на что они рассчитывают, кто может поручиться за последствия?" И депутаты, вняв его словам, в этом вопросе прислушались к предупреждениям Кошута, действительно увязав требования о завоевании правительственной власти с требованием о немедленном освобождении крестьян от крепостной зависимости (теперь уже с государственной компенсацией в полном объеме). После чего они зафиксировали практические меры, связанные с освобождением крестьян в тексте закона, который определение способа компенсации объявил задачей следующего государственного собрания очередного созыва (последнее должно было конструироваться уже на основе народного представительства), а отмену крепостных повинностей предлагал осуществить немедленно (даже не откладывая до следующего государственного собрания).

Это одновременно означало, что и поместное дворянство в тот момент все-таки было принуждено нести такие жертвы, компенсации за которые оно могло надеяться получить лишь в будущем. Но это было сопряжено с опасностью, что если накаленная атмосфера первых дней начнет остывать, то первоначальная готовность действовать постепенно превратится в свою противоположность — в желание пойти на попятный, и, пожалуй, не у такой уж и малой части депутатов.

Однако Кошут и сам считался с этой опасностью и поэтому — хотя в дальнейшем он и не стал приверженцем революционных методов — теперь без колебаний начал сотрудничать с пештскими революционерами, сплотившимися вокруг Петефи, так как считал, что пештское революционное движение заставит представителей сословий понять, что они и думать не должны о каком-либо ущемлении дела освобождения крестьян, ибо малейшей такой попыткой они добьются лишь превращения страны в "бушующее пламя". И хотя освобождение крепостных произойдет и в этом случае, его осуществит само крестьянство. Следовательно, потери, которые должны были понести помещики в результате освобождения крепостных, в конечном счете не то что не уменьшились бы, а еще более увеличились, а, кроме того, дворянство окончательно лишилось бы возможности сделать крестьянские массы своими товарищами по оружию.

Однако Кошут весьма внимательно следил за тем, чтобы революционное движение в Пеште оказывало лишь стимулирующее воздействие на сословия, а не направляющее, и "вожди, — как он говорил своим товарищам-депутатам, — должны оставаться в наших руках" и впредь. А когда пештцы выступали с требованием, чтобы государственное собрание пе-

реехало в Пешт и перешло под их непосредственный контроль, Кошут самым решительным образом отклонил это требование, заявив: "... Я считаю население города Буда-Пешт, безусловно, важной частью нашей отчины, а Буда-Пешт — сердцем страны, но господином его никогда не буду считать". Более того, Кошут, как известно, без обиняков добавил, что "лишь нация принадлежит право решать судьбы страны, и эта нация... настолько сильна, чтобы раздавить всякого, кому подобная мысль пришла бы в голову". Ибо он опасался, что в Пеште государственное собрание полностью попадет под влияние пештского революционного движения и в результате узаконит такие далеко идущие новшества, которые большая часть дворянства уже ни в коем случае не была склонна поддерживать и которые, следовательно, обратили бы большинство дворян против дела преобразования страны.

В той же степени, в какой ему была дорога мысль о том, чтобы государственное собрание своими слишком далеко идущими нововведениями не отдалило большую часть дворянства от дела преобразования, в такой же степени он заботился о том, чтобы государственное собрание предприняло в то же время такие шаги в интересах преобразований (одновременно с целью завоевания народных масс), принятия которых еще можно добиться с помощью большинства дворянства, иначе говоря, "государственное собрание... не должно допустить слишком увести себя в сторону от нужной линии; но в проведении линии... не должно быть колебаний, а... следует делать то, что нужно делать". Но как бы безудержно Кошут ни угрожал раздавить пештских революционеров, на самом деле он ни единой минуты и не помышлял об этом. Он считал необходимым подчеркнуть не только то, что Пешт не представляет всю нацию, но и то, что и государственное собрание больше не может выступать от имени всей нации, потому что в действительности и господа дворяне, занимавшие места в государственном собрании, являлись лишь "представителями одного класса", а вовсе не всей нации, и что "прошли те времена, когда представители одного класса еще могли распоряжаться отчиной". А тем, кто все же пытался затормозить ход преобразований в дворянских интересах, Кошут прямо высказывал свое твердое мнение в таких же жестких выражениях, в каких до этого пытался воздействовать на пештских революционеров, старавшихся ускорить ход преобразований "Кто... препятствует... счастливым преобразованиям нашей родины... тем не удастся избежать того, чего они боятся", потому что "такого человека... который захотел бы воспрепятствовать проведению этих преобразований... нация раздавит". Собственно говоря, эта борьба Кошута является самой выдающейся услугой, которую он оказал своей родине на

протяжении своей долгой жизни. Потому что эта борьба сыграла решающую роль в том, что государственное собрание в конце концов в действительности не сделало больше того, чего обязательно требовали интересы преобразования, а все то, чего требовали интересы преобразования, — все это было сделано. Позднее это стало основной причиной того, что — когда многие представители крестьян считали революционные достижения, узаконенные в течение марта — апреля, слишком недостаточными, а многие помещики считали их слишком большими — чересчур большое чувство разочарования не охватило ни крестьян, ни большинство дворян. Таким образом, основная масса крестьянства отныне действительно перешла на сторону дворянства, а основная масса дворян по-прежнему продолжала идти по пути, ведущему к буржуазным преобразованиям, — по пути, на который она вступила в середине марта.

И этим путем продолжали идти не только те, кто еще до мартовских событий присоединился к либеральной оппозиции, но, например, и Сеченьи, который раньше выступал против Кошута и его соратников, прежде всего из опасений, что если венгерское дворянство начало бы борьбу за власть, то, имея в тылу крестьянские массы, ненавидевшие господ, ему пришлось бы при всех обстоятельствах вести борьбу на два фронта, и поэтому в борьбе оно неизбежно потерпело бы поражение. Однако, видя, как развиваются последние события, Сеченьи отбросил свои опасения. Но большинство тех, кто ранее придерживался консервативных взглядов, не стремились решительно двигать вперед дело реформы, но довольно долго не пытались и препятствовать этому процессу (и это понятно, ведь после упразднения крепостнических отношений и возложения компенсации на государственную казну даже помещики, придерживавшиеся консервативных взглядов, сразу же оказались заинтересованными в упрочении положения либерального правительства, или по крайней мере в его платежеспособности). Вследствие этого сторонники создания буржуазного строя могли приступить к работе, опираясь теперь на довольно широкий лагерь, а Габсбурги лишились возможности организовать в тылу этого лагеря более или менее значительный лагерь врагов революции. Между тем обратиться к оружию с целью быстрой ликвидации венгерской революции Габсбурги могли лишь в случае серьезного раскола венгерского общества, так как действия значительной части армии императора с самого начала (и затем еще долгие месяцы) были полностью связаны революциями, вспыхнувшими в других частях империи. Контрреволюция в самой Венгрии могла обрести поддержку со стороны лишь тех национальных движений, которые — поскольку Кошут и

его либеральные сподвижники, опасаясь за сохранность завоеванных ими в марте позиций, уклонились от предоставления равноправия национальным меньшинствам — постепенно, шаг за шагом становились в оппозицию венгерской революции. Но Габсбурги не могли опираться только на движения национальных меньшинств, если хотели нанести поражение венгерской революции. В целом же мартовская победа политики Кошута, чрезвычайно расширил лагерь революции, одновременно выиграла время и для упрочения своих позиций и подготовки необходимых мер для достойного отпора вооруженному нападению контрреволюции, которое, пусть позднее, но неизбежно должно было произойти.

Хотя Габсбурги вынуждены были в сложившихся обстоятельствах отказаться от вооруженного выступления против венгерской революции, пока в основном не стали хозяевами положения и не нанесли поражения революции, вспыхнувшим в других частях империи, в сентябре 1848 года они все же двинули свои войска против Венгрии. И вот тогда руководящий дворянский слой оказался, как и в марте, перед решающим выбором: ведь теперь возник вопрос, продолжать ли дальнейшую — на этот раз вооруженную — борьбу или же без сопротивления стать на колени перед контрреволюцией. Однако большинство и на сей раз поддержало линию Кошута, то есть избрало вооруженную борьбу, в первую очередь из-за справедливого опасения, что Габсбурги, не будучи заинтересованы в возбуждении против себя миллионных крестьянских масс, не отменили бы освобождение от крепостной зависимости даже в том случае, если бы лагерь революции покорился без сопротивления; тогда бы венгерское дворянство вновь оказалось оттесненным с руководящих высот, занятых в марте 1848 года, и в результате сложилась бы такая ситуация, при которой дворянство и впредь было бы вынуждено нести взятое на себя в марте бремя с целью удовлетворения крестьянства, раз и навсегда отказавшись от того, на что в свое время твердо рассчитывало как на достойное возмещение взятого на себя бремени, ибо если бы оно не рассчитывало на это, то наверняка не пошло бы на такие большие жертвы.

Подобные опасения могли, конечно, послужить лишь первым толчком для того, чтобы в тот момент большая часть дворян решила поднять брошенную ей перчатку; в этом должна была сыграть свою роль и убежденность в том, что на вызов действительно стоит дать ответ, поскольку лагерь революции будет достаточно сильным для успешного ведения борьбы. А поверить в это стоявшие во главе революции дворянские политики могли, лишь будучи уверенными, что крестьянские массы останутся с ними и в дальнейшем. Но

будет ли это так, в тот момент казалось еще довольно неясным. Ведь значительное большинство крестьянства уже в марте получило то, о чем мечтало. Правда, были и такие крестьяне, которых мартовские реформы удовлетворили лишь частично или вовсе не удовлетворили, а соблазнить их, как и других, дальнейшими значительными уступками дворянская верхушка уже не могла без серьезного ущерба для своих собственных интересов.

Но если из-за подобных причин у некоторых представителей дворянства временно и возникли сомнения, то они довольно быстро рассеялись, ибо в последующие недели тысячи, десятки тысяч крестьян наконец взяли за оружие и поднялись на защиту революции. В этом выдающуюся роль сыграл сам Кошут. В конце сентября и в начале октября он выступал на многочисленных собраниях в крупнейших сельских городах (местечках) в долине реки Тисы, вербуя добровольцев, и то, что он говорил в своих выступлениях, заставляло серьезно задуматься собравшихся его слушать крестьян, с марта смотревших на него как на истинного друга народа. При этом одним из главнейших тезисов в его речах было следующее: "Если сейчас каждый сын венгерской нации, у которого есть руки, не встанет на защиту своей отчизны то... венгерскую землю... разделит между собой сербские грабители и илирийские [подразумевается: хорватские. — Авт.] мятежники, и тебя, жертву предательства, бедный венгерский народ, истребят, ты будешь исключен из рядов живущих наций". Эти слова, учитывая то, что контрреволюция извне вторглась в страну, не были лишены убедительности и, следовательно, способствовали раздуванию националистических страстей. А на тех, на кого предсказания о смерти нации все же не действовали, мог оказать воздействие другой важный тезис речей Кошута, согласно которому у контрреволюционных кругов "конечной целью является восстановление старого печального положения... и того (тех), кого из нас не убьют, снова ввергнут в прежнее рабство, прежнее ярмо, в прежнюю нищету". Ведь это резко могло усилить беспокойство крестьянства (на самом деле, конечно, безосновательное), что в случае победы контрреволюции оно не только не сможет рассчитывать на дальнейшие уступки, но и на сохранение завоеваний, полученных в марте в результате освобождения крепостных.

Итак, в конечном счете сотрудничество, сложившееся между лучшими представителями дворянства и крестьянскими массами весной 1848 года, не было нарушено и в критические дни сентября. Таким образом, новому правительству революционной Венгрии, возглавляемому лично Кошутым, в течение последующих месяцев удалось организо-

вать довольно многочисленную революционную армию гонимых, и эта армия к весне 1849 года уже и на полях сражений доказала, что Габсбурги не смогут поставить на колени лагерь революции только своими силами, без привлечения внешних союзников.

На полях сражений к весне 1849 года подтвердилось не только то, что Габсбурги одни не в состоянии окончательно справиться с венгерской революцией, но также и то, что лагерь венгерской революции в свою очередь неспособен окончательно справиться с Габсбургами, потому что он был в действительности не намного слабее, но и не сильнее сил контрреволюции. Однако проявление относительного равновесия стало вызывать в рядах дворянского руководства революционным лагерем все большее разочарование, и наконец стало доминировать мнение, что если прежде и был смысл в сопротивлении, то дальнейшее продолжение оборонительной борьбы явилось бы уже полностью ошибочным шагом. Дворянское большинство начало рассуждать так: если ни одна сторона не располагает значительным превосходством в силах, то лагерь революции — сколько бы времени он ни продолжал борьбу — ни в коем случае не сможет защитить все мартовские завоевания целиком. В то же время сохранение части завоеваний можно обеспечить и без дальнейшего продолжения борьбы, более того, именно тогда дворянство сможет действительно обеспечить результаты завоеваний, если ясно даст понять, что больше не будет настаивать на своих прежних неуступчивых позициях, а готово вступить с Габсбургами на путь соглашения, основанного на взаимных уступках. Потому что рано или поздно и сами Габсбурги осознают (а может быть, уже осознали), что они также недостаточно сильны, чтобы уничтожить всю совокупность мартовских завоеваний, подобно тому, как и лагерь революции недостаточно силен, чтобы их защитить. И если Габсбурги придут к выводу, что революционный лагерь все же не склонен прекратить борьбу, то и они не проявят склонности к этому. Если же лагерь революции выступит с мирной инициативой, то Габсбурги ухватятся за это предложение: ведь они сочтут более выгодным пойти таким путем, пожертвовав одной частью своих целей, но по крайней мере достигнув другой части поставленных целей, нежели оказаться вынужденными ждать до тех пор, пока они, как и их противники, не истощат окончательно свои силы.

И Кошут ясно видел, что подобные расчеты основаны на песке, потому что, и не будучи революционером, он знал, что революционные войны еще никогда не кончались, да и не могут окончиться мирным соглашением противоборствующих сторон, основанным на взаимных уступках. Следовательно,

он делал все от него зависящее, чтобы выбить почву из-под ног соглашателей-примиренцев. И когда в апреле 1849 года ему наконец удалось с большим трудом добиться того, что государственное собрание объявило о низложении династии Габсбургов, дома он вздохнул с облегчением: "Мне надо было положить конец этому коварству. Дело сделано. Полагаю, что эта политика не разочарует нас". Но если он так думал, то наверняка ошибался. Потому что и лишение трона не могло истребить у рабов иллюзий тщетных надежд. Не помогло и то, что Кошут после низложения императорского дома стал правителем—президентом Венгрии: одновременно с этим проведению политики Кошута раз и навсегда пришел конец; и наиболее наглядным признаком этого может служить тот факт, что вскоре прекратились также и наступательные действия армии гонимых, которые начались за несколько недель до этого события. А это имело роковые последствия.

К этому времени сами Габсбурги поняли, что для разгрома революции у них недостаточно сил. Однако, понимая это, они сделали не тот вывод, что необходимо срочно вступить в мирные переговоры со своими взбунтовавшимися венгерскими подданными, а совершенно иной: решили, что нужно срочно искать помощи извне. Попытки заполучить помощь оказались успешными. И естественно, не из-за случайного благоприятствования, а потому что возможный распад империи Габсбургов мог бы повлечь за собой крах всей европейской системы власти. В результате уже в июне 1849 года на стороне императорских войск сражались вторгнувшиеся в Венгрию войска царской России. Это открыло наконец глаза той части венгерских политиков, которые в предыдущие месяцы искали несуществующую тропинку к примирению, но было уже поздно. Таким образом, начиная с июня венгерская революция неудержимо пошла на убыль и после отчаянных, длившихся несколько недель арьергардных боев, потерпела окончательное поражение. Но даже быстрый разгром революции не позволил Габсбургам восстановить крепостническую систему; однако такой поворот событий сделал возможным снова — еще в более полной мере, чем до революции 1848 года, — оттеснить венгерское дворянство от управления страной.

И в первую очередь именно это — окончательное поражение революции и установленный затем в стране деспотический режим — побудило многих называть Кошута за усилия по организации сопротивления, предпринятые им с осени 1849 года, безответственным строителем воздушных замков. Между тем борьба, вспыхнувшая в 1848 году между венгерскими сторонниками буржуазных преобразований и Габсбургами, как не была доведена до конца весной 1848 года, когда ла-

герь революции одержал верх над Габсбургами, так не завершилась и летом 1849 года, когда одержали верх Габсбурги, да она и не могла окончательно завершиться даже тогда — ведь сиюминутный успех, достигнутый контрреволюцией летом 1849 года, не в состоянии был существенно изменить соотношение сил, несомненное равновесие которых (попутно заметим, что именно борьба за свободу явилась самым убедительным свидетельством этого) вынудило Габсбургов прибегнуть к внешней помощи для подавления венгерской революции ценою нанесения значительного ущерба своему международному авторитету.

И если все же произошел какой-то сдвиг в соотношении сил, вызванный самими событиями 1848—1849 годов, то он произошел не в пользу Габсбургов. И хотя лагерь сторонников буржуазных преобразований, несомненно, и ослабел в результате понесенных кровавых потерь — частично в результате вооруженной борьбы, частично в ходе беспощадных контрреволюционных репрессий, последовавших после поражения революции, — эти потери далеко не компенсировали Габсбургам тот ущерб, который ранее нанесла им революция. Об этом красноречиво свидетельствуют и неудачи на международной арене, непрерывно преследовавшие Габсбургов в течение последующих десятилетий.

И зря торжествовали Габсбурги летом 1849 года по поводу казавшейся столь однозначной победы: они не смогли полностью и навсегда оттеснить венгерское дворянство от управления страной, равно как и лагерь революции не смог удержать и сохранить все завоеванное им в марте 1848 года. И это — если и не сразу, то со временем — они и сами вынуждены были признать (не лишне заметить, что это произошло под влиянием уже указанных международных неудач, которые в конечном счете явились результатом ослабления имперских позиций в 1848—1849 годах). Поэтому уже в середине 60-х годов они и сами признали неотвратимую необходимость снова предоставить венгерскому дворянству возможность участвовать в управлении страной.

Как результат такого процесса компромисс, заключенный в 1867 году, представлял собой соглашение, основанное на взаимных уступках, соответствующих фактическому соотношению сил. Таким образом, венгерскому дворянству, хотя и ставшему в 1867 году вновь главнейшим фактором власти в Венгрии, тем не менее не удалось вернуть часть позиций, которые были завоеваны им весной 1848 года и утрачены летом 1849 года. Но даже несмотря на это, лишь поверхностный наблюдатель может обвинить Кошута в том, что он в свое время непреклонно выступал про ив апостолов примирения, основанного на взаимных уступках.

Верно, что, например, и в 1867 году у дворянства не было возможности восстановить венгерское военное министерство и министерство финансов, созданные весной 1848 года и большую часть функций этих двух министерств пришлось возложить на совместные австро-венгерские министерства. Но ведь на подобное решение более умеренные руководители венгерской революции были бы согласны пойти и в 1848 году до начала освободительной войны: в конце августа 1848 года премьер-министр Баттjани с целью предотвращения непосредственно угрожавшего уже тогда вооруженного столкновения именно с этим решением направился в Вену, чтобы в случае необходимости внести предложение передать полномочия (или по крайней мере наиболее существенные их элементы) действовавшим с марта независимо друг от друга австрийского и венгерского военных министерств и министерств финансов другим ведомствам, которые по логике вещей не могли быть ни чем иным, как общими австро-венгерскими министерствами, которые надлежало бы вновь создавать.

Однако в Вене тогда еще и слышать не хотели о таком урегулировании, которое обеспечило бы венгерским правящим кругам — ценой отказа от самостоятельного решения военных и финансовых вопросов — "взаимность" (то есть право вмешательства в австрийские и общеимперские военные и финансовые дела), и венский двор потребовал, чтобы венгерское правительство просто подчинилось австрийскому кабинету. Следовательно, когда в 1867 году договаривающиеся стороны достигли согласия о создании общих австро-венгерских военного министерства и министерства финансов, то тогда не только представители венгерского дворянства пошли на уступки в своих требованиях, но и Габсбурги отказались от своих требований, которые до начала освободительной борьбы казались столь твердыми. А это свидетельствует о том, что освободительная борьба являлась предварительным и необходимым условием для заключения соглашения 1867 года.

Таким образом, события 1867 года подтвердили правоту не тех, кто считал, что и без дальнейшего продолжения освободительной борьбы можно достичь урегулирования подобного рода, а именно тех, кто в 1848 году во главе с Кошутом поставил перед собой цель — в действительности недостижимую — защитить все мартовские завоевания целиком и кто ради этого после провала попыток Баттjани взялся за оружие и стал наносить удар за ударом врагам революции. И достижение соглашения подтвердило их правоту, даже несмотря на то, что их борьба в 1849 году все же окончилась поражением и лишь по прошествии многих лет стала при-

носить плоды. Как это косвенно признал в 1867 году руководивший с венгерской стороны переговорами о соглашении Ференц Деак, который, выступая в государственном собрании, указал, что основы соглашения, несмотря на понесенное в 1849 году поражение, были заложены в преобразованиях 1848 года и "эти преобразования история свяжет с именем человека, который... начал их и проводил в жизнь с неутомимой решительностью".

Другое дело, что сам Кошут, который в конце лета 1849 года удалился в эмиграцию с решимостью при первой же возможности вновь поднять знамя освободительной борьбы, не желал видеть в компромиссе оправдание постфактум освободительной борьбы 1848—1849 годов и поэтому не нуждался в признании своих заслуг Деаком. Он жил с убеждением, что если венгерское дворянство в результате компромисса и получит вновь часть завоеваний им в 1848 и утраченной в 1849 году власти, то в дальнейшем оно не сможет воспрепятствовать тому, чтобы Габсбурги в будущем — как и перед 1848 годом — подчинили интересы Венгрии чуждым для нее общеперимским интересам. "И каковы будут последствия этого? — рассуждал Кошут, стараясь объяснить причину своего столь глубокого беспокойства. — То, что освобожденная таким образом от всех уз... политика венского кабинета может вовлечь нашу родину в войну не на жизнь, а на смерть, за интересы, диаметрально противоположные нашим, когда ей будет угодно. И вовлечет обязательно". Но война "разрушит империю, однако... так, что под тяжестью этих развалин будет погребена и Венгрия".

И в этом Кошут оказался совершенно прав, что с поразительной точностью подтвердилось почти через полвека. Он оказался прав даже в большей степени, чем сам предполагал. Потому что вначале он еще считал, что открывается возможность избежать угрозы такого будущего, а именно в том случае, если дворянство, все еще единственный класс, призванный, по его мнению (да и фактически), играть руководящую роль, почерпнув уроки из его предупреждений, покончит с надеждами, связанными с компромиссом, возобновит борьбу, причем на этот раз поставит своей целью не только восстановление мартовских завоеваний во всей их совокупности, но одновременно и достижение полной независимости Венгрии от империи Габсбургов. Хотя в действительности никакая сила не могла уже заставить венгерское дворянство вновь взяться за оружие.

И не только потому, как стало очевидно, что противоборствующие стороны вступили в 1848 году на арену борьбы, имея примерно равные силы, но и потому, что возможное повторение борьбы за свободу увенчалось бы большим ус-

пехом, чем в 1848—1849 годах, лишь в том случае, если бы венгерскому дворянству снова удалось собрать большие, чем прежде, силы, то есть если оно смогло бы сплотить вокруг себя больший, чем прежде, лагерь. Следовательно, венгерскому дворянству в случае нового восстания прежде всего пришлось бы вновь сплотить вокруг себя широкие крестьянские массы. А чтобы привести крестьян в движение, можно было бы, конечно, и в 60-е годы вновь выдвинуть уже оправдавшие себя в 1848 году националистические лозунги. Однако для обеспечения должного успеха к этим лозунгам, как и в 1848 году, следовало бы обязательно присоединить еще какой-либо новый лозунг. Таким лозунгом тогда уже никак не могла стать ни формула освобождения от крепостничества, ни ссылка на угрозу его упразднения, которая также себя хорошо оправдала в 1848 году, так как освобождение крепостных крестьян к тому времени давно уже стало необратимым фактом. Таким образом, теперь националистические лозунги требовалось бы дополнить другим общественно-политическим лозунгом, и, разумеется, таким, притягательная сила которого не будет слабее притягательной силы лозунга конца 40-х годов об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Иными словами, дворянству в случае, если бы оно захотело поднять знамя борьбы, следовало бы провозгласить теперь уже и программу раздела земли. Но дворянство, само собой разумеется, и не помышляло о нанесении ущерба помещичьему землевладению; об этом и сам Кошут никогда не думал.

Не говоря о том, что дворянство и в случае, если бы ему удалось поднять крестьянские массы, оставалось бы на тех же позициях, что и во время революции. Таким образом, чтобы значительно расширить лагерь, сделать его более сильным, чем он был во время революции, дворянству следовало бы теперь привлечь на свою сторону и народные массы других национальностей, которые в 1848 году взяли за оружие, борясь против революции. Об этом — в отличие от вопроса о разделе земли — думал уже и сам Кошут; именно поэтому он уже с весны 1850 года подчеркивал, что жизненно важное значение имело бы создание такой конфедерации придунайских государств, которая "спаяла бы в едином союзе венгерский народ и живущие по соседству с венграми малые народы", и что без этого у Венгрии просто "нет будущего", ведь малые народы и в других частях света в большинстве случаев могут обеспечить политическое существование и свою национальную самостоятельность и независимость лишь путем создания тесной федерации", а для придунайских народов конфедерация как раз "единственная возможность, вне которой их гарантированное государственное существование невозможно и представить", так как "они окружены и нахо-

дятся под угрозой со стороны не только по преимуществу крупных держав, но и по своей природе абсолютистских”.

Но хотя Кошут и сумел сделать вывод из уроков 1849 года и далеко ушел от своей прежней точки зрения, когда свою главную мысль сформулировал так: “Рядом с нами находятся великие державы. Давайте объединимся, чтобы, поддерживая друг друга, сохранить нашу независимость”, — по-настоящему даже и тогда не смог найти ключ к решению национального вопроса. Ибо, раздумывая над тем, каким же образом можно *на практике* создать Дунайскую федерацию малых народов, он разрабатывал такие планы, которые предусматривали на самом деле организацию союза не народов, а исторических государственных образований в составе собственно Венгрии, а также подлежащей отделению от нее Хорватии (а возможно, и Трансильвании), кроме того, Сербии, Валахии и Молдавии. Конечно, на бумаге план создания подобного государственного союза выглядел чрезвычайно многообещающим. Однако для действительного привлечения на свою сторону невенгров, проживавших на территории Венгрии, требовалось уже нечто большее (в сущности, для того, чтобы эта идея была принята сербскими, валашскими и молдавскими правящими кругами, непременно требовалось еще кое-что), а именно чтобы невенграм и в пределах границ Венгрии предоставлялась территориальная автономия, то есть чтобы внутренняя структура самой Венгрии была поставлена на федеративную основу. Но так далеко пойти уже не был склонен и сам Кошут, так как он считал, что “желание применить идею конфедерации в отношении различных народностей, населяющих Венгрию... диаметрально противоположно идее... территориальной целостности и политического единства нашей родины”, а от этой идеи он не мог отказаться до самой смерти.

Из сказанного следует, что если сам Кошут не мог отказаться от этой идеи, то от дворянских политиков, которые в отличие от него понимали, что дворянство в Венгрии никогда более и ни при каких обстоятельствах не сможет монопольно овладеть правительственной властью, еще менее можно было ожидать, что они вступят на такой путь, следуя по которому, может быть, удастся предупредить распад целостной Венгрии, что с такой озабоченностью и так точно он предсказывал. То есть поделить управление страной не с Габсбургами, а с представителями народностей, населявших Венгрию (отказаться не от части прерогатив одного или двух министерств, а от административного единства страны); для того чтобы — что, по мнению этих политиков, еще хуже — заключить такую сделку, они должны решиться на новое вооруженное столкновение и, следовательно, на связанные с ним новые кровавые

жертвы; а для того, чтобы добиться успеха в новой вооруженной борьбе, нужно пойти на новые огромные уступки крестьянству, причем теперь уже такие, от которых классу помещиков в отличие от освобождения крестьян от крепостной зависимости материальная выгода вообще не предвидится, а ущерб будет нанесен гораздо больший. Потому в Венгрии, идущей к компромиссу, даже не нашелся ни один дворянский политик, который попытался бы опровергнуть мнение Кошута о том, что внутренняя федерализация страны была бы равноценна “гибели отчизны”; зато немало можно было встретить таких, которые поспешили отречься даже от его половинчатого плана конфедерации, заявляя, что “осуществление его воистину явилось бы смертью для Венгрии”. И положение в этом вопросе отнюдь не изменилось и после заключения соглашения.

Однако то, что в Венгрии после 1867 года громадное большинство дворян отрицательно встретили предложения Кошута, объяснялось еще одной и более веской, чем упоминавшиеся выше, причиной, суть которой состояла в том, что имперские интересы Габсбургов после 1867 года в действительности больше уже не пересекались в такой степени с интересами развития Венгрии, как это было до 1848 года и как Кошут неизменно предполагал. Ибо и ограниченная власть, фактически полученная верхушкой венгерского дворянства в 1867 году, оказалась достаточной, чтобы в дальнейшем более успешно, чем прежде, представлять интересы страны в отношениях с Веней. И Венгрия независимо от этого теперь уже не могла быть возвращена в подчиненное положение, в котором она находилась до 1848 года, потому что после поражения революции и, несмотря на него, в результате освобождения крестьян от крепостных отношений на этой кровью политой земле начали бурно развиваться капиталистические производственные отношения даже в период абсолютизма, а после 1867 года они получили еще большее развитие.

Но это уже оставалось вне поля зрения Кошута. Нельзя сказать, что он совершенно не замечал признаков капиталистического развития страны. То, например, что в области промышленности “и в Венгрии есть прогресс”, и он не подвергал сомнению. (Хотя в силу свойственной ему манеры мышления он комментировал этот процесс следующим образом: “Это такое дело, дорогу которому невозможно совсем преградить даже ценой отказа от самостоятельности”.) Однако среди признаков прогресса он большей частью замечал отнюдь не те, которые выражали существенные, перспективные черты преобразований, а такие, которые обнажали теневые стороны капиталистического строя — бурно развивающееся коры-

столюбие, непорядочность и тому подобное. Где отмечалось развитие, там чаще всего Кошут видел деградацию, моральный упадок; а после того, как он обнаружил, что к его словам на родной земле охотно прислушиваются лишь те, кто несет бремя капиталистического развития, от тех же, кто греется у огня власти, посылаемые им на родину предупреждения и советы отскакивают, как горох от стенки, он все более стал склонен объяснять такое отношение исключительно моральными причинами: отсутствием мужества и другими неловческими пороками. И он тем больше склонялся к таким выводам, чем большее число невыносимо долго тянувшихся лет находился в изгнании, продолжавшемся пять с половиной десятилетий, и чем труднее ему становилось из года в год оставаться в строю, невзирая на то, что силы его иссякали; как и прежде, он руководствовался внутренним побуждением оставаться несломленным на своем посту до самой смерти с высоко поднятой головою, даже в том случае, если его современники окажутся более слабыми.

Вот почему постепенно, а на закате своей жизни охваченный чувством полной безнадежности Кошут все чаще чувствовал внутреннюю потребность горько восклицать: "Растленный век! Растленные нравы!" Вот почему и в своем последнем послании, обращенном к своим соотечественникам, Кошут с неумолимостью констатировал: "Я... не являюсь представителем современной эпохи; алтарь, перед которым современный человек молится (я неудачно сказал: не молится, а отчитывается), — не мой алтарь".

Вот почему, стоя у края могилы и подводя итог делу своей жизни, он был способен говорить о своем жизненном пути лишь в таком тоне, в котором чувствуется терзавшее его душу отчаяние: "Весьма огорчительно ... когда старый человек, никогда не просивший у судьбы никакой иной милости, кроме как иметь возможность сделать что-нибудь непреходящее на благо отчизны, в конце своей долгой жизни тщетно ищет на своей родине признаки избавления, которые изгнали бы из его головы мучительную мысль, что он жил напрасно". А "эта мучительная мысль преследует меня", "сознание неудачи окрашивает печалью конец моей жизни", — пишет он в 1883 году.

Он боролся за большее, значительно большее того, чего на самом деле смог достичь, и потому принизил значение того, чего действительно добился. А то, что ему не удалось добиться осуществления своих наиболее далеко идущих целей, он объяснял не тем, что эти цели на самом деле были уже недостижимы, а тем, что беспощадная судьба всего лишь спустя один короткий год навсегда отстранила его от возможности активно действовать.

Между тем в Венгрии в последовавшие после 1848 года десятилетия, то есть в период, названный Кошутом временем нравственного падения, произошли такие широкие и прогрессивные преобразования, которых эта страна не знала со времени возникновения феодального строя. Но основы этих преобразований, как мы видели, заложили именно те, кто в 1848 году, объединившись вокруг Кошута, взялся за оружие, рассчитывая добиться намного большего, даже если им в действительности было отведено слишком короткое время для этой борьбы. Ведь чтобы разорвать цепи феодальных отношений, все больше и больше врезавшихся в тело нации, потребовались такие действия, которые были посильны лишь людям, стремившимся к значительно большим целям. И если Кошут не смог понять этого вплоть до последних минут своей жизни, то потомкам, последующим поколениям все же необходимо это понять. Или по крайней мере следовало бы понять.